

А. МУХТАРОВ

**ОЧЕРК ИСТОРИИ
УРА-ТЮБИНСКОГО
ВЛАДЕНИЯ В XIX в.**

ДУШАНБЕ — 1964 г.

А. МУХТОРОВ

ОЧЕРКИ ТАҶРИХИИ
МУЛКИ УРОТЕППА
ДАР АСРИ XIX

Мухаррири масъул доктори фанҳои таърих
Б. И. ИСКАНДАРОВ

А. МУХТАРОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ УРА-ТЮБИНСКОГО ВЛАДЕНИЯ В XIX в.

*Под редакцией доктора исторических наук
Б. И. ИСКАНДАРОВА*

ВВЕДЕНИЕ

Присоединение Средней Азии к России имело огромное прогрессивное значение. Был положен конец бесконечным разорительным междоусобным феодальным войнам. Прекратился угон населения из одной области в другую, было отменено рабство. В ранее отсталых владениях Средней Азии после присоединения их к России начала зарождаться промышленность. Представители коренного населения поступали работать на предприятия и постепенно, под влиянием революционного движения в России, под руководством русского пролетариата включались в общую борьбу против царского самодержавия и баев. С присоединением к России у среднеазиатских народов появилась возможность приобщиться к передовой культуре русского народа, что привело к ряду изменений в быту и социальном строе населения. Наконец, народы Средней Азии избавились от угрозы порабощения их английским империализмом.

Все это целиком относится к Ура-Тюбинскому району, входящему в состав Таджикской ССР. В 60-е годы к России было присоединено лишь несколько северных районов современного Таджикистана. Остальные же находились под властью эмира бухарского.

Цель этой работы — исследование социально-экономической и политической истории Ура-Тюбинского владения в прошлом столетии. Особое внимание мы уделяем прогрессивному значению присоединения района к России. Рассмотрев особенности экономической и политической жизни населения изучаемого района до присоединения, можно понять, от какой участи избавились жители Средней Азии, приняв участие в борьбе с царизмом и получив возможность воспользоваться плодами Октябрьской революции.

Первая и вторая главы работы посвящены истории Ура-Тюбинского владения в первой половине XIX в. и накануне

его присоединения к России. Несмотря на большое количество литературы, посвященной истории Средней Азии во 2-й половине минувшего столетия, результаты присоединения к России всесторонне не исследованы. Специально Ура-Тюбинскому району не посвящено ни одной работы. В различных источниках, посвященных отдельным проблемам, народам и странам, в том числе Средней Азии, имеются методологические указания классиков марксизма-ленинизма, которыми и руководствовался автор при написании своей работы. В трудах Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии», «О разложении феодализма и развитии буржуазии», статьях об Индии даются ценные указания об особенностях развития общественно-экономических формаций и классовой борьбы в докапиталистическом обществе, в том числе и в странах феодального Востока. Принципиально важное значение методологического характера имеется в трудах В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Пробуждение Азии», «Тетради по империализму», «К деревенской бедноте», «Еще к вопросу о теории реализации».

История Ура-Тюбе в значительной степени освещалась также в работах дореволюционных авторов—путешественников, официальных представителей самодержавия и других. Однако в их трудах история интересующего нас края (в частности, вопрос о феодальных войнах) освещена неглубоко и бессистемно. Мы решили систематизировать все войны, происходившие на территории владения с начала XIX в. до присоединения к России. Именно этим событиям посвящена первая глава нашей работы. Для этого мы использовали труды таджикских и узбекских авторов. Например, «Гульшан ал-мулук» («Цветник царей») Мухаммеда Якуба, излагающий всеобщую историю от Мухаммеда до эмира Насруллы (последними описываются события 1830—1831 гг.). Работа ценна тем, что ее автор, принадлежавший к мангытской правящей верхушке, хорошо знал и описал многие события, которые не были доступны другим историкам. В этом отношении особенно ценны сведения о событиях конца XVIII и начала XIX столетий, очевидцем которых он был. Нами использована рукопись этого труда, датированная 1353 годом хиджры (1934) и хранящаяся в Отделе востоковедения и письменного наследия Академии наук Таджикской ССР.

История второй половины XVIII в. нашла свое отражение в труде «Тухфа-и хони» («Ханский подарок»), или «Таърих-и-Рахим-хони» («Рахимханская история») Мухаммед Вафа-и Карминаги. Здесь описывается история первых Мангытов

вплоть до события 80-х годов. Рукопись датирована 1213 (1798—1799) г. Она завершается добавлением истории Бухарского ханства по 30-е годы прошлого столетия.

Следующая использованная нами работа — это «Таърих-и авайл ва авахир» («История начал и концов»), иначе — «Таърих-и Бухоро» («История Бухары»).¹ Ее автор Муини (по всей вероятности, псевдоним) описывает события от «сотворения мира» до начала правления эмира Насруллы (1826—1860). Большое внимание тут уделяется периоду правления эмира Хайдара, современником которого был автор. В заключении (стр. 119—129) повествуется об истории узбекского племени юз, о его власти сначала в Гисаре, а потом в Ходженде и Ура-Тюбе. Здесь же излагается история племени мангыт. Рукопись без даты (вероятно, она относится к началу нашего века) хранится в том же Отделе. По-видимому, это редкий экземпляр.

Борьба правителей Бухары и Коканда за Ура-Тюбинское владение и бесчинства на территории последнего нашли отражение в произведении Муллы Ибадуллы и Муллы Мухаммеда «Таърихи амир Хайдар» («История эмира Хайдара»), хранящемся в Институте востоковедения Узбекской Академии наук.

Войнам между эмиром Насруллой и кокандским ханом Мухаммедом Али посвящена работа Дои Бухары «Фатх-нома» («Книга побед»),² экземпляр которой хранится в Отделе востоковедения и письменного наследия Таджикской Академии наук.

Периоду правления эмира Насруллы посвящен труд неизвестного автора «Зафар-нома-и Хисрави» («Царственная книга побед»). В нем даются подробнейшие описания военных походов Насруллы в соседние владения, заключение различных договоров, их условия и т. п. Рукопись датирована 1279 (1862—1863) годом, хранится в том же Отделе.³

Из источников, касающихся Кокандского ханства, мы использовали главы «Шах-нома», посвященные периоду правления Омар-хана (1809—1822). На последней странице этого труда написано, что Омар-хан поручил историку Мирзо Каландар Мушрифиди Исфагаи изложить прозой часть поэтического произведения придворного поэта Фазли Намангани. Использованная нами рукопись переписана 14 мая 1937 г. сотрудником Публичной библиотеки Таджикской ССР

им. Фирдоуси Солах Мирза Кабиллом и хранится в Отделе востоковедения АН Таджикской ССР.

Истории Кокандского ханства в первой половине XIX в. посвящено автобиографическое произведение Ходжи Хаким-хана «Мунтахаб-ат-Таворих» («Извлечение из летописей»). Этот объемистый труд охватывает события, происходившие в Средней Азии, начиная с середины XVIII в. и кончая первыми годами правления Шер-Али-хана в Коканде (1842—1845). Для нас работа ценна тем, что автор был непосредственным участником ряда описанных нами событий или же слышал о них от непосредственных участников. Исползованный нами экземпляр рукописи датирован 1259 (1843) г. и хранится в Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР.

Политические события, происходившие на территории Ура-Тюбинского владения в начале XIX в., нашли отражение в анонимной рукописи «Миръат ал-футух» («Зерцало побед»), единственный экземпляр которой хранится в библиотеке им. проф. А. А. Семенова при Институте истории им. А. До-ниша Академии наук Таджикской ССР.⁴

Следующий труд, относящийся к кокандской истории, называется «Зафар-нома-и Худойр-хон» («Книга о победах Худойр-хана»). Автор его — Абдул Гафур. О содержании рукописи свидетельствует ее название. В ней дается (в стихах) история Кокандского ханства в период правления предпоследнего хана Худояра (1845—1858; 1862—1863; 1866—1875). Несколько списков этой книги хранится в Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР. Исползованная нами рукопись датирована 1275 (1859) г. и является автографом

Из источников, касающихся Кокандского ханства, следует отметить также «Таърих-и Шахрухи» («Шахрухова история») Муллы Нияза Мухаммеда. Автор охватывает историю ханства со дня основания и до последних дней его существования (1875). Особенно интересно освещены события, свидетелем которых был сам автор. Труд издан в 1885 г. в Казани Пантрусковым на таджикском языке.

Во всех вышеперечисленных источниках дается описание только политических событий, истории отдельных ханов, походов и побед одних правителей над другими. Авторы совершенно не касаются истории производителей материальных благ—народных масс. Каждый историк, стоящий при дворе того или иного хана, стремился возвеличить в своем труде подвиги своего покровителя. Исползовать перечисленные источники можно только при критическом подходе к оценке дан-

ных в них событий. Одним из главных недостатков таджикских и узбекских авторов является то, что, описывая какое-нибудь событие, они не сообщают его даты, т. е. отсутствует последовательная хронология событий, или освещают его в искаженном виде. Все это затрудняет задачи исследования. Тем не менее, наряду с чрезвычайно большим количеством всякого баснословия, в этих трудах очень много ценного фактического материала, из которого видно, какие большие потрясения испытывала Средняя Азия в период феодализма. В те времена не только внутренние мятежи феодалов, но и внешние войны между Бухарой и Кокандом из-за Ура-Тюбинского владения разоряли эти государства. Бессмысленно сражаясь между собой, среднеазиатские ханы ввергали население своих владений в неисчислимые бедствия, разоряли его. Описывая победы того или иного завоевателя, авторы этих трудов сообщают немало ценных фактов о разорении, грабежах, угонах в рабство побежденного населения.

В отличие от предыдущих источников труд автора Имом Али Кундузи (псевдоним Коми) под названием «Таворихи Манзума» («Летописи в стихах») посвящен не отдельным правителям, а истории всей Средней Азии. Иногда изложение охватывает события не только этого края, но и стран Ближнего Востока. В предисловии автор говорит, что он описывает рождения и смерти видных людей, начала правления и годы смерти правителей, строительство всевозможных зданий, землетрясения, происходившие в разных местах. И действительно, Коми следует своему предисловию. В работе можно встретить события, не имеющие между собой никакой связи. В большинстве случаев сообщаются и их даты. В предисловии еще указано, что автор в труде описал события между 1238 (1822—1823) и 1264 (1847—1848) г. и что по мере своей жизни и наблюдений он продолжит описание последующих событий. Летопись состоит из 872 листов, доведена до 1305 (1887) г. и не закончена. На многих листах написаны только названия глав. В силу этого и ряда других признаков, по нашему мнению, экземпляр книги, хранящийся в Отделе востоковедения и письменного наследия Академии наук Таджикской ССР, является автографом.

Недостаток труда Коми заключается в сухости описания фактов, в обилии лишних слов и предложений и отсутствии связи между событиями. Они описываются очень коротко, и ничего не говорится об их причинах. Но все же труд Коми может служить хорошим дополнением к предыдущим источникам.

О некоторых событиях, происходивших в пределах Ура-Тюбинского владения, не известные нам лица сделали в свое время заметки в виде дневника на листах различных рукописей, о чем в тексте будет упомянуто.

Недостатки, присущие местным авторам, имеют место и в работе В. Наливкина «Краткая история Кокандского ханства». Он повторяет также ошибки автора «Шахруховой истории». Книга Наливкина имеет ценность только в том отношении, что он в свое время собрал много сведений у старожилов и использовал ряд документов, вышедших из канцелярии кокандских ханов. Поэтому в его работе приводятся интересные факты, не отмеченные в других источниках.

Письменные источники местного происхождения были дополнены различными юридическими документами (о порядке землепользования, купле и продаже земли и т. п.), обнаруженными нами у частных лиц в Ура-Тюбе. Среди этих документов были и указы различных правителей Коканда, Бухары и самого Ура-Тюбинского владетеля о подтверждении прав мельниковладельцев на пользование мельковыми землями на условиях существующих льгот, о назначении должностных лиц в Ура-Тюбинском владении и т. п. Это послужило ценным материалом для выяснения системы управления последним. Документы относятся к различным эпохам — от XV до начала XX в.

Много материалов нами собрано во время командировок в район Ура-Тюбе, Зеравшанскую долину и Бухару от стариков, которые слышали о различных событиях рассказы от своих родителей и дедов или сами были очевидцами некоторых событий. Эти сведения касаются истории Ура-Тюбинского владения как до его присоединения к России, так и после. Следует отметить, что устных сведений, относящихся к периоду до присоединения, собрано мало; изменения, происходившие на протяжении более 90 лет, стерли в памяти народа многие факты.

Ценные сведения как по истории изучаемого района, так и всей Средней Азии сообщают русские путешественники и исследователи прошлого столетия. Среди их трудов следует отметить работу Ф. Назарова «Записки о некоторых народах средней части Азии Филиппа Назарова Отдельного Сибирского Корпуса Переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах», в которой автор сообщает некоторые факты из истории политических переворотов в Ура-Тюбинском владении и разорении кишлаков завоевателями. О тех же фактах, а также о развитии ремесла в Ура-Тюбе в первой четверти

XIX в. сообщает Gens (Nachrichten über Chiwa, Buchara, Chokand und den nordwestlichen Theil des chinesischen Staates). О событиях последующих годов некоторые сведения сообщает М. Соловьев («Ученая экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг.»). О налогах того времени интересные данные имеются в статье «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии»,⁵ опубликованной в 1849 г. Автор статьи касается событий 40-х годов XIX в., ибо из кокандских ханов он упоминает только Мухаммед Али-хана (1822—1842). Все эти сведения поверхностны, без анализа и критики описываемого. Очевидно, незнание местных языков мешало авторам более подробно ознакомиться с жизнью народа.

О развитии ремесла, торговли и налогов в Ура-Тюбе в первые годы по присоединении его к России сообщают работы Ю. Южакова «Сарты, или таджики, главное оседлое население Туркестанской области» и «Ура-Тюбе и его округ». Автор относится к представителям местного населения с некоторым презрением, называя их «ленивыми, бездельниками» и мало вникает в причины того или иного события. Сведения Южакова о числе ремесленных и торговых заведений Ура-Тюбе, по нашему мнению, слишком преувеличены. Более точные данные содержатся в трудах А. Кушакевича «Сведения о Ходжентском уезде», «Очерки Ходжентского уезда», «Статистические сведения о Ходжентском уезде, о городах Ходжент и Ура-Тюбе». Автор в 1867 г. был назначен председателем комиссии по организации Ходжентского уезда, а затем — его начальником. В 1867—1868 гг. Кушакевич объехал все города и кишлаки района (о чем свидетельствует, кроме его донесения, составленная им расспросная карта Ходжентского уезда), собирая сведения самого различного характера. При сверке сведений Кушакевича с архивными данными больших расхождений мы не обнаружили. Учитывая, что за небольшой промежуток времени — с октября 1866 до 1868 г. — больших изменений в жизни населения изучаемого района не произошло (тем более, что военные действия в Средней Азии продолжались), сведения, сообщаемые этим автором, мы отнесли к периоду до присоединения района к России.

Расхождения данных Кушакевича с архивными имеются по вопросу о количестве мельковых земель, на чем мы подробно остановимся в соответствующем разделе. По сведениям Кушакевича, в 60-х годах в Ура-Тюбе было более десяти тысяч жителей. По архивным данным, в 70-х годах их было семь тысяч с лишним. Мы считаем, что обе цифры правильны, так

как в период феодальных войн часть населения окрестных кишлаков спасалась от грабежа и насилия завоевателей за стенами города, увеличивая число городских жителей. После присоединения края к России грабительские войны прекратились, и жители окрестных кишлаков получили возможность вернуться домой, что и привело вначале к уменьшению числа городского населения.

Освещение культурного уровня населения района накануне присоединения к России сделано на основе использованных рукописей или взято из вышеперечисленных произведений русских авторов.

О событиях, происходивших во время военных действий в Средней Азии, об отношении русских солдат к местному населению, об отношении местного населения к русским солдатам и к русским вообще, о вооружении и численности войск ура-тюбинского хакима и т. д. много сведений сообщают командующий русскими войсками при штурме Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака и военный губернатор бывшей Туркестанской области генерал Д. Романовский («Заметки по Среднеазиатскому вопросу»), переводчик при русских войсках М. С. Бекчурин («Туркестанская область») и участник штурма Ура-Тюбе и Джизака М. Зиновьев («Осада Ура-Тюбе и Джизака»). Благодаря этим воспоминаниям, нам стало известно, что с первых дней нахождения русских войск в Средней Азии местные жители относились к ним с некоторым недоверием, но в общем довольно дружелюбно. Однако Романовский, приводя свои приказы и донесения, изданные в период военных действий, и описывая свои наблюдения, иногда допускает противоречия. Так, говоря о численности орудий, захваченных у ура-тюбинского хакима, он пишет, что их было более 30, а в конце своей работы называет цифру 23. Все это затрудняет задачи исследования. Бекчурин, наряду с точными и ценными сообщениями, преуменьшает число жителей городов, например, Заамина. Работа Зиновьева, хотя и называется «Осада Ура-Тюбе и Джизака», событий, происходивших в Джизаке, почти не касается.

Более подробные и весьма ценные сведения по истории Средней Азии, в том числе Ура-Тюбинского владения, в первой половине XIX в. содержат архивные материалы из канцелярии Оренбургского военного губернатора и Министерства иностранных дел России. Здесь собраны донесения официальных и неофициальных агентов царского правительства, сообщения среднеазиатских и русских купцов, посольств и т. п. Мы находим тут сведения о связях ханств Средней Азии с

Россией, а также Ираном, Афганистаном и другими странами Востока; о происках английских агентов в Бухаре, Коканде и Хиве; о народных волнениях, о состоянии ремесла и земледелия; о политических событиях. Материалы оренбургского архива и архива Министерства иностранных дел во многом уточняют хронологию политических событий, происходивших в Ура-Тюбинском владении в начале прошлого века. Для изучения истории Ура-Тюбинского владения первостепенное значение имеют архивные материалы. Из них можно многое узнать о жизни края в колониальный период, о больших изменениях, происходивших в сельском хозяйстве, о городской жизни и о влиянии передовой русской культуры на народы Средней Азии. Мы использовали в Центральном государственном историческом архиве Узбекской ССР фонды Сыр-Дарьинского областного правления (ф. 17), Самаркандского областного правления (ф. 18), канцелярии начальника Зеравшанского округа (ф. 5), канцелярии туркестанского генерал-губернатора (ф. 1) и в Центральном государственном архиве Таджикской ССР фонд Ходжентского уездного управления (ф. 1). В перечисленных фондах хранятся ежегодные отчеты заведующего Ура-Тюбинским районом, а впоследствии пристава Ура-Тюбинского участка, годовые отчеты начальника Ходжентского уезда, переписка по различным вопросам между приставом и начальником уезда, между последним и областным правлением, донесения о народных волнениях и материалы следствий о них, статистические сведения об оседлом и кочевом населении по волостям и по району. Сведения по вышеперечисленным вопросам для колониального периода можно почерпнуть из русских газет, выходивших в Ташкенте и Самарканде. В 80—90-х годах началось издание трудов областных статистических комитетов (Сыр-Дарьинского и Самаркандского), сообщающих не только статистические, но и географические, этнографические и исторические сведения о народах Средней Азии. В этих изданиях сотрудничали весьма компетентные люди. Вообще следует отметить, что для изучения истории колониального периода Средней Азии тогдашние русские исследователи оставили очень много ценных фактических материалов.

Вопрос о прогрессивной роли присоединения Средней Азии к России освещен в работах таких русских исследователей, как Н. Лыкошин («Полжизни в Туркестане»), Н. Остроумов,⁶ академики Г. Миддендорф⁷ и В. Бартольд («История культурной жизни Туркестана») и др. Но все они отмечают в своих работах в основном политические изменения, проис-

ходившие в Средней Азии, мало вникая в экономические и культурные стороны жизни народов.

Большим событием в исторической науке о жизни среднеазиатских народов был созыв объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России (1959). Материалы этой сессии, несомненно, разрешат многие спорные до сего времени вопросы, относящиеся к истории Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в. В трудах советских историков — «История узбекского народа» (коллектив авторов), «История таджикского народа в кратком изложении» Б. Г. Гафурова, «Очерки по истории Средней Азии» П. П. Иванова, «Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии» С. А. Раджабова, «К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом» З. Ш. Раджабова и других работах, опубликованных в периодической печати, говорится о прогрессивной роли присоединения вообще, содержится мало фактических данных по истории современных районов Таджикистана и особенно по истории Ура-Тюбинского владения в конце XVIII и в XIX вв. В этих работах не показано как следует влияние русской культуры на жизнь отдельных районов или областей; приведено мало конкретных примеров о дружбе русского народа с народами Средней Азии. Одним из существенных недостатков трудов советских исследователей истории Средней Азии является то, что они мало использовали работы русских авторов XIX столетия, в частности — Романовского, Бекчурина, Зиновьева.

Мы не посвящаем прогрессивному значению присоединения Ура-Тюбинского владения к России специального раздела, считая более целесообразным осветить этот вопрос в процессе изложения каждой главы.

Часть этой работы «Очерки из истории Ура-Тюбинского владения во второй половине XIX в.» была завершена под руководством профессора А. А. Семенова в 1955 г. Собранные на протяжении ряда лет материалы позволили автору уточнить отдельные факты, датировку ряда событий, пересмотреть выводы, а в целом — значительно расширить работу, включив в нее сравнительно подробную историю Ура-Тюбинского владения в конце XVIII и первой половины XIX в.

Глава I

Историко-географический обзор Ура-Тюбинского владения в конце XVIII и в первой половине XIX в.

§ 1. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ УРА-ТЮБИНСКОГО ВЛАДЕНИЯ

Ура-Тюбинский вилайет⁸ расположен на севере Таджикистана в предгорьях Туркестанского хребта, в так называемых Ура-Тюбинской и Шахристанской котловинах.

В 60-е годы, к моменту присоединения к России Ура-Тюбинское владение, по существующим сведениям, имело следующие границы: с юга границей служил Туркестанский хребет (здесь оно граничило с бекствами Фальгар и Матча); на востоке граница проходила от вершины Саркет (на Туркестанском хребте) к северу, по притоку реки Ак-Су — Дуабе и дальше по реке Ак-Су до местности Шаид-ака, а затем — к речке Сай-Куркат, на возвышенность Ширин-Фархат. Северная граница шла от местности Аим-Тугай на Сыр-Дарью, к западу до Бала-Сарыка, дальше — по Голодной степи, включая кишлак Хавас, соприкасаясь здесь с территорией Джизакского вилайета Бухарского ханства. Западная граница была неустойчивой: некоторые кишлаки, в особенности Заамин, Ям, Пшогар, часто переходила от Бухарского ханства к Кокандскому и обратно. Проходила граница примерно по 68 меридиану.⁹

Территория Ура-Тюбинского владения характеризуется разнообразием климатических и ландшафтных условий. Южную часть вилайета, на которой расположено большинство населенных пунктов, занимают северные отроги Туркестанского хребта. Характерной особенностью их является чередование волнистых высокогорных поверхностей с межгорными котловинами, соединенными между собой узкими ущельями. Северную часть района занимает Голодная степь, медленно понижающаяся к северу. В пределах вилайета она не такая бес-

плодная и безлюдная, как в других местах, так как сюда с Туркестанского хребта стекают подземные воды и речки.

Климат приятный и мягкий. Летом не жарко. Весной нередки обильные дожди. Сумма осадков в год в Ура-Тюбе составляет 349 мм.¹⁰ Продолжительность зимы в вилаете различная. Например, в кишлаке Аучи, расположенном в глубине Басмандинского ущелья, зима длится на месяц больше, чем в самом городе. Отличительной чертой зимнего периода являются частые оттепели, перемежающиеся с похолоданием. Эта смена иногда приводит к образованию на поверхности почвы плотной ледяной корки, мешающей животным добывать корм. Это может привести к гибели скота от бескормицы, что и случалось неоднократно с кочевыми хозяйствами в старые времена. В те годы, когда весна наступает быстро, бывает возврат холодов, приносящий вред земледелию, особенно виноградникам и плодовым садам. Лето здесь продолжительное. В степи летом очень жарко. В предгорьях температура ниже (безморозный период составляет в среднем 208 дней в году). Средняя температура лета +24°C. Климатические условия позволяют выращивать пшеницу, ячмень, кукурузу, лен, махсар, просо, кунжут и другие культуры. Хлопка возделывалось очень мало (из-за ранних заморозков и недостатка воды для орошения). Ура-Тюбинский вилайет славился своим сочным виноградом.

За исключением Сыр-Дарьи, протекающей по северной границе, других рек тут нет. Вилает орошается больше всего подземными водами, выходящими на поверхность в виде многочисленных мощных источников. Они образуют небольшие речки (сай), используемые для орошения садов и полей. Ура-Тюбе-Сай орошает сады и виноградники окрестностей Ура-Тюбе, Шахристан-Сай — Шахристанскую котловину и т. д. Ура-Тюбинский вилайет постоянно ощущал и ощущает недостаток воды. «Это происходит потому, что лежащая под слоем лесса рыхлая смесь камней, гальки и леска легко впитывает воду, и там, где лессовая толща прорезана ими, воды текут в этой породе».¹²

Северная часть поверхности Ура-Тюбинского вилаята покрыта полупустынной и степной растительностью.¹³ На склонах Туркестанского хребта много альпийских лугов и лесов, преимущественно арчевых (в Басмандинском и Шахристанском ущельях), служащей населению строительным материалом и топливом. Кроме арчи, по склонам гор растут многочисленные кустарники и небольшие деревца, нередко обра-

зующие заросли. Шахристанское и Басмандинское ущелья служат отличными летовками для скота.

Самые ранние сведения о населении Ура-Тюбинского вилаята собрал в 1867—1868 г. член организационной комиссии, а затем начальник Ходжентского уезда А. А. Кушакевич. Эти сведения мы можем считать основными данными о населении района накануне присоединения к России (октябрь 1866 г.). Кушакевич определял количество жителей приблизительно, посредством подсчета дворов и кибиток и последующего умножения итога на среднее число членов семьи, которое он принимал равным пяти. Таким путем он определил общее количество населения вилаята в 30,6 тысяч человек оседлого, 3 тысячи кочевого и более 3 тысяч полукоочевого. Из них около 10 тысяч человек живут в гор. Ура-Тюбе, остальные — в кишлаках и аулах.

Подавляющее большинство оседлого населения занималось земледелием. Кроме полевых культур, большое значение имело в вилаете виноградарство. Некоторые жители были ремесленниками и торговцами. Кочевники занимались скотоводством. Они разводили баранов, коз, лошадей (особенно карабайрской породы) и в незначительном количестве — рогатый скот и верблюдов. Зимние стойбища кочевников были разбросаны по всему вилаету, как в ущельях, так и в степи (около селения Хавас и вдоль Сыр-Дарьи). В начале лета, когда в горах стаявал снег, они откочевывали в предгорья Туркестана и далеко за его пределами. Полукочеевое население в кишлаках Чакры и Науганда (соответственно к западу и к северо-востоку от Ура-Тюбе).

В отличие от кочевого населения, полукочевники занимались и скотоводством и хлебопашеством, кочуя возле своих земель, расположенных недалеко от жилищ. Образ жизни полукочевников был ближе к оседлому, чем к кочевому. Они жили зимой в селениях, похожих на селения оседлых жителей.

Больше всего было в вилаете таджиков—22 тысячи с лишним. Из них около 9 тысяч человек жило в Ура-Тюбе. Узбеков насчитывалось около 14 тысяч. Они жили преимущественно в кишлаках и аулах, составляя основную массу кочевого и полукоочевого населения. Из 107 кишлаков, населенных оседлыми жителями, в 69 кишлаках жили таджики, в 32 кишлаках — узбеки, в 6 — те и другие. В вилаете насчитывалось около 400 киргизов. Все они были кочевники и жили в Шахристанском ауле.

Из сказанного следует, что вилайет имел большую территорию, был довольно густо населен и играл значительную роль в истории Таджикистана. В условиях феодализма народ не мог использовать богатства природы для улучшения своего положения и был очень беден.

§ 2. КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ УРА-ТЮБИНСКОГО ВИЛАЕТА ДО НАЧАЛА XIX в.

Ура-Тюбе — один из древнейших городов на территории Средней Азии. Некоторые современные историки отождествляют с ним Кирополь, упоминаемый древнегреческими авторами (Страбоном, Аррианом, Курцием Руфом). Позднее этот район упоминается в китайских хрониках династий Вей (386—581), Суй (581—618) и Тан (618—907) под различными названиями: Судуйшана, Восточное Цао и другими. В арабоязычных, персидских и таджикских источниках его называют Уструшана, Сурушана, а местные жители именуют город Истравшан. Все эти источники под вышеупомянутыми названиями подразумевали не отдельные пункты, а целую область, лежащую вокруг Ура-Тюбе, включая и самый город.

Когда он получил свое теперешнее название — Ура-Тюбе, еще не установлено. Самые ранние сведения о городе под этим названием дает Султан Бабур (1483—1530), который в своих мемуарах назвал его «Ура-тепа».¹⁴ Не имея других данных, мы предполагаем, что наименование Ура-Тюбе город получил в XV в.

В VII—X столетиях Уструшана занимала большое пространство в Средне-Азиатском междуречьи и была одним из развитых земледельческих, ремесленных, торговых и культурных центров Средней Азии, играя большую роль в истории Арабского халифата.

«В X в. весь Буттам входил в состав Уструшаны, границами которой считались с севера области Шаша (Ташкента), с востока Ферганы, с юга Чаганиана и Кеша (Шахрисабза) и с запада Самарканда».¹⁵ Столицу Уструшаны — Бунджикет некоторые исследователи помещают на месте нынешнего Шахристана,¹⁶ другие — на месте Ура-Тюбе.

В период существования в Средней Азии государства Саманидов (IX—X в.) и Караханидов (XI—XII в.) Уструшана входила в их состав.

В XIII столетии народы Средней Азии, в том числе и население Ура-Тюбинского вилайета, пережили ужасное монгольское нашествие, в результате которого попали под иго тата-

ро-монголов. После образования государства Тимура городом управляли представители дома Тимуридов. В Ура-Тюбе до сих пор сохранились прекрасная соборная мечеть и медресе Кок-Гумбез. Планировка последней, композиция архитектурных масс, детали архитектурной и декоративной отделки напоминают среднеазиатские мавзолеи XV столетия вообще и медресе Улуг-бека в Самарканде и Шахрисабзе в частности. Б. В. Веймарн тоже относит строительство Кок-Гумбеза к XV в., ко временам Улуг-бека или его сына Абдуллатифа.¹⁷

История Ура-Тюбинского владения с начала IX в., т. е. со времени завоевания Усрушаны арабами до второй половины XVIII столетия, остается неизученной. По всей вероятности, Ура-Тюбе и его вилайет не были самостоятельными владениями; находились большей частью в удельном владении тех или иных правителей Самарканда, а позже, с XVI в. и Бухары. Во время правления первого аштарханида Джон-Мухаммед-хана государство делилось на шесть уделов, одним из которых был город Ура-Тюбе.¹⁸

С середины XVIII в. Ура-Тюбинским владением стали управлять хакимы из узбекского племени юз. Об этом племени юз и начале правления его эмиров в Гисаре и Ура-Тюбе Муини сообщает следующее. Племя юз некогда жило в местности Ок-Масчид (Кызыл-Орда) на берегу реки Сайхун (Сыр-Дарья). Однажды Имам-Кули-хан (1611—1642) вышел на охоту. Охотничий сокол хана сел вблизи войск Халука-бия. Последний поймал сокола и принес его хану, за что через некоторое время был возведен в звание аталыка и назначен правителем Гисара. Затем Муини перечисляет всех потомков Халуки в Гисаре и сообщает, что после смерти Мухаммад Рахим-хана (по-видимому, речь идет о правителе Самарканда при Аштарханидах) племя юз пригласило (буквально — привело) Садык-хана правителем Ходжента и Ура-Тюбе. Но Садык-хан был убит казахами в местности Сангзор, и его сын Фазыл-бек вернулся в Гисар. Племя юз выбрало себе правителем Бек-Буту. Через некоторое время народ юз привел из Гисара Фазыл-бека. Последний убил Бек-Буту и стал правителем Ходжента и Ура-Тюбе.¹⁹

По словам Муини, юзы были здесь самым многочисленным племенем и в средние века жили на территории от низовьев Сыр-Дарьи до районов Ура-Тюбе, Джизака, Заамина, а также в районе Гисарской долины, Байсуна, Ширабада, Денау, даже в Балхе, Кундузе и Хивинском ханстве. Это подтверждает и А. Гребенкин.²⁰

В 1754 г., когда бухарский хан Мухаммед Рахим (1753—1758) и кокандский хан Ирдона-бий совместно с кипчаками и каршинским бекм совершили поход против Ура-Тюбе, единственным союзником правителя последнего Фазыл-бия был гисарский бек Мухаммед Эмин, поспевший на помощь ура-тюбинцам. Этот случай подтверждает рассказ Муини о том, что юзы управляли в Гисаре и стали управлять Ура-Тюбе и что между гисарскими и ура-тюбинскими правителями в XVIII в. существовали родственные связи. Фазыл-бий захватил Ура-Тюбе и Ходжент, чтобы узаконить свое правление в глазах народа, и женился на дочери убитого им Бек-Буты.

Ходжи Хаким-хан называет следующих потомков Фазыл-бия-юза: Фазыл-бий, Садык-бий, Саид-бий, Хушика-аталык и Кулика-бий²¹ (Халука у Муини). Каждый из них был сыном последующего правителя. Последний был первым правителем Гисара из узбекского племени юз. Потомки его правили Ура-Тюбе, т. е. он был основоположником династии Юз в Гисаре и Ура-Тюбе, а также в некоторых других мелких владениях, например в Ургуте. С какого года Фазыл-бий (некоторые источники называют его Фазыл-бек) стал править в Ура-Тюбе, нам неизвестно. Известно лишь, что в 1749 г. он уже был хакимом и умер на 58-м году жизни, в период правления Данияр-аталыка в Бухаре (1758—1785). Нам также неизвестны год смерти Фазыл-бия и годы правления его преемника Худояр-диванбеги.²² По сообщению Муини,²³ Худояр-диванбеги умер после 1214 г. (примерно—1800 г.), по сообщению Мухаммед Вафои Карминаги,²⁴ он умер в 1212 г. (1797). А Садриддин Айни пишет, что Худояр-диванбеги умер в 1215 (1800) г.²⁵ По нашему мнению, он умер в конце 1799 или в начале 1800 г. (в возрасте 56 лет), еще до смерти бухарского эмира Шах Мурада (1785—1800), так как последний, узнав о смерти Худояра-диванбеги, совершил поход на Ура-Тюбе.

Во второй половине XVIII в. Ура-Тюбинское владение занимало значительную территорию. На востоке граница проходила по Ходжа-Бакирган-саю (ныне территория Киргизской ССР), включая Ходжент, и за Ходжентом—до крепости Махрам. На северо-востоке и на севере граница шла по Сыр-Дарье, включая Беговат. (Узбекская ССР) и Голодную степь (здесь район граничил с территорией Ташкента). На западе бекство граничило с территорией Самарканда (примерно до «Тамерлановых ворот»), включая Джизак, откуда граница шла на юго-запад до Туркестанского хребта. Южная граница бекства проходила по Зеравшанскому хребту, включая доли-

ну Зеравшана—Матчу, Фальгар и Пенджикент. Здесь Ура-Тюбинское владение соприкасалось с Гисарским бекством.

Во второй половине XVIII в. в состав владения, кроме Ура-Тюбе, входили города Пенджикент, Ходжент и Джизак, укрепленные пункты Заамин, Ям и Нау. А. Кушакевич пишет, что по преданию один из кварталов Ташкента даже платил беку Кулика дань.²⁶

В это время Ура-Тюбинское владение не подчинялось ни Кокандскому, ни Бухарскому ханству. Оно было довольно сильное, способное не только оборонять себя от нападения соседей, но и само совершать военные походы для захвата соседних территорий и грабежа их народов. Например, в 1749 г. Ура-тюбинские войска во главе с Фазыл-бием совместно с войсками Гисара, Нур-Аты, Кштута и Ургута совершили поход в Карши.²⁷ Совместное нападение Бухары, Коканда в союзе с кипчаками на Ура-Тюбе в 1754 г. свидетельствует о том, что правители этих владений боялись сразиться один на один с сильным Ура-Тюбинским государством.

Узнав о смерти правителя Бухары Рахим-хана (1753—1758 гг.), Фазыл-бий совершил поход в пределы Бухарского ханства, захватил Самарканд и осадил Кермине, правителем которого был тогда будущий бухарский эмир Шах Мурад (1785—1800). Лишь когда бухарские войска подошли на помощь осажденному Кермине, Фазыл-бий без боя отступил.²⁸

О силе Ура-Тюбинского владения свидетельствует и то, что кокандский хан в трудную минуту вынужден был обратиться за помощью к Фазыл-бию. В 1760 г., когда Кокандом правил Абду-Керим, на Фергану напали калмыки. Фазыл-бий двинулся на помощь кокандцам и помог им изгнать калмыков.²⁹

Ура-Тюбинское владение имело внешнеполитические сношения как со среднеазиатскими ханствами, так и с другими государствами Востока. По сведениям автора, Тухфаи хони правитель Ура-Тюбе Худояр-диванбеги вступил в сношения с Афганистаном, подстрекая его правителя Тимур-шаха (1773—1792) к войне с Бухарой. В 1205 г. (1790—1791) последний двинул свои войска из Кабула в Балх. Узнав об этом, эмир Шах Мурад, собрав свои войска (в количестве 1000 всадников), направился через Келифскую переправу навстречу Тимур-шаху и разбил его. Афганскому правителю пришлось просить мир.³⁰ Надежды Худояр-диванбеги на ослабление Бухары не оправдались.

Из сказанного можно сделать вывод, что во второй половине XVIII в. кроме Хивинского, Кокандского и Бухарского

ханства в Средней Азии некоторое время существовало четвертое самостоятельное государство — Ура-Тюбинское владение, история которого до сих пор остается неизученной. Среди других владений (Гисарского, Кштутского, Ургутского) Ура-Тюбинское выделялось в это время и размерами территории, которая была так велика, что лишь немногим уступала площади Кокандского ханства. Она была густо населена, особенно предгорья Туркестанского хребта, район Ходжента и Зеравшанская долина. По словам Мирзо Шамса Бухари «Ура-түбинский владетель мог выставить в поле от 15 до 16 тысяч конницы из окрестных узбеков». ³¹ Понятно, что, кроме конницы, в войсках должна была состоять и пехота. Содержание такой большой по тем временам массы войск требовало крупных расходов, и Ура-Тюбинское владение оказалось в состоянии обеспечить их оружием, питанием и амуницией.

Тот факт, что Ура-Тюбинское владение смогло в течение почти полувека, не только отстаивать свою независимость от двух таких сильных соседей, как Бухарское и Кокандское ханства, но и наносить им временами чувствительные удары, является новым свидетельством его силы.

Для выяснения и анализа всех причин этого относительно кратковременного усиления Ура-Тюбинского владения во второй половине XVIII в. достаточным материалом мы не располагаем. Особенно не хватает конкретных фактов, которые позволили бы сравнить состояние земледелия, ремесленного производства, торговли и прочего во второй половине XVIII в. с предшествующим и последующим временем. Поэтому пока могут быть учтены только второстепенные моменты.

Очень существенным фактором было, конечно, то, что главные политические противники Ура-Тюбинского владения — Бухарское и Кокандское ханства в это время сами были очень слабы и экономически, и политически. Известно, что Бухара после пережитого кризиса первой половины XVIII столетия не смогла бороться с сильным Ура-Тюбе. Что касается Коканда, то он находился в стадии образования и укрепления как самостоятельное государство. Все это определенное время благоприятствовало существованию самостоятельного и сильного владения, каким было во второй половине XVIII в. Ура-Тюбе.

Население Ура-Тюбинского владения постоянно подвергалось опустошительным набегам соседних правителей. Его жители ненавидели завоевателей и всегда были готовы отстаивать свою независимость. В войнах, затеваемых Фазыл-бием

и Худояр-диванбеги, народ видел свое избавление от поработителей. Правители Ура-Тюбе использовали это в своих интересах.

Фазыл-бий и Худояр-диванбеги были более искусными государственными деятелями, дипломатами и стратегами, чем их предшественники. Такие качества признавались за ними, в частности в работе «Обозрение кокандского ханства в нынешнем его состоянии», и в книге Ходжи Хаким-хана, который писал: «среди правителей Туркестана подобного Худояр-диванбеги смелого и искусного человека не было». ³² Верно ориентируясь в сложившейся обстановке, эти правители не раз ловко использовали осложнения, возникавшие между крупными и мелкими соседними владениями.

Фазыл-бий и Худояр-диванбеги заключали союзы с мелкими бекствами (Гисарским, Нур-Атинским, Ургутским, Кштутским, с узбекскими племенами кенегас), объединяя их войска против сильного врага, например против Бухарского ханства. Чтобы ослабить противника, Худояр-диванбеги, как мы видели, даже заключил союз с Афганистаном. В 1754 г. при помощи гисарского бека Фазыл-бий нанес решительный удар Кокандскому ханству, которое после этого долго не могло оправиться и не играло в среднеазиатских делах заметной роли. О поражении Кокандцев в этом бою внук Худояр-диванбеги Абдулгаффар-бек рассказывает, что, Худояр-диванбеги «вырезал 20 тыс. человек и из голов их сложил в Ура-Тюбе пирамиду». ³³ После победы над кокандцами правители Ура-Тюбе направили свои усилия против Бухарского ханства, стремясь ослабить последнее и избавить свою территорию от постоянных набегов бухарских войск.

§ 3. ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДНЫХ МАСС В УРА-ТЮБИНСКОМ ВЛАДЕНИИ ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

В начале XIX в. Ура-Тюбинское владение стало яблоком раздора между Бухарским и Кокандским ханствами. Первое захватило Джизак, а второе — Ходжент. Одной из причин ослабления Ура-Тюбинского владения и потери им фактической самостоятельности следует признать тот факт, что к этому времени более крупные государственные образования, вроде Бухарского ханства начинали выходить из состояния хозяйственной разрухи; а в Кокандском ханстве завершился процесс образования и укрепления крупного государства за счет эфемерных феодальных владений в густо населенной

Ферганской долине и Ташкентском оазисе. Оба эти государства укрепились экономически и политически.

В начале прошлого столетия в крупных ханствах Средней Азии происходил рост товарно-денежных отношений, развивалось товарное производство как в сельском хозяйстве (особенно в хлопководстве), так и в ремесле. Возникали новые города, увеличивалось число торговцев и ремесленников. Кокандские, бухарские и хивинские ханы путем завоеваний присоединяют к своей территории ряд мелких владений. Вместо полной феодальной раздробленности, которую мы наблюдали в XVIII столетии, в первой половине XIX в. в Средней Азии образовалось несколько более или менее централизованных государств. Все это привело к тому, что Ура-Тюбинское владение перед лицом усилившихся крупных соседей не могло противостоять им политически. Раздираемое междоусобицами, оно становится легкой добычей своих соседей. С востока кокандцы, с севера кипчаки и с запада бухарцы непрерывно оккупировали весь район или проходили через него.

Правители Ура-Тюбе назначались бухарским эмиром или кокандским ханом. Но в большинстве случаев они только номинально подчинялись тому или другому, а фактически правили вилаетом самостоятельно и временами заключали союз с одним ханом против другого. Непризнание власти одного хана или переход на сторону другого служил основным поводом к вторжению войск соседей на территории вилаета.

Причины, из-за которых между Бухарой и Кокандом велись постоянные войны за Ура-Тюбинский вилает и за город Ура-Тюбе, были следующие:

1. Географическое расположение вилаета вообще и Ура-Тюбе, как сильно укрепленной крепости, в частности, имели большое стратегическое значение. Овладев Ура-Тюбе, эмир мог постоянно держать под угрозой южные границы Кокандского ханства (особенно Ходжент, завоеванный кокандцами в начале XIX в.). И наоборот: овладев Ура-Тюбе, кокандский хан мог постоянно угрожать владениям Бухары, в частности Джизаку, отнятому бухарцами в конце XVIII столетия у ура-тюбинских хакимов. Кроме того, Ура-Тюбе был ключом к долине Зеравшана—Матче и Фальгару, которые экономически полностью зависели от Ура-Тюбинского вилаета. Матча и Фальгар в начале прошлого века перешли во владение бухарского эмира, и последний не мог мириться с тем, что ключ к этим бекствам, Ура-Тюбе, находился в руках кокандцев.

2. Большинство пахотных земель вилаета располагалось в предгорьях Туркестанского хребта, хорошо орошенных по-

токами (что позволяло собирать урожай и тогда, когда другие, большей частью степные, районы Средней Азии охватывала засуха). Из Ура-Тюбе хлеб (особенно пшеница) вывозился в Самарканд, Ходжент, Коканд и другие города. В 1870 г. из Ура-Тюбе в Самарканд было вывезено 250 000 пудов хлеба.³⁴

3. Бухарский эмир и кокандский хан, не удовлетворяясь доходами, получаемыми с подвластного населения, искали дополнительные источники для пополнения своей казны. Одним из таких источников было ограбление соседних народов. Ура-Тюбинский вилает был густо населен: в конце XVIII в. вместе с жителями Джизака и Ходжента он имел более 100 тысяч населения. Овладев этим вилаетом, ханы за счет налогов и повинностей могли основательно обогатить свою казну. Кроме того, надо отметить и обычное стремление восточных деспотов к расширению своей территории путем завоевания соседних владений,—что, по их мнению, повышало престиж и могущество правителей в глазах соперников и угнетенных народов. Династическая борьба, происходившая внутри владетельного узбекского племени юз, облегчала соседним правителям захват вилаета.

Вплоть до 1830 г., когда состоялось перемирие между Кокандом и Бухарой, на территорию Ура-Тюбинского владения совершали многочисленные походы то Коканд, то Бухара. Перевес в этот период был на стороне Коканда. Это объясняется рядом причин. Во-первых, внимание эмира было отвлечено: он пытался ликвидировать последствия неурожая, голода и волнений 1810 г.,³⁵ а также занимался подавлением восстания китай-кипчаков (1821—1825). Во-вторых, основные силы эмира были направлены на борьбу с непокорными ему правителями Шахрисябза и войну с Хивой. Борьба наследников эмира Хайдара за власть в Бухаре также на время отвлекла его внимание от борьбы за Ура-Тюбинское владение. Все это было на руку кокандским ханам, которые все чаще совершали грабительские походы на Ходжент и Ура-Тюбе.

Первая четверть XIX в.—период правления Алим-хана и Омар-хана—по сравнению с последующим периодом истории Кокандского ханства была более спокойной. Государство, можно сказать, находилось в зените своей славы. Чтобы завоевать Ура-Тюбинское владение, кокандские ханы предприняли более двадцати походов. Иногда они посылали своих военачальников, чаще же сами возглавляли походы. Город Ура-Тюбе обычно осаждался, но его далеко не всегда удава-

лось захватить. Основным противником кокандских ханов в их поползновении на Ура-Тюбе был бухарский эмир Хайдар. Войска его за это время совершили более десяти походов. И если им удавалось овладеть Ура-Тюбе, они сажали там угодных им лиц. Обе стороны назначали правителей из числа ранее правившей в Ура-Тюбе династии из племени юз. Лишь изредка это поручалось представителям других родов. Тут, очевидно, главную роль играли местные жители, не остававшиеся безразличными к борьбе, происходившей между Кокандом и Бухарой. Назначение представителей других династий воспринималось населением как нечто незаконное и оно угрожало, что свергнет такого правителя.

Преемником Худояр-диванбеги был его сын,³⁶ Бек Мурад-бий, правивший вилаетом не более года (1800). После смерти Худояра эмир Шах Мурад стал совершать походы на Ура-Тюбе. По сообщению Муини, Шах Мурад захватил Ура-Тюбе, назначил правителем Бобо-парвоначи юза (брата Худояр-диванбеги), а смещенного Бек Мурада отправил в Бухару. Впоследствии тот стал правителем Ходжента.³⁷ Это произошло после того как ходжентские и кокандские войска двинулись против правителя Ташкента Юнус Ходжи. Ходжент остался и без правителя, и без армии, — чем и воспользовался Бек Мурад-бий.

Ура-Тюбинское владение недолго оставалось вассалом бухарского эмира. Бобо-парвоначи не мог мириться с такой зависимостью. Особенно ему не нравилось, что часть его владений (Джизакский район) отошла от Ура-Тюбе и туда был назначен правителем Мухаммед Юсуф Ходжа, непосредственно подчинявшийся эмиру. Бобо-парвоначи искал случая, чтобы стать самостоятельным правителем и вернуть Джизак. В 1800 г., узнав о смерти Шах Мурада, он в конце зимы совершил поход в Джизак, но потерпел неудачу: ура-тюбинские войска, кроме убитых и раненых, потеряли пленными около 500 человек.³⁸ Бобо-парвоначи не в силах был противостоять Бухарским войскам и искал мира. По условиям договора он отдал свою дочь в жены эмиру Хайдару (1800—1826) и тем сохранил свою власть.

К этому времени правитель Ходжента Бек-Мурад в союзе с правителем Ташкента Юнусом Ходжой совершил поход на Ура-Тюбе. После нескольких дней безуспешной осады они вынуждены были отступить. В отместку Бобо-парвоначи, заключив союз с кокандским ханом, отправился в поход на Ходжент и, заняв город, прогнал Бек Мурада.³⁹ Последнего не покидает мысль о захвате власти в Ура-Тюбе. Для этой це-

ли он явился к Бобо-парвоначи якобы с повинной, и убив его, снова стал правителем Ура-Тюбе и Ходжента.⁴⁰ Узнав об этом случае, кокандцы идут на Ходжент и завоёвывают его (под начальством не Норбута-бия, как пишет В. Наливкин,⁴¹ а Алим-хана, недавно вступившего на ханский престол).

Желая отнять Ходжент у Алим-хана, Бек Мурад обратился за помощью к эмиру Хайдару, который только и искал случая отомстить за своего тестя Бобо-парвоначи и под этим предлогом завоевать Ура-Тюбе.

В 1217 (1802—1803) г. эмир двинулся на Ура-Тюбе. В пути он убил вышедшего встречать его Бек Мурада. Заняв Ура-Тюбе, Хайдар назначил его правителем Ир Назар-бия (из племени мангыт). Чтобы обезопасить южные границы Ура-Тюбинского владения, эмир заодно завоевал бекства Когистана — Урмитан, Фальгар и Фан, а затем возвратился в Бухару.⁴² Через некоторое время он совершил второй поход с целью завоевания Ходжента. Но это ему не удалось и он ограничился захватом Кош-Тегирмана и Гулякандоза.

Еще после первого похода эмира на Ура-Тюбе Алим-хан кокандский начал готовиться к войне. По словам Мухаммед Якуба, он примерно в 1220 г. совершил поход на Ура-Тюбе, захватил город и поручил правление Нек Кадам инаку и Махмуд-аталыку.⁴⁴ Эти победы стоили кокандцам 444 человек убитыми и ранеными.⁴⁵

Ходжи Хаким-хан в своем труде называет назначенного Алим-ханом ура-тюбинского хакима Кадам инаком, а его помощника — Мулло Рахматулло, причем относит это событие к 1221 г. (1806—1807).⁴⁶ Очевидно, 1220—1221 (1805—1807) г. были бурными, насыщенными массой событий. Возможно, что в это время Алим-хан совершил несколько походов в районы Ура-Тюбе и Джизака. Историки того времени, не разбираясь в последовательности и времени каждого из этих походов, сообщают разные даты.

В 1220 (1805—1806) г. эмирские войска были в хивинском походе. Хайдар поспешно отозвал их и направил на Ура-Тюбе. Но тут в войсках распространились слухи, будто на Ура-Тюбе идет Алим-хан. Это вызвало среди сипаев панику, начались массовые побеги. Эмир вынужден был отступить. Узнав об этом, Алим-хан направился в Джизак. По сообщению автора «Тухфа-и Хони» этот поход был в 1220 (1805—1806) г. по сообщению Мухаммед-Якуба, в 1228 (1813) г., а по сообщению Муини, в 1227 (1812). Более близкой к истине следует считать первую дату: вторая и третья относится уже ко времени правления Омар-хана. Согласно сведениям поручика

Субханкулова, это произошло в 1807 г.⁴⁷ Так же, как эмир под Ура-Тюбе, Алим-хан под Джизаком не добился никаких результатов и вернулся в Коканд. На обратном пути он напал на Ура-Тюбе, «учинил жестокую битву, где начальник того города брат Хаким бия (кушбеги Бухары.—А. М.)—Кабул бий уткур Суфиев со многим войском захвачен и взят в плен и поныне в Кукане содержится с войском в плену».⁴⁸ Очевидно, жители города оказали Алим-хану ожесточенное сопротивление, ибо он поспешно отступил в Коканд, не оставив в Ура-Тюбе гарнизона. Такое поспешное отступление, Мулла Нияз Мухаммед объясняет большой паникой, царившей среди ханских войск. Последним обстоятельством воспользовался Махмуд-хан Ходжа Ахрори, племянник Худояр-бия,⁴⁹ правитель Санзара (или, по другим сообщениям, правитель укрепленного пункта Пшегоара). Заняв Ура-Тюбе, он объявил себя хакимом.⁵⁰ Его поддержала знать племени юз.

После этого Алим-хан несколько раз безуспешно пытался вернуть Ура-Тюбе. Один из походов состоялся 5 января 1810 г. Потеряв много убитыми и 150 человек ранеными, хан отступил. Эмирские войска, находившиеся в составе ура-тюбинского гарнизона, были отозваны в Бухару. Обстоятельства благоприятствовали Алим-хану, и он с победой возвратился в Коканд. Нападение на Ура-Тюбе было повторено 18—20 января. Город оказался в критическом положении. Эмир приказал правителю Джизака поддержать Махмуд-хана. Кроме того, из Бухары была послана восемнадцатитысячная армия. Она дошла до Джизака, но на кокандские войска напасть не осмелилась.⁵¹ Махмуд-хан, оказавшийся в затруднительном положении, запросил мира. Алим-хан согласился.⁵²

В начале правления в Коканде Омар-хана (1810—1822) Махмуд-хан перешел на его сторону. Узнав об этом, эмир Хайдар предпринял несколько походов на Ура-Тюбе. Причем измену Махмуд-хана он воспринял настолько болезненно, что в первый из этих походов он собрался в такое тяжелое для него время, как голодный и беспокойный 1810 г. О подробностях выезда эмира и тогдашней обстановке в Бухаре очевидец рассказывает следующее: «Мир Хайдар хан в скором времени дал повеление чтоб войско его собралось. В 1810 г. июня 19 дня пред светом во время утреннего моления сам Мир Хайдар хан, набрав войска, двинулся к Ура-Тюбе. Вы провождали его пушечною пальбою из 15 малокалиберных пушек, укрепленных на верблюдах... Июня 22 дня хан со всем войском возвратился в Бухарию, объявив, что якобы войско его, эмир Хайдар хана, в Ура-Тюбе бывшее в сраже-

нии с кокандцами, взяло в плен из войска Галим хана 400 человек». Однако, действительной причиной возвращения было то, что хан «войску своему нисколько жалованья в выдачу не производил, а приказал, чтобы всякий на своем котле изготовился. Но по двудневном пути мир Хайдар хан усмотрел, что все войско его, в 3000 чел. состоящее, следует на ишаках. С удивлением хан спросил: «Что это за ишачники?»

— Есть войско вашего высокостепенства, следующее с Вами на войну объявленную, что подданные Ваши не только купить лошадей, но и пропитания себе сыскать не имеют возможности; а потому в таком виде и следует, ибо известно, что градские жители доведены совершенно до голоду».⁵³

Получив такой ответ, эмир возвратился в Бухару, приказав, однако, войску своему через два месяца быть готовому к новому походу. Но и тогда взять Ура-Тюбе он не смог. Каждый раз на помощь Махмуд-хану спешил Омар-хан.⁵⁴ Эмир вынужден был отступить, назначив правителем Пшегоара (укрепленный пункт к западу от Ура-Тюбе) Аталык-бека (или Мухаммед Рахим-аталыка), сына Худояр-диванбеги, чтобы постоянно держать Ура-Тюбе под угрозой. Аталык-бек совершил несколько безуспешных походов на Ура-Тюбе. В свою очередь, Пшегоар неоднократно осаждался кокандцами и один раз был взят ими. Но бухарские войска опять захватили Пшегоар и отдали его Аталык-беку.

Махмуд-хан, чувствуя себя в роли победителя, правил районом деспотически. Как сообщает автор «Тухфа-и хони», бесчинства и зверская эксплуатация населения правителем стали известны «всему свету». Кокандский хан, очевидно, боясь народного возмущения и подозревая со стороны Махмуд-хана измену, схватил его и привез в Коканд.⁵⁵ Вероятно, именно об этом событии Ф. Назаров пишет: «Кокандцы, когда сей город (Ура-Тюбе.—А. М.) был независим от них, почитая оный неприступным, решились за несколько дней до прибытия нашего в Коканд (они прибыли в Коканд в первых числах октября 1813 г.—А. М.) обманом вызвать владельца под предлогом свидания, захватили его в плен, отвезли в Коканд и овладели городом».⁵⁶ По словам автора «Зеркала побед», Махмуд-хан правил в Ура-Тюбе двенадцать лет — но это ошибка.⁵⁷ Вместо Махмуда-хана хакимом Ура-Тюбе назначен Саидкул-бий, дядя хана. Однако через неделю город был отдан во власть Касым-бека, а еще через месяц—Раджаба-диванбеги, который правил до 1815 г. Автор «Тухфа-и хони» сообщает, что население (фукаро) отправило Раджаба-диванбеги⁵⁸ в Коканд. Возможно, произошло народное восста-

ние и правителю пришлось бежать. К сожалению, более подробных сведений автор не дает. Абдугаффар-бек рассказывает, что через три месяца после правления Раджаба-диванбеги Маараим-аталык, правитель Пшогара, подчинив себе Заамин, вновь овладел Ура-Тюбе.⁵⁹ Это событие датируется 1230 (1814—1815) г.

По словам ходжи Хаким-хана, дело было так. Мухаммед Рахим-аталык после соответствующей подготовки напал на Ура-Тюбе. Он захватил город, но овладеть цитаделью, где сидел Раджаб-диванбеги, ему не удалось. Борьба между ними продолжалась долго, до тех пор, пока Омар-хан, прибыв в Ходжент, не послал на выручку Раджаб-диванбеги свои войска во главе с сыном Раджаба Мирзо-Рахимом-парвоначи. Проникнув в Ура-Тюбе, кокандцы освободили правителя из цитадели и сразу отступили в Ходжент.⁶⁰ Судя по словам автора «Тухфа-и хони», причиной такой поспешности была поддержка Мухаммед Рахим-аталыка населением города, т. е. в изгнании кокандских войск из Ура-Тюбе главную роль сыграли его жители. Ходжи Хаким-хан изгнание Раджаба-диванбеги относит ко времени после 1233 (1817—1818) г. Опираясь на сообщение Ф. Назарова, слышавшего о случившемся через несколько дней, следует считать, что вышеупомянутая дата не соответствует действительности. Как сообщает Генс, аталык-бек служил у бухарского эмира мингбашой. Потом эмир назначил его хакимом в Ура-Тюбе, который был завоеван им в 1815 г.⁶¹

Как говорит автор «Шах-нома», эмир отдал Аталык-беку крепости Джизак, Заамин, Ям и Ура-Тюбе с прилегавшими к ним селениями. Последнее подтверждается и Ходжи Хаким-ханом. По всей вероятности, эмир этим хотел привлечь на свою сторону Мухаммед Рахим-аталыка и навсегда овладеть Ура-Тюбе. В свою очередь, Омар-хан, желая вернуть Ура-Тюбе и нанести удар эмиру, предпринял пять походов на Ура-Тюбе, Джизак и Заамин. Но каждый раз, понеся большие потери, он ни с чем возвращался в Коканд.

Очевидно, Ходжи Хаким-хан пишет именно об этих походах. Один из них он относит к лету 1235 (1819—1820) г. Следующий поход Омар-хана на Ура-Тюбе и Джизак отнесен к весне 1236 (1820—1821) г. В нем, по словам автора, участвовало сорокатысячное войско. Время похода и количество участвовавших в нем войск примерно совпадает с показанием очевидца — верхотурского купца Степана Попова, бывшего тогда в Коканде. Он показал: «Первого апреля (1821 г.) владетель Коканда послал свое войско до 50 000 человек для взя-

тия г. Ура-Тюбе, пред сим бывший кокандского владения, а после завоевания Бухарой, но возвратились оттоль в скором времени без всякого успеха и город взять не могли».⁶²

Неудачные походы подорвали авторитет Омар-хана, а он решил во что бы то ни стало добиться своей цели и начал тщательно готовиться к новому походу. По всей Фергане было объявлено, что все, кто имеет коня, должен участвовать в этом походе. Отказ грозил смертью. Собранные под такой угрозой войска в начале лета 1237 (1822) г. двинулись на Ура-Тюбе. Очевидно, учитывая предыдущие ошибки и поражения, Омар-хан задумал лишить Ура-Тюбе помощи Бухары, для чего окружил крепость Заамин. Осада продолжалась 20 дней. В конце концов, кокандские войска проникли в город, но не смогли овладеть цитаделью. Все заметнее ощущался недостаток продовольствия. Омар-хан вынужден был отступить.⁶³

Вышеупомянутый эпизод подтверждается письмом, отправленным из Коканда в Россию в январе 1823 г. Из письма выясняется, что хан распустил в своей столице слух о занятии Ура-Тюбе и Джизака. В действительности же он отступил под натиском бухарских войск, потеряв несколько тысяч воинов и трех военачальников.⁶⁴ Это был полный разгром кокандских войск (и по-видимому—последний поход хана на Ура-Тюбе).

Таким образом, в результате двадцатилетней борьбы за Ходжент и Ура-Тюбе ни одна из воюющих сторон успеха не добилась. Это объясняется тем, что жители этих городов и окружающих их кишлаков не оставались безучастными к происходящим событиям. Они принимали активное участие в обороне города или, после завоевания и ухода основных сил завоевателей, поднимались на борьбу и свержали их господство. Бывшим победителям снова надо было собирать войска и добиваться новой победы над восставшим народом.

В результате длительной безуспешной борьбы и активного сопротивления народных масс эмир Хайдар и Омар-хан вынуждены были заключить «вечный мир». По словам кокандского посланника в России, «хан и эмир в последние годы своей жизни прекратили всякие военные действия и заключили вечный мир, завещали своим наследникам хранить его свято и нерушимо».⁶⁵

Об этом же факте другой очевидец говорит более подробно: «Омар хан, владетель кокандский, пред постигнутою его недавно смертью изъявил хану бухарскому раскаяние во всех своих несправедливых пред ним действиях. Владение свое, вместе с сыном, поручил милости сего хана, который таким обра-

зом сделался повелителем Коканта; управление же сею страной поручено сыну покойного хана. Во всех случаях он испрашивает разрешение своего покровителя и не принимает закот от купцов, чрез Коканд в Бухарию приезжающих».⁶⁶

Это означает, что Коканд попал в вассальную зависимость от Бухары. Причина этого, очевидно, заключается не столько в материальном превосходстве Бухары, сколько в моральном и религиозном авторитете эмира среди мусульман Средней Азии и поддержке его турецким султаном.

Однако, эмир Насрулло (1826—1860) и Мухаммед Али-хан (Мадали-хан) недолго соблюдали завет своих родителей. Мир между Бухарой и Кокандом имел силу лишь до воцарения новых правителей в обоих ханствах и укрепления их власти. Мухаммед Али-хан не мог мириться с вассальной зависимостью. Тогда эмир решил, по примеру своих предшественников, направить послов ко двору турецкого султана, заручиться его поддержкой и получить повеление султана о первенстве Бухары над соседними среднеазиатскими владениями. Такого же повеления добивался кокандский хан. Это привело к разрыву «вечного мира» и тайной вражде между ханами Бухары и Коканда, впоследствии переросшей в открытую вооруженную борьбу. Эмир и хан убедились, что морального перевеса для достижения своих целей недостаточно, что только оружием можно добиться превосходства над противником.

В начале своего правления в Коканде (вероятно с целью взять реванш за неудачные походы отца) Мухаммед Али-хан решил завоевать Ура-Тюбе. После непродолжительной осады города кокандские войска столкнулись в местности Илан-Ути с войсками Бухары. Мадали-хан под натиском превосходящих сил эмира отступил. Однако это не остановило хана. Его не покидала мысль о завоевании непокорного города, и он построил в местности Сарай укрепленный пункт, где оставил 1000 человек войска во главе с Гадай-баем-додхо (сыном Доуль-парвоначи).⁶⁷ Хан решил постоянно держать Ура-Тюбе под угрозой.

Выше было отмечено, что эмир Хайдар отдал ряд укрепленных пунктов Мухаммеду Рахим-аталыку, чтобы привлечь его на свою сторону и постоянно держать под контролем Ура-Тюбе. Поскольку эта цель уже была достигнута, преемник Хайдара эмир Насрулло решил мирно вернуть себе названные укрепленные пункты и в первую очередь Джизак. Для этого в 1244 (1828—1829) г. Аталык-бек был приглашен на 20 дней в Бухару. Свое намерение эмир мотивировал тем, что в Джизаке должны стоять бухарские войска, которые будут охра-

нять Ям, Заамин, Пшогар и Ура-Тюбе от вторжения кокандцев. Хакимом Джизака был назначен мангыт Гази-бек-мирахур, который прибыл в Джизак вместе с Мухаммедом Рахим-аталыком. Состоятельные должностные лица Джизака отказались принять над собой власть мангытов. Гази-бек-мирахур вынужден был возвратиться в Бухару.⁶⁸ Эмир понял, что и представители господствующего класса Джизака, и Мухаммед Рахим-аталык изменили ему. Это подтвердил ход дальнейших событий.

Мухаммед Али-хан, воспользовавшись отсутствием Мухаммеда Рахим-аталыка, совершил поход на Ура-Тюбе. Ходжи Хаким-хан пишет в своем труде, что в этом походе пролилось много народной крови. В цитадели города был заперт оставленный за правителя сын аталыка—Бобо-додхо. Восемь дней шли бои за цитадель. Наконец, кокандцы победили.⁶⁹ Мухаммед Рахим-аталык об этом узнал, будучи в дороге, когда возвращался из Бухары. Захват Ура-Тюбе и особенно отказ признания власти Гази-бек-мирахура в Джизаке послужили поводом к походу эмира в Джизак. После продолжительной артиллерийской бомбежки и в результате предательства Насрулла занял город. Это было в том же 1244 (1828—1829) г.⁷⁰ Эмир зверски расправился со всеми, кто в свое время не хотел признать власти мангытов. Двое пленных были привязаны к дулам орудий, из которых затем выстрелили. Зная, что джизакцы ненавидели должностных лиц города, эмир отдал 75 человек из последних на расправу горожанам. Все 75 были убиты. Правителем Джизака был назначен мангыт Хаким-додхо.

Вероятно, после этого эмир захватил и Ура-Тюбе, назначив нового правителя вместо бежавшего в Шахрисябз Аталык-бека. В 1246 (1830—1831) г. после ухода бухарских войск Мухаммед Али-хан совершил поход на Ура-Тюбе. Пятитысячной армии хана удалось завоевать город. Правителем его был назначен Шахи-парвоначи.

Мухаммед Рахим-аталык не терял надежды снова стать правителем Ура-Тюбе. Узнав, что кокандские войска находятся в Кашгаре и получив от своих бывших приближенных приглашение прибыть в Ура-Тюбе, он в том же году с восемнадцатью смельчаками ночью проник в город. Но ему не удалось захватить власть; о плане Мухаммед Рахим-аталыка узнали кокандцы и убили его. Тело аталыка было отправлено в Коканд и две недели провисело там на виселице.⁷¹ Основная причина поражения заключалась в том, что ишан-феодалы (крупные землевладельцы) во главе с Салих-ходжи при-

держивались кокандской ориентации и не захотели поддерживать прабухарского правителя.

Все же Мухаммед Рахим-аталык управлял Ура-Тюбинским владением дольше, чем его предшественники — 12 лет (1816—1828). Это объясняется еще рядом обстоятельств. Во-первых, среди потомков Худояр-диванбеги больше не было никого, кто претендовал бы на управление Ура-Тюбе, кроме сыновей Мухаммед Рахима, по-видимому, беспрекословно подчинявшихся отцу. Во-вторых, Мухаммед Рахим во время своего правления ориентировался на эмира, который был готов в любой момент помочь Ура-Тюбе вооруженными силами, дабы сохранить город в вассальной зависимости от себя. В-третьих, в Коканде вместо Омар-хана стал править его сын Мухаммед Али-хан — человек, искалеченный нравственно, мало интересовавшийся государственными вопросами. Кроме всего прочего, кокандский хан был занят кашгарскими делами и боялся испортить отношения с Бухарой.

После взятия Ура-Тюбе Мухаммед Али-хан, опасаясь дальнейших осложнений и столкновений с Бухарой, направил к эмиру посла с предложением мира. Насрулла согласился. Это было вызвано внутренними событиями в Бухаре: стремлением эмира к укреплению своей власти в столице после победы над соперниками; борьбой с мятежными феодалами Шахрисабза, продолжавшейся войной с Хивой за Мерв и Чарджуй и т. п. На согласие Насруллы не могли не оказать влияния и свирепствовавшая в 1825 г. в Бухаре желтая лихорадка, которая уносила сотни жизней, и вызванный неурожаем 30-х годов голод, когда цены на хлеб увеличились в несколько раз.

Итак, в 1830 г. между Кокандом и Бухарой был заключен мир, сохранившийся до 1840 г. «Вечный мир», заключенный в период правления эмира Хайдара и Омар-хана, не дал желаемых результатов. Борьба между этими владениями из-за пограничных городов продолжалась, и открытые вооруженные столкновения прекратились только на одно десятилетие. Так закончился первый этап борьбы за Ходжент и Ура-Тюбе. Наступил короткий период затишья.

События первого этапа свидетельствуют о том, что Ура-Тюбинское владение, хотя и потерпело политическую самостоятельность, но оставалось крупным владением, обладавшим достаточной военной силой, чтобы сохранить внутреннюю автономию. В период борьбы Коканда и Бухары за Ура-Тюбинское владение оно сохранило почти всю свою прежнюю территорию. Джизак, Ям и Заамин служили буфером, отра-

жая первые удары. В итоге первого этапа борьбы Ура-Тюбе и Ходжент остались под властью кокандского хана.

С 1840 г. до присоединения северных районов Таджикистана к России между Кокандом и Бухарой происходила интенсивная борьба за Ура-Тюбе и Ходжент. За это время оба города в среднем через каждые полтора года переходили из рук в руки. Теперь перевес находился на стороне эмирата: в этот период он был сильнее других владений в Средней Азии и потому играл первенствующую роль в среднеазиатских делах. Кроме того, эмир Насрулла оказался искусным дипломатом, опытным государственным деятелем, сумевшим установить дружественные отношения с такими крупнейшими государствами того времени, как Россия и Турция, — чего не могли добиться кокандские ханы. Подчинив себе непокорное Шахрисабзское бекство, Насрулла постоянно следил за событиями, происходившими за пределами его страны (в частности, в Афганистане и Иране) и проводил соответствующую политику. Его предшественники такими качествами не обладали.

Поводом к войнам 40—50-х годов между Бухарой и Кокандом послужило то, что эмир представил убежище Султан Махмуду — брату Мухаммеда Али и написал последнему письмо, полное упреков, угроз и оскорблений.⁷²

Мухаммед Али-хан арестовал и казнил эмирских послов и стал усиленно готовиться к войне. Согласно его приказу в армию набирали всех граждан и «всякого сословия людей в возможном количестве, кто только имеет или в состоянии завести коня, приобрести какое-либо оружие и владеть им».⁷³ Хан послал нарочных к правителям многих областей и городов с приказом собрать войска и ополчения и следовать к Ходженту. В 1255 (1839—1840) г. кокандские войска подошли к Пшогару и стояли там в бездействии. Сам хан в это время находился в Ура-Тюбе, мобилизуя население на укрепление пшогарской крепости.

Бухарцы неожиданно выступили из Джизака, окружили и заняли Пшогар, до основания разрушив крепость, и вывезли в Джизак все оборонительные средства. Хану пришлось просить мира. Насрулла согласился, но решил использовать против Мухаммеда Али его брата Султан Махмуда, для чего назначил последнего правителем Урмитана, лежавшего к юго-западу от Ура-Тюбе. Эмир надеялся таким способом расположить кокандцев к Султан Махмуду.⁷⁴ Это назначение вызвало протест Мухаммед Али-хана, и он стал увеличивать число войск, расположенных в Ура-Тюбе, Заамине и Яме.

Начались набеги расположенных в этих районах войск, продолжавшиеся год с лишним. Больше всего от них страдало население, особенно скотоводы, которые вынуждены были покинуть районы Яма, Заамина, Урмитана, Ура-Тюбе, Хаваса.

Через год, в 1258 (1842—1843) г., эмир собрал свою армию и подошел к Джизаку. Здесь он узнал, что в Яме и Заамине имеется по тысячному войску, а в Ура-Тюбе — еще пять—шесть тысяч. После безуспешных переговоров о мире, начатых эмиром, войска последнего оставили крепость Заамин и направились к Яму и в течение трех дней подвергали крепость усиленному артиллерийскому обстрелу. Крепость загорелась. Местные жители, спасаясь от пожара, бежали к хаузам. Те, кто не успел скрыться, были перебиты или взяты в плен ворвавшимся в крепость эмирскими войсками. Разграбив то, что не сгорело, бухарцы разрушили крепость. Командующий ее гарнизоном Исхак-бек попал в плен и был убит. Теперь наступила очередь Заамина. И местные жители, и сами кокандские военачальники, боясь, как бы их не постигла участь ямцев, после непродолжительной борьбы сдали город. Бухарцы направились к Ура-Тюбе.

Автор «Царственной книги побед» говорит, что с обеих сторон, особенно у Бухары, в этих битвах участвовало такое большое количество войск (называя имена командующего войсками каждого района), «которые не видели глаза со времени Абдулла-хана». ⁷⁵

По дороге в Ура-Тюбе эмирские войска встретились с ханскими близ кишлака Джуй-Лянгар. Автор так описывает страшную картину боя, происходившего в местности Оби-Джомак:

خدا داد فرصت شهنشاه را
ز دشمن بسی جوی خون ریختند
بخون غرقه شد مر کبانرا نعال
میان دره از بر راه دشت
جهان شد پر آغشته در خاک خون
فراوان ز خوفندیان کشته شد
نه چندان غنیمت بلشکور رسید
ز سیم و زر زیور لعل در
مواشی ز انواع حیوان بسی
چوان بد سكالان هزیمت شدند

هزیمت در افتاد بد خواه را
گرفتند و کشتند و آویختند
تو گفتی مگر در شفق شد هلال
ز خون و ز کشته نمی شد گذشت
یکی بی سرو دیگری سرنگون
بیابان همی پشته در پشته شد
که اندازه نایدش انرا پدید
منازل گران تا گران گشته پر
فتاده بدست کس نا کسی
سپه بی نیاز از غنیمت شدند

Бог дал (подходящий) случай шахиншаху (и)
Злоумышленнику пришлось обратиться в бегство.
Пролили много ручьев вражеской крови,
Захватив, убивали, вешали.
Подковы ишаков погружались в кровь,
Ты сказал бы, что, быть может, месяц появился
на рассвете.

В ущелье, по дороге и в степи
Прошел поток из крови убитых.
Мир стал переполненным прахом и кровью,
Один—без головы, другой—опрокинутый.
Из кокандцев многие были убиты,
Степь вся (заполнилась) кучами убитых.
Сколько трофеев досталось войску,
Что количество их остается неясным.
Они состояли из серебра, золота, рубинов и жемчугов
Дома (ими) переполнились до краев.
Много скота и (другие) виды животных,
Попали в руки (достойных) людей и недостойных.
Когда те злоумышленники обратились в бегство,
То им не нужна была добыча. ⁷⁶

Когда эмирская армия подошла к Ура-Тюбе, местные жители и кокандские войска отказались от обороны. Заняв город, Насрулла отправил его правителя Карим Кули-додхо с приближенными в Бухару. Захват Ура-Тюбе произошел в конце месяца шабана 1257—13 октября 1841 года.

После этого эмир предложил хану собрать в Ходженте свои разрозненные войска и совершить последнюю, окончательную битву. Но Мухаммед Али, боясь народного гнева, бежал в Коканд, и Ходжент без боя подчинился эмиру. Эмирские послы нагнали хана по дороге в Коканд. Узнав о предложении Насруллы, Мухаммед Али отправил к нему своего сына с государственной печатью, а сам продолжал путь. Эмир послал вдогонку за ним 10-тысячное войско во главе с Бердияром-туксабо и Султан Махмуд-ханом. Прибыв в Коканд, хан отправил послом в Бухару своего дядю. Последний сообщил от имени Мухаммеда Али, что тот отдает эмиру области Ходжента, Ташкента и Туркестана, годичную торговую пошлину и харадж, собираемый в области Ферганы. Кроме того, на хутбе произнесут имя эмира. ⁷⁷ Все это, вместе взятое, означало признание вассальной зависимости.

Эмир удовлетворился такими уступками и, назначив в Ходженте правителем Султан Махмуд-хана, вернулся в Ура-

Тюбе. Районы Ура-Тюбе, Яма и Заамина он отдал Бердияру-туксабо, присвоив ему чин ишик ого-боши (главный хранитель высокого порога). Мухаммед Али не думал соблюдать условия мира. Установив связь с братом, он назначил его правителем Ташкента, а сам вступил в Ходжент, вместо того чтобы передать эти города эмиру. В ответ на это Насрулла весной 1842 г. занял столицу ханства и казнил Мухаммеда Али и все его семейство. До 1848 г. Ура-Тюбе находился во власти Бухары. За это время кокандские войска во главе с Мусульман Кулом совершили три похода на Ура-Тюбе (1845, 1846, 1848), но взять крепость не смогли.

После смерти Бердияра ишик ого-боши (примерно в 1844 г.) эмир назначил правителем Ура-Тюбе Исхак-бека мангыта, а через год, вняв требованиям состоятельных ура-тюбинцев,⁷⁸ заменил его Иса-додхо юзом.⁷⁹

Предпоследнему кокандскому хану Худояру удалось в 1265 (1848—1849) г. завоевать Ура-Тюбе. Это, как обычно, сопровождалось, наряду с ограблением местного населения, страшной резней. Из голов убитых в том же году была воздвигнута новая «Калла Манора» (что буквально означает — башня из голов) на одной из ура-тюбинских высот, которая и сейчас носит это название. Беком Ура-Тюбе был назначен сын Мухаммед Рахим-аталыка Абдулгаффар-бек, бывший правитель Исфары.⁸⁰

Однако, эмир Насрулла, не мог мириться с тем, что правители недавно покоренного им Коканда осмелились не только начать против него войну, но и отторгнуть часть подвластной ему территории. И весной 1850 г. он начал военные действия, которые, по-видимому, ни к чему не привели. Наступила небольшая передышка до середины октября. Затем борьба между Кокандом и Бухарой возобновилась. Победу одержал эмир. По его приказу в Ура-Тюбе было вырезано шесть тысяч кипчаков.⁸¹ Правителем был назначен Ала Шукур-бек.

Это послужило поводом для концентрации крупных сил кипчаков (40 тысяч),⁸² которые двинулись на Ура-Тюбе во главе с Мусульман Кулом (по сообщению Коми, это было в 1268 (1851—1852) г.).⁸³ Этот поход Мусульман Кула на Ура-Тюбе оказался неудачным. В следующем году кокандские войска, возглавляемые самим Худояр-ханом, снова пошли на Ура-Тюбе. Город был покорен, Ала Шукур-бек убит. Хакимом стал Иса-бек-парвоначи, бывший правитель Нау. Он разграбил казну ура-тюбинских хакимов. 770 человек рядовых жителей и все неугодные ему должностные лица были убиты. Из их голов на высоте Тал была воздвигнута пирамида.⁸⁴ Очевид-

но, этих событий касается записка из форта Перовского, в которой сказано: «Большей частью толковали о возмущениях и беспорядках в ханстве, причину которых находили в несправедливостях и жестокостях хана».⁸⁵ Действия нового хана вызвали у жителей Ура-Тюбинского владения вражду к Коканду и кипчакам. Назревала угроза восстания. Худояр-хан не мог не учитывать настроения масс и, чтобы отвести удар от Коканда, в том же году казнил Иса-бека.⁸⁶

Правителем Ура-Тюбе вторично был назначен Абдулгаффар-бек. Он ненавидел кокандцев, так как в 1828 г. хан убил его отца Мухаммед Рахим-аталыка и поддерживал видимость дружбы с ханом, надеясь захватить власть в Ура-Тюбе. Очевидно, Худояр-хан это скоро почувствовал. Как сообщает историк эмира Насруллы, Рустам-бек-юз при помощи Худояра стал хакимом Ура-Тюбе, а Абдулгаффар-бек с семейством был выслан за пределы владения.⁸⁷ Историк пишет будто это произошло в 1276 (1859—60) г., что не соответствует действительности (эта дата скорее относится к году убийства Рустам-бека эмиром Насруллой).

По данным Коми, Рустам-бек еще жил в 1856/57 г. В 1272 (1855—1856) г. он построил в городе караван-сарай, а годом позже — салом-хону (комнату для торжественных встреч бека) и баню.⁸⁸ Из всех правителей ура-тюбинцы помнят только о Рустам-беке. Вероятно, это связано с названиями построек, в частности медресе.

Согласно архивным материалам, Рустам-бек, сын бывшего правителя Ура-Тюбе Махмуд-хана Ходжа-ахрори, овладел городом в 1854 г. Придерживаясь кокандской ориентации, он вел активную антибухарскую политику. В ежемесячных записках о состоянии и положении дел в среднеазиатских владениях, составляемых царскими должностными лицами для центрального правительства в 1854—1855 г., антибухарская политика ура-тюбинского хакима упоминается очень часто. Так, в записке от 31 декабря 1854 г. мы читаем: «В последних числах ноября начальник крепости Ура-Тюбе Датка (додхо.— А. М.) Манияз с 1500 воинами, напав на киргизов, кочующих около Юзака (Джизака.— А. М.), разграбил 30 аулов и захватил принадлежащие почетным и богатым бухарцам 3000 баранов, 500 верблюдов, 200 лошадей и 30 ишаков. Бек юзекский Канаат, выехавший для отбития Манияза с 300 человеками, был последним разбит, а войско его умертвлено и только 3 человека, в числе их сам Канаат-бек, возвратились в крепость Юзек».⁸⁹

Подробно о действиях ура-тюбинцев сообщается в последующих записках за 1855 г. Эмир в начале ограничился оказанием помощи войскам. Канаат-бек не смог использовать представленной помощи и одержать победу над Маниязом. Разбойничьи действия Манияза продолжались. Тогда эмир обратился к кокандскому хану с просьбой вернуть имущество его подданных. В записке от 21 апреля 1855 г. говорится: «Возвращения Кокандским ханом Бухарскому эмиру ограбленных Ура-тюбинским беком подданных последнего с долею им продовольственных запасов, одежды и прочего вполне справедливы».⁹⁰

Судя по последующим событиям, хан не удерживал правителя Ура-Тюбе от дальнейших действий против Бухары. Эмир не удовлетворился возвратом части награбленного имущества. В первую очередь он сместил неспособного правителя Джизака Канаат-бека и по ложным доносам кокандского хана даже умертвил его. Насрулла стал готовиться к походу на Ура-Тюбе, чтобы отомстить за все прошлое и окончательно овладеть городом. После продолжительной подготовки, собрав крупные силы, эмир в ноябре 1858 г. занял Ура-Тюбе, целиком вырезав гарнизон.⁹¹ Был убит и Рустам-бек. Возвратившись из грабительского набега в районы Ходжента и Канибадама, завоевать которые ему не удалось, эмир в феврале 1859 г. назначил правителем Ура-Тюбе Бозор-бия.

В это время в Кокандском ханстве происходила феодально-династическая борьба. Малля-хан (1858—1862), одержав победу над Худояр-ханом, провозгласил себя ханом Коканда. К нему обратился за помощью изгнанный из Ура-Тюбе Абдулгаффар-бек и в 1859 г. получил от хана крепость Нау.⁹² В 1860 г. умер эмир Насрулла. Воспользовавшись этим, Абдулгаффар-бек пошел на Ура-Тюбе, занял его и объявил себя самостоятельным правителем. Это послужило поводом к новому походу на Ура-Тюбе. Малля-хан осаждал его три месяца, были применены самые варварские меры. Его войска грабили под командованием Алим Кула и разрушали кишлаки, уничтожили даже мечеть в кишлаке Махалля-и Ташбек.⁹³ Мирза Ахмед — лицо, близко стоявшее ко двору Худояр-хана, относит этот поход к году смерти Малля-хана (1862).⁹⁴ В шести километрах к югу от Ура-Тюбе имеется расположенная между двух высот местность Банди Малля-хан (плотина Малля-хана). По словам стариков, Малля-хан собирался построить здесь плотину. Запрудив сай, а потом выпустив воду, он хотел затопить Ура-Тюбе. Судя по всему, он пытался уничтожить Ура-Тюбе. Но это ему не удалось.

Новый бухарский эмир Музаффар (1860—1885), учитывая старые связи Абдулгаффар-бека с Кокандом и не доверяя ему, приказал схватить его и отправить в Шахрисябз. Правителем Ура-Тюбе был назначен Барат-бек, один из потомков Худояра-диванбеги.

Разоренные постоянными войнами ура-тюбинцы искали сильной власти, под покровительством которой можно было бы заняться мирным трудом. Считая Кокандское ханство более сильным, чем Бухарское, они обратились к Барат-беку со словами: «Мы разорены войной; наступает весна; мы принимаемся за полевые работы; в случае прихода Малля-хана, если можешь защищать нас, защищай, если не можешь, немедленно же мирись с ним, не то мы сами тебя выгоним и предадимся Фергане».⁹⁵ Под давлением народа Барат-бек заключил с ханом мир, послав ему дорогие подарки и щедро угостив кокандцев.⁹⁶ Зимой 1278 (1861—1862) г. Малля-хан решил предпринять поход против русских войск, пригласив с собой Барат-бека. Вероятно, ура-тюбинцы были против этого, и поэтому Барат-бек отклонил приглашение. В ответ на это хан двинулся на Ура-Тюбе. Тогда жители города потребовали, чтобы Барат-бек немедленно помирился с ханом. «Зима, — говорили они, — оружия у нас нет; охоты к войне тоже не имеется. Мирись или убирайся, не то сами выдадим тебя хану». Кончилось тем, что Барат-бек бежал в Матчу, а Малля-хан мирно вошел в Ура-Тюбе.⁹⁷

Династическая феодальная борьба в Кокандском ханстве все нарастала. Худояр-хан собрал силы, чтобы снова овладеть престолом. Когда, вторично захватив Коканд, эмир возвратился в Бухару, Худояр снова провозгласил себя кокандским ханом (1862—1863 г.). Абдулгаффар-бек воспользовался этим моментом, чтобы при помощи хана попытаться завоевать Ура-Тюбе. «При бухарском эмире (Музаффаре.—А. М.) Абдулгаффар-бек покорил Ура-Тюбе, затем, поссорившись с кокандским ханом и войдя в дружественные отношения с Бухарою, перешел в подданство бухарского эмира, почему кокандский хан с войсками шел в Ура-Тюбе, но при защите самаркандскими, катта-курганскими и другими бухарскими войсками города не покорил».⁹⁸

До 1866 г., т. е. до прихода в Ура-Тюбе русских войск, Абдулгаффар оставался преданным слугой эмира. Это был последний правитель Ура-Тюбе из племени юз. После присоединения Ура-Тюбе к России он бежал в Бухару. Эмир назначил его правителем Урмитана (горного владения в долине Зеравшана).

История Ура-Тюбинского владения за 66 лет свидетельствует о том, что этот вилайет был одним из самых разоренных междоусобицами районов Средней Азии. За этот период, по приблизительным подсчетам, эмиры совершили не менее 12 походов на Ура-Тюбе. Кокандские ханы, начиная с Омар-хана, — 15. По словам автора «Шахруховой истории», только кокандский хан Алим предпринимал 15 походов на Ура-Тюбе. Кроме того, на Ура-Тюбе совершили несколько походов Бек-Мурад-бий из Ходжента и Аталык-бек из Пшогара. Всего за сравнительно короткий срок на г. Ура-Тюбе было совершено более сорока походов, сопровождавшихся грабежами, пожарами, угоном населения и т. п.

За этот период в Ура-Тюбе сменилось 17 правителей. Если же учесть, что Бек-Мурад-бий правил тут два раза, а Абдулгаффар-бек четыре, то смена правителей происходила 23 раза. Только одному Мухаммед Рахим-аталыку удалось при помощи бухарского эмира править Ура-Тюбе сравнительно долго (1816—1828). Остальные хакимы удерживались в среднем года по два. А ставленники коканда Саидкул-бий-додхо и Касым-бек продержались у власти первый всего неделю, а второй — месяц.

Частая смена правителей являлась причиной слабости их власти, которая не могла укрепиться за короткий срок. Этим пользовались крупные землевладельцы и виноградари в лице потомственных ишанов, державших в своих руках всю полноту власти. Без их совета и согласия хакимы не могли приступать к управлению государством. Это видно хотя бы на примере Мухаммед Рахим-аталыка: не получив согласия ишана Солих Ходжи, он не мог овладеть цитаделью и был казнен. Более того, ни одному из кокандских ханов или бухарских эмиров не удалось держать в повиновении Ура-Тюбинское владение, если он не делал уступок ишанам, освобождая их от податей и назначая на высшие духовные или светские должности.⁹⁹ Ишаны, стремясь ко все большему обогащению и власти, часто меняли бухарскую ориентацию на кокандскую и наоборот, что служило одной из причин многочисленных походов правителей в соседние владения.

Выше было отмечено, что в начале XIX в. Ура-Тюбинское владение лишилось своей самостоятельности и потеряло ряд территорий, завоеванных Бухарой и Кокандом. Однако потеря самостоятельности была формальной. Никогда эмир или хан не считали Ура-Тюбе подвластной им территорией. Например, в одном архивном документе, составленном в 1812 г., перечислены все города и укрепленные пункты, подвластные

Коканду и приобретенные каждым из ханов в отдельности. Ура-Тюбе среди них не встречается.¹⁰⁰

Феодално-племенная знать узбекского племени юз примыкала, смотря по обстоятельствам, то к Бухаре, то к Коканду и, пользуясь существовавшими между этими государствами противоречиями, оставалась фактически независимой.¹⁰¹ Феодалы часто выходили из повиновения ханов и эмиров, стремясь восстановить свою самостоятельность. Даже Мухаммед Рахим-аталык, который на всем протяжении своего правления в Ура-Тюбе ориентировался только на Бухару, старался освободиться от ее опеки. Так, в 1240 (1824—1825) г., после смерти хивинского хана Мухаммед Рахима II эмир Хайдар совершил поход на Чалак и Янги-Курган, осада которого продолжалась 70 дней. Чувствуя свое бессилие, эмир попросил помощи у нескольких своих вассалов.¹⁰² Правитель Ура-Тюбе и Джизака Мухаммед Рахим-аталык отказался помочь Хайдару, рассчитывая на ослабление Бухары и получение полной самостоятельности.

Пользуясь отдельными случаями, правители Ура-Тюбе старались восстановить прежние границы своего владения. Выше было упомянуто о подчинении ура-тюбинскому хакиму городов Джизака и Заамина и укрепленных пунктов Ям и Пшогар. В одном документе, обнаруженном в Матчинском районе и датированном месяцем шабан 1254 г. (октябрь—ноябрь 1838), речь идет о назначении диванбеги в кишлак Оббурдан. Документ выдан правителем Ура-Тюбе.¹⁰³ Отсюда ясно, что ура-тюбинские хакимы не отказывались от мысли возвратить долину Зеравшана, которая была им подвластна во второй половине XVIII в. И иногда им это удавалось.

Сила, экономические и военные возможности непокорного владения учитывались не только Бухарой и Кокандом, но и другими государствами. Царские агенты в Средней Азии и купцы, приезжавшие в Россию, оценивая события в Средней Азии, отдельно останавливались на положении Ура-Тюбинского владения. В конце 1854 г., когда правитель Джизака, получив помощь от Бухары, овладел крепостью Нау и осадил Ура-Тюбе, здесь находились турецкие послы. Об этом факте надворный советник Первухин писал: «Приехавший с караваном вчерашнего числа (30 декабря 1854 г.—А. М.) из Бухары почетный Ординец Мулладжан Бикмурзин сообщил мне следующие сведения... В сем владении (в Ура-Тюбе.—А. М.) до сего времени находятся посланники из Турции под начальством Али Нияза, но в чем переговоры их заключаются—неизвестно».¹⁰⁴

Все сказанное выше о событиях на территории Ура-Тюбинского владения в первой половине XIX в. свидетельствует о том, что независимо от планов правителей Ура-Тюбе, Бухары или Коканда главной причиной невозможности окончательно покорить владение соседними государствами явился свободолобивый дух народных масс. Это отмечалось во многих местных и русских источниках; это мы видели в эпизоде с Барат-беком, когда население заставило его отказаться от похода против России.

Во время войн обогащались не только победители, но и имущая верхушка Ура-Тюбинского владения, при любых обстоятельствах сохранявшая свою власть и богатство. Основную тяжесть войны несли на себе простые труженики — крестьяне и ремесленники. По сведениям, собранным у стариков-осведомителей, когда Ура-Тюбе переходил из рук кокандского хана в руки бухарского эмира, кокандские деньги обесценивались, теряли свою стоимость и в обращение не шли. Этим пользовались купцы, которые за бесценок скупали их у населения, отвозили в Коканд и использовали там по номинальной стоимости. Наоборот, когда город переходил от Бухары к Коканду, купцы собирали со всего вилаята бухарские деньги и отвозили их в эмират. В подобных случаях особенно тяжелым было положение должников из числа кустарей и дехкан. Когда кокандские деньги теряли свою силу, кредитор требовал уплаты долгов бухарскими деньгами. Бедняку трудно было рассчитаться, и он или оставался вечным должником или же вынужден был продать свой клочок земли, мастерскую или лавчонку. Во время войн завоеватели вытапывали пашни и виноградники, сжигали урожай, угоняли скот, увозили хлеб, разрушали целые селения.¹⁰⁵ При захвате Ура-Тюбе Алим-ханом в 1221 (1806—1807) г. была убита масса горожан, ограблены дома всех простых жителей. Не довольствуясь этим, завоеватели подожгли город. Ходжа Хаким-хан пишет, что пламя охватило город так, как будто горели камышовые заросли, что горело все — и сухое, и сырое.¹⁰⁶

Летом 1820 г. в вилайете был хороший урожай хлеба. По словам вышеупомянутого историка, в пшеничном поле мог скрыться всадник. В момент созревания зерна Омар-хан совершил неудачный поход на Ура-Тюбе. Будучи не в силах захватить город, хан приказал своим войскам поджигать поля и кишлаки. Ходжи Хаким-хан дальше пишет:

در سه شب روز از دست لشکریان مور ملخ تمشا نه در ده خانه و نه در باغ نخل و نه در دشت زراعت ماند کوه ها را چنان از خس خاشاک پاک ساختند که غیر از خاک و سنگ چیزی باقی نمانده بود ای ظالم مظلوم آزار خدا نا ترس، گناه ما چه بود که ما را از

«В течение трех суток от рук войск, действовавших подобно саранче и муравьям, не осталось в кишлаках ни домов, ни в садах деревьев, ни в полях урожая. Они так очистили горы от кустарников и хвороста, что, кроме земли и камня, ничего другого не осталось».¹⁰⁷

Жители Ура-Тюбе и ближайших кишлаков, скрывавшиеся за городскими стенами, были обречены на ограбление, голод и смерть. Если противник не мог захватить город, он осаждал его иногда по несколько месяцев. Людям приходилось питаться чем попало.

Когда Махмуд-хан-ходжа в 1220 (1805—1806) г. захватил власть в Ура-Тюбе, кокандские войска опять осадили город. Сам Махмуд-хан впоследствии говорил, что во время этой осады горожане голодали и что

در آن وقت در بساطما چیزی از خراکی ذخیره نبود بسیار بتنگ آمده بودیم روزی یکی از نوکران یکمن گندم آورد گویا که چند من جواهر کشیده باشند اسپان ایشان پوست درخت میخور دند

«В то время в нашем распоряжении никаких продуктов в запасе не было. Мы пришли в крайне бедственное положение. Однажды один из нукеров принес один ман пшеницы — это равнялось тому, как если бы он добыл несколько манов драгоценных камней. Наши кони питались древесной корой».¹⁰⁸

В. Наливкин, говоря словами того же Махмуд-хана, очевидно, об этом же случае пишет: «Лепешка стоила столько же, сколько и человеческая душа, многие питались древесной корой и когда один из его нукеров притащил ему откуда-то мешок пшеницы, то он обрадовался ему больше, чем если бы это был мешок драгоценных камней».¹⁰⁹

Понятно, что, если сам бек находился в таком положении, то население города и подавно было обречено на вымирание. Когда противник захватывал город, его войска, с разрешения или даже по прямому приказу хана или эмира, грабили местных жителей до последней нитки. Мулла Нияз Мухаммед сообщает о следующем случае ограбления и насилия во время одного из походов Алим-хана в Ура-Тюбе:

از قهر و غضب تاجیک و بیک بچهار ایتراج اورا تپه فرمود غیر از سنگ و خاک در آن ولایت پر معاکت هر چیزیکه بود ر بودند مردم اورا تپه نامرد زن لوچ و برهنه در درون قشون در آمده به ناله و زاری بطریق گدای احوالات خودها را مکشوف ساخته — اطعمه لباس طلب مینمودند ... مردم تاجیکه و سرتیه اورا تپه انجام خودها را بطریق گدای فی الجمله راست نمودند

«(Алимхан) в гневе и ярости отдал приказ таджикам и бекбачам разграбить Ура-Тюбе. Кроме земли и камня, в этой обильной области разграбили все, что имелось. Все население Ура-Тюбе, мужчины и женщины, голые и босые, войдя в войско, с плачем и стоном, как нищие, объясняли свое положение и просили продукты и одежду... Таджикское и сартовское население Ура-Тюбе приобрело (нужные ему) вещи нищенским путем».¹¹⁰

О грабежах, пленении и убийствах населения города в 1269 (1852—1853) г. и увозе несметного количества всевозможных вещей в Коканд сообщает автор «Зеркала побед».¹¹¹

У ура-тюбинских старожил до сих пор сохранилось в памяти много фактов, свидетельствующих о пережитых населением страшных днях феодальных войн. Бибиджан Аминджанова в 1925—1926 г. рассказывала своим сыновьям, что она помнит, как завоеватели грабили в городе все, что только попадалось. Они срубали деревья, разбивали домашнюю утварь, сжигали дома. По словам Аминджановой, ее родители голодали, не могли накормить свою семью. Захватчики повсюду искали продукты и, находя их, увозили, а если не удавалось увезти, то сжигали. От их алчных глаз нельзя было скрыть зерно в ямах каким-нибудь обычным способом. Поэтому, чтобы не умереть с голоду, родители Бибиджана штукатурили свой дом, употребляя вместо самана просо. Когда враги оставляли город, штукатурку снимали, отделяли просо от глины и готовили из него пищу. Такой способ сохранения хлеба, был здесь в то время общепринятым.¹¹² О таком же случае сообщил другой ура-тюбинец Усто Шакир Бабаджанов,¹¹³ слышавший об этом от своего деда Ходжи-Курбана. По словам рассказчика, очищенное просо распределялось на базаре между населением при непосредственном участии аксакалов. Богатым давали по два—два с половиной килограмма, бедным—вчетверо-впятеро меньше. Из полученного таким образом проса варили аталу—похлебку. Была она очень горькой, и, не смотря на голод, ели ее с трудом.

Когда войска завоевателей шли на Ура-Тюбе, то по пути грабили и уничтожали кишлаки, жителям которых порой приходилось навсегда бросать родные места и куда-нибудь переселяться (чаще всего в глубь гор). Не случайно многие кишлаки в предгорьях Туркестанского хребта в пределах Ура-Тюбинского и Шахристанского районов по-таджикски или по-узбекски называются Новый (Нав или Янги). Например, Навобод», «Навободи Султон», «Янги Курган», «Аули-Навобод».

Русский чиновник, побывавший в 1869 г. в Ходженте, Ура-Тюбе и Джизаке, пишет: «Путь от Ура-Тюбе к Джизаку пролегает по местности каменистой и малоплодородной... Вся эта местность, некогда богатая и населенная, теперь представляла грустный вид безлюдья и запущения. Глиняные стены кишлаков местами уже обваливались. Главнейшей причиной запустения этого края были частные и губительные беспорядки».¹¹⁴ Нечто подобное сообщает и Мир-Салих Бекчурин, посетивший Среднюю Азию в 1865—1866 г. «Неподалеку от Тагаба (близ Ходжента.—А. М.) на высокой горе видны развалины цитадели. Говорят, что она была в свое время сильно укреплена, но лет 20 назад разорена Насрулла Багадур-ханом».

На восточной стороне этого селения (Кыстакуза.—А. М.) находятся тоже развалины, которые, по словам местных жителей составляли прежде лучшую часть Кыстакуза. Разорена тем же эмиром».¹¹⁵

В 1813 г. Ф. Назаров писал о том, что видел во время переезда из Коканда через Ходжент в Ура-Тюбе: «Дорогою почти на каждых 15 верстах встречали мы деревни, никем необитаемые».¹¹⁶

И эмир, и хан после каждого похода уводили с собой массу жителей, благоустроявая их руками свои города. Эмир Шах Мурад в конце XVIII в. увел в Самарканд значительную часть населения Ходжента, Ура-Тюбе, Хаваса, Заамина и Яма. Эти люди использовались на строительстве зданий, ирригационных сооружений и т. п. Они же построили в Самарканде 24 мечети, городские ворота и еще много разных зданий. По сей день в Самарканде существуют кварталы под названием Ховоси (Хавасский), Зомини (Зааминский), Емини (Ямский), Худжанди (Ходжентский). Это свидетельствует о том, что здесь жили люди, угнанные из родных краев.¹¹⁷ После одного из успешных походов на Ура-Тюбе, Алим-хан увел в Коканд пять тысяч пленных.¹¹⁸

Как сообщает Мухаммед Якуб, кокандский хан Мухаммед Али сразу же после смерти эмира Хайдара (1826) в течение 26 дней осаждал Ура-Тюбе. За это время он разграбил окрестности города и увел в Коканд множество людей.¹¹⁹

Завоевав в 1244 (1828—1829) г. Джизак, эмир Насрулла увел в Самарканд всех жителей, принадлежавших к племени юз.¹²⁰

О другом походе Насруллы на Ура-Тюбе в 1275 (1858—1859) г. Бекчурин пишет: «Говорят, последовала страшная катастрофа. Надменный завоеватель приказал разграбить начисто город, зарезать всех значительных жителей и даже са-

мого хакима (начальника города) Рустам-Бека, а жен и дочерей его и других незарезанных отослать в Бухару, в свой гарем».¹²¹

От рук своевластных деспотов не было покоя и мертвецам. Как пишут историки эмира Хайдара, во время (одного) из походов на Ура-Тюбе Алим-хан приказал собрать тела убитых в бою и перенести их под городские стены. Тела были сложены друг на друга в виде лестницы, и солдаты хана, поднимаясь на них, вели бой с осажденным городом.¹²²

Одержав победу в сражении, завоеватели обычно убивали пленных врагов. Так, кокандский хан Ирдана-бий (вторая половина XVIII в.), одержав победу в бою около р. Ак-Су, поставил всех пленных в ряд и перерезал их, как баранов. По словам историка, вода в Ак-Су стала красной. Из голов убитых была воздвигнута пирамида. Сотни пленных были убиты эмиром Насруллой в Ходженте, Джизаке и Ура-Тюбе. Только в 1859 г. он умертвил в Ура-Тюбе триста пленных кокандцев.¹²³

Много убитых и раненых было, разумеется, и среди местных жителей. В начале прошлого столетия и эмир, и хан имели уже достаточное количество артиллерии. Во время осады за городскими стенами, кроме горожан, собиралось много народу из окрестных кишлаков. При продолжительном артиллерийском обстреле погибали люди, разрушались дома. Оставшиеся в живых теряли и имущество, и кров, и семью.

В результате количества населения уменьшалось из года в год. По сведениям, сообщаемым Мулла Нияз Мухаммедом, во времена Алим-хана население Ура-Тюбе достигало 12000 человек,¹²⁴ а к 1866 г. оно уменьшилось более чем на две тысячи. Количество обрабатываемой земли также сокращалось. Одной из причин этого было то, что люди потеряли уверенность в завтрашнем дне; слишком часто плодами их труда пользовались завоеватели или сами правители вилаета. Только после присоединения района к России, местные жители, чувствуя себя гарантированными от дальнейших разорительных войн, возобновил обработку давно покинутых полей.¹²⁵

Кроме того, население эксплуатировалось путем сбора многочисленных налогов и контрибуций для уплаты победителям. Руками народа укреплялись городские стены, строились ирригационные сооружения, возводились всевозможные здания. Например, в 1840 г. Мухаммед Али-хан согнал уратюбинцев на ремонт городских стен.¹²⁶ Рустам-бек за 5—6 лет своего правления таким же способом построил в городе медресе, караван-сарай, баню и салом-хону.

Во время своих походов хан и эмир приводили в Ура-Тюбе сотни своих родственников и приближенных. Их оставляли в городе и крупных кишлаках, назначали на разные доходные должности, отдавали им хорошие поля, сады и виноградники. Все эти люди жили за счет эксплуатации и без того разоренного трудового народа. Например, эмир Хайдар, совершивший в начале своего правления поход на Ура-Тюбе, назначил правителем вилаета вместо убитого им Бекмурад-бека Ирназармангыта и оставил здесь 4000 зажиточных (в источнике—высокопоставленных) бухарцев.¹²⁷ Тысяча из них в 1805—1806 г. была убита захватившим Ура-Тюбе Алим-ханом.¹²⁸

Ко всему этому надо добавить постоянные эпидемические болезни, возникавшие в результате голода и обнищания масс, и ежегодные налеты саранчи, уничтожавшей почти весь урожай. Правящий класс был неспособен вести борьбу против голода и болезней. В то время были также весьма распространены случаи воровства, грабежа, насилия, убийства. Продвижение караванов из одного пункта в другой представляло большой риск. Чтобы обезопасить себя и свой груз торговцы применяли различные меры предосторожности, в частности, для дезориентировки грабителей подковывали лошадей и ослов задом наперед.

Угнетаемый и разоряемый народ пытался бороться и с местными тиранами, и с завоевателями.

Одним из существенных недостатков трудов мусульманских авторов является то, что там не нашла своего отражения классовая борьба, они не дают никаких сведений о народных восстаниях.

Люди, угнанные ханом и эмиром в Коканд и Бухару, не могли мириться со своим рабским положением. Они открыто выражали свое недовольство и часто убегали в родные места. С. Айни рассказывает о следующем случае, происшедшем в Самарканде во время ремонта арки, расположенной на перекрестке Токи чорсу (этим занимались пленники из окрестностей Ура-Тюбе). Эмир Шах Мурад приехал посмотреть, как идет ремонт. К эмиру подошли Мавлави Худой Назар и Ахунд Мулла Курбан, угнанные из кишлака Хавас, и Курбан резким тоном произнес:

وطن به قهر بر آورده بمحصلان غلاظ و سپاهیان شدار، سپاریدی بسیا
ری از اولاد ما از مشقتها در زیر اسپان سپاه هلاک شده عیالان ما
سر اسیمه و حیران بهز ارعقوبت درین ولایت ببلای مسافرت گرت
فتار شدیم فردای قیامت دست ما و دامن تو ای ظالم خود را
بدروغ صوفی و متقی نام نهادی و ما بتقوی و خدا ترسی تو اعتماد
نموده بجایی قرار ننمودیم...

«О, тиран угнетатель, не боящийся бога! В чем была наша вина, что ты гневом и силой пригнал нас с родины и отдал во власть жестоких чиновников и грубых солдат? Много наших детей погибло в муках под (копытами) коней войска. Женщины наши, голые и босые (шли), падая и вставая, имущество наше разграблено рукою жестокости, а сами мы, растерянные и потрясенные, были обречены на тысячу мук, на бедствия, скитания в этой стране. В день страшного суда мы не выпустим твоего подола из своих рук.

О, тиран! Ты лживо назвал себя суфием и благочестивцем, а мы, несчастные, доверившись твоему благочестию и богобоязненности, не обрели покоя».¹²⁹ Дальше Айни пишет, что пришедший в ярость эмир все же побоялся применить какие-либо меры и вернулся во дворец, а пленные посылали ему вдогонку бранные слова. Требовалось огромное мужество, чтобы в то время бросить эмиру в лицо такие слова. Но народ был готов идти на смерть, чтобы освободиться от цепей рабства.

Ура-тюбинцы активно выступали против эмирских и ханских ставленников, которые, чувствуя себя полновластными хозяевами, безжалостно эксплуатировали народ ради собственного обогащения и удовлетворения прихотей своих правителей. Местные жители стояли за наследственного правителя из племени юз, надеясь, что тот сможет защитить их от вражеских набегов. Как могли, боролись с захватчиками и сами горожане. Когда во время правления Мухаммед Рахим-аталыка, сына Худояра в 1818—1819 г. на Ура-Тюбе напал Омар-хан, на защиту города встало все его население, даже женщины.¹³⁰

Народ жестоко страдал от басмачества ставленников хана и эмира. Вот что пишет Мухаммед Якуб о правителе Ура-Тюбе Махмуд-хан Ходже Ахрори, захватившем здесь власть после неудачного похода Алим-хана в Джизак:

فسق و فجور او از حد گذشت بمردم دیار ظلم و تعدی او بی
حد شد بدی او در عالم مشهور گردید.

«Его разврат перешел все границы, его жестокость и насилие по отношению к народу области не имели границ. Его злодейство стало известно в мире».¹³¹

Опасаясь, как бы народное недовольство не перешло в восстание, Омар-хан отправил Махмуд-хана в Коканд, назначив вместо него другого правителя. Такой же тактики придерживался и эмир Насрулла, которому через год после назначения правителем Ура-Тюбе Иса-бека-мангыта пришлось заменить его Иса-додхо-юзом. Об этом случае историк Насруллы пишет: «Иса-додхо-юз был назначен правителем области Ура-Тюбе с правом управлять до границ области Ходжента».¹³² Наконец, вспомним случай, когда Барат-бек вынужден был выполнить требование народа.

Здесь, возможно, сказывалось и влияние русского продвижения в Среднюю Азию (26 августа 1860 г. царские войска взяли Токмак, 4 сентября—Пишпек).

Население Ура-Тюбинского района в 1861 г. отказалось идти против русских, что оказало свое действие на войска Малля-хана, которые тоже отказались от похода против русских. Не случайно автор «Зеркала побед» называет Ура-Тюбе очагом восстаний.¹³³

Избавиться в тех условиях от грабительских войн и произвола часто сменяющихся хакимов ура-тюбинцы могли лишь после установления во всей Средней Азии сильной власти, которая способна была бы покончить с феодальной раздробленностью, а следовательно, и с феодальными войнами. Такая власть была установлена после присоединения Средней Азии к России. И после 1866 г. Ура-Тюбе навсегда перестает играть роль вечного яблока раздора между двумя ханствами.

**Управление Ура-Тюбинского владения
и поземельно-податная система в первой
половине XIX в. и накануне присоединения
вилаета к России**

§ 1. ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Из краткого очерка истории Ура-тюбинского владения, приведенного в первой главе, мы видели, что в течение XIX в. и накануне присоединения вилаета к России, он считался преимущественно Бухарским владением. Поэтому на организацию управления вилаетом существенное влияние оказали бухарские порядки. Мы согласны с мнением профессора А. А. Семенова о том, что «до прихода русских Бухара считалась в Средней Азии наиболее могущественною, богатою и передовою страной; ее государственное устройство и порядки в высокой степени влияли на установление таковых же и в соседних ханствах, отличия были незначительны и несущественны». ¹³⁴ Но некоторое влияние тут оказало и государственное устройство Кокандского ханства.

Во главе Ура-Тюбинского владения стояли правители из узбекского племени юз, которых во всех использованных нами восточных источниках называли арабским термином «хаким» (хаким). Власть хакима была наследственной. Эта наследственность нарушалась только при завоевании вилаета его соседями. Однако в большинстве случаев завоеватели назначали хакимов из того же племени — но, конечно, тех, которые, по мнению завоевателей, могли выражать их интересы. Лица, занимавшие этот пост, были в чинах биев, беков, аталыков, кушбеги и т. п. Ханы или эмиры, под чьей властью находилось Ура-Тюбинское владение, присваивали его правителям разные титулы. Так, эмир Хайдар присвоил Мухаммеду Рахиму, еще до завоевания последним Ура-Тюбе, высокое звание аталыка. В 40-е годы эмир Насрулла, назначив правителем Ура-Тюбе Бердияра-туксабо, присвоил ему чин ишик ого-боши.

Хакимы, назначаемые эмирами и ханами, в делах внутреннего управления пользовались неограниченной властью. Это объясняется тем, что Ура-Тюбе был далек от Коканда и Бухары, а широкие права привлекали хакима на сторону назначившего его сюзерена. В периоды, когда владение было независимым, хаким сам издавал законы, которые его глашатаи оглашали на базарах и улицах города и в кишлаках. Хаким сам устанавливал виды и размеры налогов, сборов и повинностей, назначал и смещал должностных лиц, единолично решал вопросы войны и мира и заключал договоры или соглашения с другими правителями. В отдельных случаях, когда перед решением важных вопросов хаким хотел знать мнение своих подданных, он созывал совет, который пользовался только совещательными правами и не имел постоянного состава. Для участия в нем необходимо было приглашение хакима в каждом отдельном случае. Например, в начале XIX в. хаким Махмуд-хан, намереваясь изменить бухарскую ориентацию на кокандскую, созвал совещание, на которое пригласил видных духовных лиц, военачальников, придворных и влиятельных представителей кишлачной верхушки. Роль совета была незначительна. Так, в приведенном случае, на предложения хакима об изменении ориентации присутствующие смиренно ответили, что они его слуги и какое решение он примет, с тем они будут согласны. ¹³⁵

Хаким имел большой административный аппарат не только в Ура-Тюбе, но и в каждом населенном пункте. В находившиеся под их властью укрепленные пункты хакимы назначали наместников из числа своих родственников или приближенных. В 60-х годах прошлого столетия таким укрепленным пунктом был Заамин. Интересно, что М. С. Бекчурин правителя Заамина именует тоже хакимом. Он пишет: «В этой крепости жил хаким Бикташ бек, сын Габдулгаффара-Бека Ура-тюбинского». ¹³⁶

Заамин имел большое значение для Ура-Тюбе, охраняя город со стороны Бухары. Прежде чем идти на Ура-Тюбе эмирские войска должны были взять Заамин, который тоже не раз переходил от Бухары к Коканду и обратно. Заамин был обнесен крепостной стеной и имел небольшой гарнизон и несколько устарелых орудий. ¹³⁷

После хакима старшим чином, по-видимому, считался ходжа-калон (великий ходжа). Когда вилает находился под властью хана или эмира, лица на эту должность назначались ими. В приказе кокандского хана Мухаммеда Али, обнаруженном нами в Ура-Тюбе и датированном 1248 (1832) годом,

на этот пост назначался ишан Мухаммед Салих Ходжа. В приказе говорится, что эта должность считается высшей и что все должностные лица и придворные от мала до велика должны почитать и уважать это лицо.¹³⁸

Аналогичная должность существовала и в Бухаре. Но там великий ходжа являлся главным над дворцовыми евнухами. На нем лежала обязанность охраны гарема и доставки туда пищи, одежды и т. п.¹³⁹ В Ура-Тюбе же великий ходжа, по-видимому, выполнял обязанности, которые в Бухаре лежали на кушбеги. Об этом может свидетельствовать факт назначения великих ходжей в Ура-Тюбе из числа лиц сейидского происхождения.

Следующим старшим светским чином считался аксакал. Это подтверждается тем, что когда в 1805 г. Алим-хан захватил Ура-Тюбе, то, по словам Муллы Нияз Мухаммеда, он назначил сам не только главного правителя Нек-кадам-инака, но и аксакала (некоего Муллу Рахматуллу).¹⁴⁰ Очевидно, в те времена аксакал был первым министром хакима, как кушбеги у эмира Бухары. Позднее, к середине столетия, число аксакалов увеличивается. Аксакалы появляются в каждом кишлаке и в каждом роде полуоседлых узбеков. В рапорте начальника Ходжентского уезда от 25 сентября 1868 г. указывается «...до русских у них (полуоседлых узбеков.—А. М.) старшины тоже назывались аксакалами».¹⁴¹

Город Ура-Тюбе был разделен на две части — восточную (Ходжа-Фахруддинскую) и западную (Ахунанскую). Каждая часть называлась даха, имела своего аксакала и делилась на гузары (кварталы). Всех гузаров (по Кушакевичу) было 58. На каждый из них (иногда на два) имелся элик-баши (пятидесятник), подчинявшийся аксакалу. В городе должен был быть старший аксакал, которому подчинялись два первых. Но этот порядок не всегда соблюдался. В рапорте управляющего местным населением Ура-Тюбинского района от 6 июня 1867 г. на имя исполняющего обязанности начальника Задарьинского округа говорится: «До взятия Ура-Тюбе (царскими войсками.—А. М.) должности старшего аксакала и сборщика податей совмещались в одном лице, который назывался амином».¹⁴² Аксакалам полагалось наблюдать за порядком и спокойствием в городе; разбирать мелкие дела, споры, просьбы и жалобы; свидетельствовать акты купли—продажи перед казием; следить за чистотой улиц и площадей и за исправностью мостов; отбывать государственные повинности по приказанию хакима, например, доставлять перевозочные средства во время военных действий или подготовки к ним;

вносить единовременные подушные подати; доставлять требуемое от города или кишлака количество лошадей, фуража и продовольствия для войск в военное время и т. п. Аксакалы были политическими представителями города и кишлаков перед правительством.¹⁴³ Городские аксакалы Ура-Тюбе по выполнению некоторых обязанностей имели сходство с городскими арбобами Бухары (в частности, по наблюдению за общественными работами, по сбору налогов).

По сообщению Ю. Южакова, в Ташкенте, Ходженте и Ура-Тюбе существовала должность саркора.¹⁴⁴ После присоединения к России она сохранилась в Зааминском районе, где саркор был и сборщиком хараджа, и выполнял обязанности старшего аксакала.¹⁴⁵ Саркор должен был еще собирать таппальные сборы и ведать делами по земледелию вообще и по ирригации полей в особенности; следить за чистотой и исправностью арыков; разбирать споры, жалобы и тяжбы по хлебопашеству, особенно по водопользованию. Ирригационная система Ура-Тюбинского владения была несложна, поэтому не было особой необходимости в должности арык-аксакала и его обязанности исполняли саркоры. В рапорте начальника Ходжентского уезда от 25 сентября 1868 г. указывается: «...раньше (до присоединения к России.—А. М.) в Ура-Тюбе не было арык-аксакала, о котором население не знает».¹⁴⁶ Саркоры выполняли обязанности великого диван-беги в Бухарском ханстве.

В Ура-Тюбинском владении существовала и должность диван-беги, но интересно, что последний, по словам Ю. Южакова, подчинялся саркорам. «В каждом городке или значительном селении не менее 200 домов, он (саркор.—А. М.) имел своего дуан-беги. При каждом дуан-беги полагался мирза (писарь)».¹⁴⁷ Диван-беги назначался и сменялся саркором. Последних назначал хаким из преданных ему имущих лиц. Саркор имел широкие полномочия, и ему доверялось все богатство вилаята. Еще имелись должности амлякдара и зякетчи. Первый ведал сбором податей с амляков, второй собирал зякет с кочевников-скотоводов и торговых караванов. Оба подчинялись саркору. Как в Бухарском эмирате и вообще в других городах Средней Азии, в Ура-Тюбе существовала духовно-полицейская должность раиса, который обязан был следить за порядком и спокойствием в городе; за точностью мер и весов на базаре; за неуклонным посещением правоверными мечетей в установленные часы молитв и вообще наблюдать за точным и своевременным исполнением всех требований религий. В распоряжении раисов было несколько полицейских слу-

жителей. Южаков пишет: «Раисы не пользовались популярностью в народе, ибо обязанности их с насильем и принуждением в руках не всем особенно нравились».¹⁴⁸

Кроме должности раиса, существовала должность мири асади. Приказом кокандского хана Омара, обнаруженным нами в Ура-Тюбе, на эту должность в вилаете в 1817 г. был назначен Тура-хан-ходжа.¹⁴⁹ Очевидно, это была полудуховная должность, на которую, как и на пост ходжа-и калона, назначались лица из сейидов. Должность мири асади была, по-видимому, равносильна «должности мухтасиба»,¹⁵⁰ сейидов, проживающих внутри города священной Бухары и вне его, на расстоянии до одного фарсанга».¹⁵¹

В Ура-Тюбе имелась еще должность курбаши, аналогичная миршабу в Бухаре: он обязан был наблюдать за тишиной и спокойствием в городе ночью. В его распоряжении находилось несколько человек городской стражи. Ему же подчинялись караулы у городских ворот и на базаре. Курбаши обязан был объезжать город по ночам. Кроме того, курбаши полагалось знать обо всех подозрительных людях: ворах, лицах дурного поведения и т. п. Все они, по выражению Ю. Южакова, положительно состояли на оброке у курбаши.¹⁵² И действительно, вместо того, чтобы наказывать воров, курбаши брал у них взятки и отпускал на свободу (причем, чаще всего взятка представляла собой долю из украденного имущества).

Судебная власть в Ура-Тюбинском владении была такая же, как во всей Средней Азии. Казий как высшее духовное лицо был и судьей, и старшим духовным чином. «Во главе города стоял казы, за ним — саркор, аксакалы, раис и курбаши. Все эти должности не находились почти ни в каком подчинении одна другой; они подчинялись прямо беку».¹⁵³ «В Ташкенте, Ура-Тюбе и Ходженте, кроме всех этих должностей, были еще следующие: кази-калян — старший кази из ходжей, это — высшая должность по общественному управлению».¹⁵⁴

Кази-калян считался верховным судьей, за казием следовал аълам, за ним — муфтии. Последние занимались составлением юридических решений (фетва) для народа. Аълам считался знатоком мусульманского права, т. е. ученым человеком.

У кочевников светские и судебные дела решались биями, через которых хаким и осуществлял свою власть над кочевниками. Каждый род имел своего бия, пост которых был наследственным. В приведенном рапорте начальника Ходжентского уезда от 25 сентября 1868 г. указывается: «Прежде (до царской власти.—А. М.) бий у этих родов (марка, парча-юз.—А. М.) были наследственными».¹⁵⁵ Поэтому бии считали себя

незаменимыми и действовали по своему усмотрению, не соблюдая никаких законов и правил. Так как в их руках находилась и судебная власть, кочевникам некому было жаловаться, кроме хакима. Но тот пребывал далеко и на все действия биев смотрел сквозь пальцы, не интересуясь положением народа. Наследственная власть биев приводила также к тому, что часто эту должность занимали бездарные безграмотные люди, не разбиравшиеся ни в каких законах.

Что касается остальных, более мелких, административных чинов в городе и селениях—арбобов, амлякдаров, кадхудо и прочих, то такие должности замещались не указом эмира или хана, а распоряжением хакима, скорее всего устным (по крайней мере, мы не обнаружили ни одного ярлыка на кого-либо из этих лиц). Несомненно, что на упомянутые должности назначались люди состоятельные, пользовавшиеся доверием правителя.

Об организации и управлении армии ура-тюбинского хакима мы знаем очень немного. Примерное количество войск и артиллерии Ура-Тюбинской крепости во время штурма ее русскими войсками нам известно. Но в данном случае это мало может помочь, так как эти войска и вооружение большей частью принадлежали бухарскому эмиру. Уже было сказано, что в начале XIX в., по сведениям Мирзы-Шемса Бухари, ура-тюбинский хаким «мог выставить от 15 до 16 тысяч конницы из окрестных узбеков».¹⁵⁶ Очевидно, у хакима имелись наемные войска из кочевников, которые были хорошими наездниками (а особой воинской подготовки в те времена не требовалось).

Вооружение войск было такое же, как в бухарских и кокандских войсках. Оно состояло из ружья, пики, сабли, серпа и кистеня. Автор «Зеркала побед» называет в числе драгоценных подарков, преподнесенных Барат-беком Малля хану, сирийские ружья, египетские сабли и иракские пики.¹⁵⁷ На вооружении войск имелись медные пушки, ядра и порох к которым делались в Ура-Тюбе и в селении Чарбаг.¹⁵⁸ Дальность полета артиллерийского ядра, сила и поражаемость были ничтожными. Очевидец штурма крепости Ура-Тюбе царскими войсками писал: «Обессиленные дальним полетом ядра падали на землю, едва оставляя след на сухой почве. В конце их полета скорость была до того мала, что можно было видеть летящие ядра и увернуться от них, в случае если бы ему пришла фантазия лететь прямо на вас».¹⁵⁹

Вообще о вооружении войск Ура-Тюбинской крепости можно судить по следующим словам того же автора: «Все на-

ши неудачи, все наши потери в Средней Азии были не от их слепого огня, не от их артиллерийских орудий, мало кого убивающих, не от сабель и пик сартовских, а от высоких стен и глубоких рвов». ¹⁶⁰

Главкомандующим всеми войсками считался хаким. Помощниками и командующими отдельными отрядами назначались, независимо от их военных способностей, его сыновья и братья. Так, у последнего хакима Ура-Тюбе Абдулгаффарбека частями войск командовали его сыновья Тухтамыш-бек, Акбута-бек и Бекташ-бек. Кроме того, существовала должность накиба. По бухарским правилам он должен был быть «компетентен в устройстве, снаряжении и расположении войска во время похода, передвижения и войны и осведомлен об авангарде и арьергарде, о правом и левом флангах, о центре и о месте засады...» ¹⁶¹

Приказом кокандского хана Мухаммеда Али, обнаруженным нами в Ура-Тюбе, в 1832 г. на должность накиба Ура-Тюбинского вилаета был назначен Тура-хан мираи асад. В приказе говорится, что это — высший чин, и его должны почитать и уважать все прочие должностные лица. В числе последних не упоминаются придворные. Поэтому можно предпологать, что, хотя должность накиба называется в приказе высшей, она стояла ниже должности ходжаи калона, но, очевидно, выше должности мираи асада. Это подтверждается тем, что Тура-хан ранее занимал пост мираи асада, а теперь получил в виде повышения должность накиба. ¹⁶² В приказе не говорится о смещении Тура-хана с поста мираи асада. По-видимому, обе должности могли совмещаться в одном лице (как это было со старшим аксакалом и сборщиком податей).

В составе армии в военное время были постоянные войска, носившие особую форму, и насильно мобилизованные ополченцы. Зиновьев пишет: «Регулярных войск в Ура-Тюбе, кажется, было немного, тысячи три или четыре, и только они имеют особый костюм; иррегулярные же войска ничем не отличаются от мирных жителей, потому что это те же самые жители, которым беки дали в руки оружие и приказали стать солдатами». ¹⁶³ Другой русский исследователь писал о местных войсках: «Главный отряд неприятельских войск составляет обыкновенно из собственно воинов и затем, для увеличения полчищ, из массы согнанных силой людей из ближайшего к месту действия населения, представляющих сбор оборванцев, вооруженных как попало: кто ружьем, кто саблей, кто пикой, а большинство просто батиками» (палками с тяжелым металлическим или деревянным наконечником). ¹⁶⁴

Вышеизложенное свидетельствует о том, что феодально-административная система в Ура-Тюбинском владении не была единой с управленческим аппаратом Бухарского или Кокандского ханства, а имела свои характерные особенности. Они заключались не только в титулах, но и в функциях выполняемой работы. Однако пример в изменении функции аксакала свидетельствует о том, что обязанности того или иного должностного лица не имели твердо установленных границ. Они менялись при каждом правителе и зависели от воли и желания последнего, а также от ловкости, хитрости и занимаемого в тогдашнем высшем обществе положения самого должностного лица. Феодально-административный аппарат владения, в основном, состоял из духовных лиц, потомственных сейидов и других состоятельных людей, которые выражали интересы господствующего узбекского племени юз. Они были далеки от народа, который не верил им и не оказывал никакой поддержки. Эта была одна из главных причин слабости Ура-Тюбинского владения.

§ 2. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ура-Тюбинское владение, как и большинство других территорий Средней Азии, в XIX в. представляло собой аграрный район, где земледелие являлось основным источником существования населения, а феодальная собственность на землю — основой социального строя.

Отсутствие твердого закона о распределении земли и какого-либо учреждения по землеустройству, произвол ханов, эмиров и местных правителей, отсутствие достоверных документов на владение землей и особенно частые военные действия на территории вилаета и переход последнего из одних рук в другие, — все это привело к крайней запутанности сведений о земельных отношениях. ¹⁶⁵ Проблема аграрных отношений в Средней Азии дореволюционного периода, в особенности до присоединения к России, весьма сложна и запутана, на что неоднократно указывалось в советской литературе. До сих пор еще вызывает споры вопрос об основных категориях земли в среднеазиатских ханствах. Советские историки придерживаются различного мнения о тамошних формах землепользования. По мнению профессора А. Семенова, амляковые и хараджные земли — это два разных понятия. ¹⁶⁶ А. К. Мирзоев ставит между ними знак равенства. ¹⁶⁷ Опровергая мнения А. Семенова, В. Бартольда и некоторых других востоковедов, он ссылается на М. Ковалевского и других исследователей.

невостоковедов, а не на первоисточники. Приводя же документы из архива кушбеги, Мирзоев в большинстве случаев не сообщает, к какому времени они относятся, кем выданы и т. п. Так как документы даны не в подлинниках, возникают большие сомнения в точности их перевода. По мнению Мирзоева, богарные земли (лалми) не имели ценности, с чем мы никак не можем согласиться.

На основе имеющихся у нас материалов, в Ура-Тюбинском владении, наряду с другими видами земли, были и амляковые и хараджные земли. Надо думать, что при дальнейшем тщательном изучении соответствующих исторических источников вопрос о формах землевладения в феодальных владениях Средней Азии будет уточнен.

Вопреки шариатской юридической догме о государственной земельной собственности, существовала крупная феодальная земельная собственность. Для особой убедительности такой аргументации мы пытались подвести каждый из видов земли под статистическую базу. Большое влияние в экономическом отношении оказали на Ура-Тюбинское владение порядки, существовавшие в бухарском ханстве. Это влияние сказывалось и в порядке землепользования. «Нормы бухарского землепользования в значительной степени повлияли на установление поземельного устройства в трех коренных областях б. Туркестанского генерал-губернаторства (Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской)».¹⁶⁸

Главными видами землевладения в Ура-Тюбе были следующие: хараджное, амляковое, мельковое и вакуфное.

Амляковых (или государственных) земель (замини амлок) в вилаете в 1868 г. насчитывалось 9 020 танапов.¹⁶⁹ Эти земли, в основном, были орошаемые и располагались преимущественно вокруг города. Предоставлялись они землевладельческому населению на правах потомственного пользования, но размер подати с таких земель был больше, чем размер хараджа, так как налог с амляковых земель включал плату и за воду, и за землю. Амляковые земли были источником для всякого рода земельных пожалований, аренд и прочих временных видов вознаграждения за службу разных лиц со стороны правителя. Кроме полевой земли, государству принадлежало и большое количество садовой. За владельцами амляковых земель сохранялось право постоянного пользования ими (а не право полной собственности; распоряжение амляковыми землями зависело от хакима). Такая земля не могла быть завещана в вакуф, так как этим выражалась

бы передача вакуфу полных прав на землю, которыми сам владелец амляка не обладал, т. е. государство ограничивало право распоряжения землей ее фактическим владельцем. Если амляковая земля в течение трех лет оставалась без обработки, то владелец терял всякие права на нее и должен был возвратить ее в распоряжение казны.¹⁷⁰ Следовательно, амляк—земля государственная, находившаяся в постоянном пользовании обрабатывавшего ее населения, которое платило харадж в размере определенной части дохода (ренты). Право владения амляковыми землями было не исключительным (ибо распоряжение ими зависело от государства) и не вечным, как на мельковые земли (ибо с прекращением обработки земля возвращалась государству).

Следующая категория—мельк. Это были частновладельческие земли крупных феодалов, освобожденные от каких-то ни было налогов в силу особых ханских или эмирских грамот; назывались они мельки хурр или мельки хурри холис. В 1868 г. мельковых земель в вилаете на основе хозяйственно-статистических сведений насчитывалось 4 750 танапов.¹⁷¹ По сообщению Кушакевича, их было 11 053 танапа,¹⁷² а по другим данным, сообщенным тем же автором,— 11 486.¹⁷³

Управляющий населением Ура-Тюбинского вилаета 21 ноября 1867 г. писал военному губернатору Туркестанской области: «Около половины Ура-Тюбинского района находится на праве мельк».¹⁷⁴ Этот расчет был неточным. В рапорте того же управляющего от 29 июня 1868 г. указывалось: «Некоторые земледельцы, надеясь, что с мельков подати не будут взимать, земли льями показали в счет мельков, в результате чего число мельков было увеличено. Но это было раскрыто и действительная площадь мельков оказалась 352½ воды».¹⁷⁵ Возможно, А. Кушакевич в связи с первоначальными данными допустил такую же ошибку, включив в мельковые земли и богарные, вследствие чего получалось, будто их было 11 000 танапов с лишним. Мы считаем более правильной цифру, сообщаемую в архивном материале за 1868 г.,— 4 750 танапов.

Владение землями на правах мелька существовало издавна. По словам местных жителей, «мельки, существующие в Ура-Тюбинском районе, получили свое право за 400 лет назад и с тех пор ни одного мелька не делалось».¹⁷⁶

После смерти мельковладельца право пользования мельковыми землями и водой переходило к его наследникам. Для этого последние представляли правителю документы на пра-

во наследования милька, на основе которых правитель составлял и вручал наследнику новый документ, подтверждающий его мильковые права на землю и воду предков. Если же наследник был из числа сыновей или ближайших родственников почитаемого в то время ишана (а ишаны, как известно, пользовались огромным авторитетом среди всех слоев населения), то правитель составлял документ, основываясь на словах наследника. Иногда и сами правители были мюридами того или иного ишана, о чем свидетельствуют похвальные эпитеты в адрес ишана, встречающиеся почти во всех документах, в которых говорится о правах ишана—мильководельца. Такой порядок наследования подтверждается рядом документов, приобретенных нами в Ура-Тюбе и датированных XVIII—XIX вв.

Право пользования мильками должно было также подтверждаться каждым новым правителем. Так, вышеупомянутый Мухаммед Салих-ходжа в конце XVIII столетия получил от правителя Ура-Тюбе Худояра-диван-беги документ, подтверждающий его право продолжать владеть имеющимися у него мильковыми землями. После смерти Худояра, когда Ура-Тюбе попадает во власть Бухары, этот же ходжа получает у эмира Хайдара аналогичный документ, датированный 1804 г. По документам, найденным в Ура-Тюбе, видно, что такой порядок существовал и в XVIII в. и позднее—в середине XIX в. Подтверждением этого может служить то обстоятельство, что документы на право владения мильковыми землями и водой выдавали почти все правители Ура-Тюбе прошлого столетия. Это и понятно. Каждый новый правитель мог гарантировать свое правление, только заручась поддержкой ишан-феодалов—основных владельцев милькового имущества. В противном случае, он чувствовал бы себя неуверенно и легко мог потерять свою власть.

Одним из крупнейших ишанов-феодалов первой половины XIX в. был Турахан-ходжа. 9 документов, выданных в разное время различными правителями Ура-Тюбе, касаются многих сторон хозяйственной и политической деятельности этого ишана и рисуют нам его богатство, его место в системе феодального государства Средней Азии. Согласно указу Мухаммеда Али-хана кокандского, в 1830 г. Турахан получил право сбора хараджа в кишлаке Кизил Пилот Исфаринского района.¹⁷⁷ Указом того же хана в 1253 (1837—1838) г. был освобожден 21 чорьяккор из работавших у Турахана. Причина этого не выяснена. Возможно, пойти на такой шаг феодала

заставило крестьянское восстание. Или же эти дехкане составились и уже не могли работать в полную силу. Независимо от этого, заслуживают внимания существующие порядки освобождения чорьяккоров, когда недостаточно было обоюдного согласия сторон, а требовался специальный указ хана. Такой порядок свидетельствует о том, что чорьяккоры на мильковых землях Ура-Тюбинского вилаета как бы находились на положении крепостных. Освобождение такого большого количества рабочей силы не могло не оказать существенного влияния на хозяйство ишан-феодала. И через два года Мухаммед Али-хан пожаловал ему 11 киргизских семейств. Об этом хан известил Гадай-бая-первоначи, с тем чтобы тот не взимал налогов с этих семей: теперь такое право перешло к Турахану.¹⁷⁸

Последний обладал большими земельными массивами, был одной из самых богатых и влиятельных особ владения. Каждый новый правитель должен был считаться с этим и, как говорится, делать соответствующие практические выводы. Так, назначенный эмиром Насруллой Бердияр ишик-ого-боши в 1842 г. пожаловал Турахану родник Йили со всеми орошаемыми его водой землями.¹⁷⁹ Затем был составлен список принадлежащих ишану долей воды по кишлакам, чтобы сборщики податей не взимали с них налога.¹⁸⁰ Из списка мы узнаем, что Турахан владел в кишлаках Паши, Туда, Шурак, Джавкандак, Дех-Манора, Холдор-Кипчак, Аргу, Номингон и Газантарак 11¼ мерами воды, из которых около 0,75 были вакуфными. Кроме того, в кишлаке Паркат он владел богарными землями. О наличии земельной собственности Турахана на территории перечисленных кишлаков в документе не говорится. Однако можно предполагать, что владелец соответствующей меры воды на территории десятка кишлаков получал доходы с орошаемых этими водами земель или же был их собственником. Турахан-ходжа всеми способами увеличивал свои земельные владения. В 1240 (1824—1825) г. он купил за 21 тилло орошаемый участок земли в восемь манов.¹⁸¹ Ясно, что он был крупным феодалом, владевшим огромными земельными участками и водой на территории многих кишлаков не только в Ура-Тюбинском владении, но и за его пределами. Все это входило в категорию мильки хурр и освобождалось от государственных налогов в пользу самого ишана. Были у него также вакуфные и хараджные земли—орошаемые и богарные. Их обрабатывали чорьяккоры.

Турахану было безразлично, под чьей властью находится вилает: и эмир, и хан относились к нему одинаково благо-склонно. А феодальные войны только помогали ему обогащаться. Он и сам был не прочь захватить власть в Ура-Тюбе или поддерживать в этом кого-либо из своих родственников. Один из правителей Махмудхан-ходжа был его братом.¹⁸² Вообще, судя по всему, без предварительной «консультации» с этим ишаном хакима в Ура-Тюбе в ту пору не назначали.

Так как мельниковые земли были освобождены от податей, то охотников до них находилось много. Если мельк приобретался путем покупки, то все права прежнего владельца переходили к новому. Акт покупки и права последнего должны были, по-видимому, подтверждаться государем.

Мельниковые земли имелись на территории 78 кишлаков вилаета. «Эти земли были окуплены от взноса хераджа и танапного сбора тем, что когда-то за них была сделана владельцу Ура-Тюбинскому плата такой суммы, которая равняется капитализированным сборам, следующим с этих земель».¹⁸³

В декабре 1867 г. 36 ура-тюбинских мельковладельцев подали военному губернатору Сыр-Дарьинской области генералу Головачеву прошение об освобождении их от уплаты налогов.¹⁸⁴ Все ли мельковладельцы входили в это число, нам неизвестно. Но на основании того, что в прошении, поданном от имени «духовных, должностных лиц и некоторых жителей», речь шла об освобождении мельков от податей, можно предполагать, что его подписали все. Если это так, то, разделив количество мельковых земель (4750 танапов) на 36 владельцев, можно узнать, что на каждого приходилось в среднем около 132 танапов. Все мельковые земли сдавались в аренду жителям ближайших кишлаков, обрабатывавшим их на правах чорьяккоров с условием уплаты четверти урожая (т. е. рента, которая должна была поступить в пользу государства, была предоставлена в частное пользование).

Вакуфных земель, принадлежавших медресе, мечетям, мазарам и т. п., по сведениям 1868 г., было 1420 танапов.¹⁸⁵ В отчете начальника Ходжентского уезда за 1871 г. значится 10 000.¹⁸⁶ В отчетах за 1876 и 1881 г. размер вакуфной земли без города Ура-Тюбе определен в 7 918 танапов, или 1319 десятин 1600 квадратных сажен. Кроме того, вакуфными были 142,5 меры воды, 4 сада и 4 ключа.¹⁸⁷

За время до 1889 г. подробных статистических данных по вакуфным землям и имуществам, принадлежавшим религиоз-

ным учреждениям города, у нас нет. По данным 1889 г., в распоряжении 32 таких учреждений Ура-Тюбе находилось 2748 танапов земли, 5 садов (площадью от $\frac{1}{4}$ до $\frac{4}{5}$ танапа) и 24 меры воды. Кроме того, был еще семейный вакуф (вакфи авлод) на имя Бури-бибиш (для ее родственников), состоявший из сада в 2,5 танапа и $\frac{1}{4}$ меры воды в махалле Каволя, $\frac{1}{2}$ меры воды и 160 танапов земли около Ходжа-кишлака.¹⁸⁸

По данным 80-х годов, общее количество вакуфных земель в районе равнялось 10 826 танапам. Это подтверждают (с незначительным расхождением) данные, сообщаемые в отчете начальника Ходжентского уезда за 1871 г. (10 000 танапов).

Отдельные медресе или мечети владели огромным количеством земли и разного другого имущества. Например, медресе Худояра-валлами (в квартале Намазга) имело пять лавок в квартале Ак-мечеть, полторы меры воды в Ходжа-кишлаке и 2400 танапов земли. Мазар под тем же названием и в том же квартале Намазга имел караван-сарай с 14 комнатами, пять лавок на городском базаре и мельницу в квартале Чугдак. Мечеть и еще один мазар в квартале Намазга в общей сложности имели 4 лавки, 2 сада, 73 танапа земли и 1,5 меры воды. Мечеть и мазар в местности Сари-Мазар владели $117\frac{1}{2}$ танапами земли и 4 мерами воды. Вакуфное имущество имелось в 70 кишлаках. В небольшом кишлаке Итарчи, состоявшем из 64 домов, было 2280 танапов вакуфной земли.¹⁸⁹

Вакуфные и мельниковые земли располагались в лучших местах—самых плодородных и орошаемых. Почти вся вода принадлежала их владельцам. По словам старожилов, вся земля в кишлаках Вогат, Кур-кишлак и Бараз, орошаемая водой из ключей мазара Намазга, считалась вакуфом этого мазара.

При учреждении вакуфа в документе, кроме печати казиза, составившего и скрепившего вакуф-намэ и печатей других казиев, муфтиев, аълама и имен свидетелей, иногда ставилась и печать правителя. Последнее означало, что правитель отказался от подати, следуемой с имущества, обращенного в вакуф. При этом, так же как и в отношении мельковых земель, освобождение вакфа от подати подтверждалось при каждом новом правителе. В. П. Наливкин, разбиравший вопрос о среднеазиатских вакуфах, писал: «С воцарением нового хана, обеление вакуфа, т. е. освобождение его от уплаты подати, по силе раньше данной иная-намы, прекращалось и фактически и юридически, а для продолжения этого обеле-

ния требовалось получение новой иная-намы от вновь воцарившегося правителя».¹⁹⁰

По шариату, при пожертвовании семейных вакуфов его владельцы имеют право на известную долю дохода с вакуфного имущества или на управление им. Такая форма пожертвования сделалась ширмой для спекулятивных сделок землевладельцев с вакуфными учреждениями. Под видом семейных вакуфов крупные землевладельцы сохраняли за собой и за своим потомством фактическое пользование земель, причем избавленное и от частных обязательств, и от повинностей, налагаемых правительством. Такое почти фиктивное, перенесение прав владения на вакуфное учреждение, с сохранением, однако, прав пользования, гарантировало имущество от залога или продажи за долги. Поэтому подобных род вакуфов преобладал во всех ханствах Средней Азии.

За сохранность вакуфного имущества и за правильность употребления доходов с него должны были следить правители соответствующей области. Но поскольку этот доход непосредственно в их казну не поступал, фактически никакого надзора не было. А блюстители шариата казии, вместо контроля за вакуфами, сами участвовали в растратах вакуфного имущества и доходов, составляя незаконные документы и продавая это имущество. Казии, чтобы как-то оправдать это, часто причисляли себя к мударрисам и мутавалли медресе, и получали доходы «на законном основании». «Вакуфы при ханском правительстве были овцами без пастыря, что непрерывно приходили те или другие волки и расхищали этих овец, до которых мусульманскому правительству... никакого дела не было... мутаваллии, мударрисы, муллы и имамы, как лица, лишь временно связанные с интересами учреждения, отнюдь не заинтересованы будущим этого учреждения и принадлежащих ему имуществ, они заботятся лишь о том, как бы побольше получить из вакуфного дохода».¹⁹¹

По закону мутавалли должны были расходовать поступавшие средства в соответствии с завещанием жертвователя. Например, доходы медресе Рустам-бека по такому завещанию распределялись между мударрисом, учениками, имамом, служившим в мечетях при медресе, муэдзином, чтецом корана, прислужником при мечети и мутавалли. Особые части отделялись на ремонт и освещение медресе и мечети и на угощение народа.¹⁹² На самом деле доходы получали лишь мутавалли, мударрис, имам и им подобные. Ученикам не доста-

валось ничего. Ремонт медресе производился даром руками верующих; угощение для народа вообще не устраивалось.

Земель частновладельческих, хараджных земель (мильки хараджи), т. е. принадлежавших землевладельцам-собственникам и не пользовавшимся никакими льготами, по данным одной из работ А. Кушакевича, было 31 872 танапа,¹⁹³ из них 1907 — под садами и виноградниками. В другой своей работе тот же автор пишет: «Всего вообще под пашнями состоит в Ходжентском уезде около 100 892 танапов. Из этого числа 82 804 тан. засеивается под частную собственность, не пользующуюся никакими льготами. С них постоянно взималось и в настоящее время (после присоединения к России.—А. М.) хараджи и отчасти танапный сбор (с этих земель собрано за 1868 г. 27748 р. 70 к. хараджа; с Ходжентского и Науского районов 19672 р. 56 к., а с Ура-Тюбинского района 8076 р. 14 к.).»¹⁹⁴

Сумма хараджа, собираемого с каждого танапа, в Ходжентском и Ура-Тюбинском районах была одинакова. Следовательно, из общего количества частновладельческой земли по Ходжентскому уезду (82804) на долю Ура-Тюбе приходилось 29—30%, или около 25 000 танапов. Владельцы таких земель платили основную часть податей и давали казне хакима наибольший доход. Вообще в Ура-Тюбинском владении хараджных земель было больше всего.

Если учесть, что налог взимался и с хараджных, и с амляковых земель, то оба вида землепользования в данном случае были на разных правах. Разница состояла лишь в том, что хозяевами вторых были крупные землевладельцы, ибо, как сказано выше, эти земли жаловались правителем за услуги; а хараджные земли были и у крупных землевладельцев и у мелких собственников-крестьян. Большинство таких земель не орошалось, и урожай зависел от количества атмосферных осадков. Начальник Ходжентского уезда в одном из своих отчетов писал, что участки, принадлежащие населению, «состоят исключительно в богарных землях».¹⁹⁵

Многие дехкане вообще не имели своих земель. В работе Кушакевича «О количестве обработанных земель Ходжентского уезда» в графе «Количество земель, с которых взимается поземельная подать» (т. е. хараджных), по 26 кишлакам вилаета обработанных земель не значится, а числятся земли, «с которых не взималось поземельных податей до 1869 г... (мильковые земли)».¹⁹⁶ Четыре с лишним тысячи крестьян этих 26 кишлаков работали на мельковых землях у

крупных феодалов. В кишлаке Тарнау из 250 танапов засеянных земель 247 принадлежало мельковладельцам и только три (засеянных клевером) — дехканам. А их было 35 семей, состоявших без малого из 175 человек! В кишлаке Тукбай с населением около двухсот человек, числилось всего шесть танапов земли, засеянной тем же клевером. Безземельные крестьяне вынуждены были на любых условиях арендовать землю у феодала, который являлся не только распорядителем всей земли — полновластным хозяином дехканина.

Таким образом, дехканин находился если не юридически, то фактически — на положении крепостного. Согласно сведениям 1872 г., из общего числа 3635 землевладельцев вилайета безземельными числилось 1048 человек — около трети сельского населения.¹⁹⁷

Садоводство, огородничество и особенно виноградарство было второй основной отраслью сельского хозяйства Ура-Тюбинского владения. По сведениям А. Кушакевича, в Ходжентском уезде под садами и виноградниками находилось 8044 танапа, под овощами — 1456. Из них мельковых было 1053, вакуфных — 832, хараджных (по Кушакевичу — частнособственнических) 6519 танапов.¹⁹⁸

Из 17 261 р. 45 к. танаповой подати, собранной в 1868 г., на долю Ура-Тюбе приходилось 7245 р. 36 к. Остальная сумма была собрана на территории Ходжентского и Науского районов; т. е. на Ура-Тюбинский район падало почти 42% танапного сбора, что свидетельствует о значительном количестве земли под огородами, садами и виноградниками на этой территории.

По сведениям 1871 г., сады и огороды в вилайете занимали 2500 танапов.¹⁹⁹ Все сады, огороды и виноградники были расположены на поливных землях. Следовательно, они принадлежали преимущественно религиозным учреждениям, мельковладельцам и государству. Часто крестьянин, владевший даже маленьким виноградником, не в силах был обработать его: в этих климатических условиях виноградники требовали тщательного ухода и большой затраты рабочей силы. Осенью надо было закопать в землю все кусты, чтобы уберечь лозу от холодов, весной опять выкопать, потом обрезать, сделать окучивание, очистить арыки и т. д. Кроме того, и зимой и весной требовалось по нескольку раз полить виноградник. Все это было не под силу бедняку.

Не считая обычных, так сказать, текущих нужд, не говоря о налогах, у дехканина были и другие расходы. Деньги

требовались и на похороны, и на обрезание, и на свадьбу. Так что крестьянину сплошь и рядом приходилось идти к богачу-ростовщику, чтобы под залог поля, сада или виноградника получить необходимую сумму (не превышающую стоимости, залога). Вместо процентов ростовщик получал годичный урожай. Это называлось «хосилгарав» (залог с урожая) и оформлялось соответствующим юридическим документом через казия. Если спустя год или два должник не мог рассчитаться, а кредитор требовал немедленной уплаты, должник был вынужден продать свою землю. При этом, если продажная цена не превышала суммы долга, ростовщик мог вместо денег присвоить себе заложенное имущество. Если же цена участка была больше, кредитор оплачивал разницу. А если он не хотел этого сделать, то заложенную землю получало другое лицо. Но обычно никогда цена заложенного имущества не превышала стоимости долга, поскольку так называемая оценочная комиссия состояла из представителей местной власти, защищавшей интересы имущего класса.

Нуждаясь в деньгах в подобных обстоятельствах, дехканин продавал годовой урожай всего или части (половины, четверти) виноградника или сада. Этот вид землепользования назывался «бари бог» (урожай сада). Хозяин назывался «бари богфуруш» (продающий урожай сада), а покупатель — «бари богчир» (купивший урожай сада).²⁰⁰ Деньги при этом хозяину платили сразу. Цена определялась по количеству сусшеного винограда, получаемого с данного участка за год. Договор заключался не на суде, а устно просто при свидетелях. После сбора урожая он терял силу и сад или виноградник по-прежнему оставался собственностью хозяина. Все расходы за год по содержанию такого хозяйства возлагались на владельца. Причем он обрабатывал виноградник сам, опасаясь, что чужой человек сделает это хуже, и урожай на следующий год будет маленький. Покупателями такого урожая большей частью были богачи. Продавцами «бари бог» тоже могли быть богатые люди, совершавшие этот акт, разумеется, не из нужды, а ради наживы. И цены они назначали более высокие, чем разорявшиеся бедняки. Покупателями в таких случаях были богатые горожане и духовенство, не имевшие собственных виноградников (или имевшие их в недостаточном количестве), а также приезжающие из других районов. Порой такие покупки делались, чтобы выручить барыш от продажи фруктов. Мягкий летний климат и сочный виноград Ура-Тюбинского вилайета привлекали к себе своего рода дачников из

близлежащих областей. Богачи из соседних районов приезжали сюда на лето с семьями и покупали «бари бог».

В своих виноградниках и садах богатеи использовали наемную рабочую силу—мардикоров. Оплата их труда зависела от того, в каком состоянии находился вилает. В голодные годы рабочие руки стоили дешево. Цена их зависела еще от того, кормил ли хозяин рабочих. Если кормил, то мардикоры получали половину установленной платы. Накануне присоединения Средней Азии к России, годовой и поденный заработок этих людей был очень низок: 5—10 копеек в день и 10—20 рублей в год.²⁰¹

Следующий вид землевладения—общественный существовал у кочевников. Эти земли были расположены в степных районах (вблизи зимовки) и в горах. Хотя луга и пастбища считались общинными, ими пользовались преимущественно крупные скотоводы. Количество общинных земель нам не удалось установить. По единственному имеющимся сведениям 1887 г., их было 1162 десятины.²⁰²

В Матче и Фальгаре выгоны являлись общинным владением и с давних времен были поделены между жителями каждого кишлака или группы кишлаков. Однако, точных границ не было, и по этому поводу ежегодно возникали споры между кишлаками и даже целыми районами.²⁰³

В равнинных районах общественными считались богарные земли, входившие в категорию «мертвых земель» («замини мавот»). Никто их не занимал и не возделывал, и правитель мог предоставить их «оживителю». Землями «мавот» признавали не только такие, которые были мертвыми по своей природе или вовсе необработанные, но и покинутые неизвестными хозяевами и вообще свободные. Земли на возвышенности Кухак (к юго-западу от Ура-Тюбе) как богарные считались общественными, и на них никаких прав собственности не было. Из-за их малоплодородия они почти не обрабатывались, но иногда брались под пашню теми жителями города и окрестных кишлаков, которые имели рабочий скот и сельскохозяйственные орудия. В таких случаях с крестьян, возделывающих эти земли, брали налог как за хараджные земли.²⁰⁴

Общественными были и леса в горах Туркестанского хребта. В вилаете имелось 7500 танапов арчового леса. Пользовались им и богатые горожане-землевладельцы, и бедняки, (в том числе киргизы-кочевники), которым он служил добавочным средством к существованию. Лес привозили на дрова

и выжигали уголь для продажи в городе, за что платили определенный налог государству.

Купля и продажа земли юридически оформлялась через казиев. Цена зависела от плодородия и орошаемости земли и расстояния от кишлака или города, а также от того, насколько хозяин нуждался в этой продаже. В Бухаре в первой четверти XIX в. стоимость земли колебалась от 200 до 2000 рублей за танап.²⁰⁵ Накануне присоединения Средней Азии к России Ура-Тюбинский хаким продал приблизительно 16 танапов земли за 100 тиллей.²⁰⁶ Иногда феодал покупал такие земли из выгоды, продавая ее обычно по частям. Это была чисто ростовщическая операция. Цены на земли, занятые под садами и виноградниками, были очень высокие (особенно после того, как увеличился объем торговли с Россией и повысились цены на сушеные фрукты).

Техника земледелия была самая отсталая. Очистка ирригационной системы, поднятие паров и т. п.—все осуществлялось кетменем. Кто имел рабочий скот, тот применял омач. Для садоводов и виноградарей единственным орудием труда служил кетмень. Рабочего скота у крестьян было мало. Дехкане не могли применять на поливных землях севооборот; из-за малого объема участков приходилось эксплуатировать землю беспрерывно и без правильного чередования культур. Недостаток этот крестьяне стремились восполнить обильным удобрением, что, однако, не всегда было возможно из-за недостатка навоза. И дехкане вынуждены были покупать его в городах.²⁰⁷ В Ура-Тюбе горожане взамен навоза брали осенью у крестьян тыкву, перец и другие овощи и фрукты.

Нехватка и примитивность орудий труда, незначительное количество рабочего скота способствовали возникновению с давних времен взаимопомощи, которая называлась «хашар». Крестьяне (чаще всего во время уборки урожая) приходили на помощь один другому со своими серпами. Иногда они брали с собой еду на день, иногда питались за счет того, кому помогали. Труд этот не оплачивался. По большей части на помощь приходили родственники или соседи. Такой «коллектив» не превышал двух-трех человек. Таким же путем использовался рабочий скот во время посева и обмолота урожая. Практиковался хашар и на обработке виноградников.

Светские и духовные феодалы превратили эту общественную взаимопомощь в своеобразную форму отработочной ренты. Широко используя труд крестьянина, феодал не оплачивал его. Дехкане поневоле обязаны были обслуживать фео-

далов, иначе те притесняли их, отказывались дать денег в долг или, дав их, взимали слишком большие проценты и т. п. Кроме сельскохозяйственных работ феодалы под видом хашара использовали труд крестьян на работах по строительству караван-сараев, мостов, мечетей, медресе, городских стен. Причем ишан даже не кормил строителей; он, по словам В. Наливкина, «превращал эти деяния в довольно выгодную покупку саваба с одной стороны и условной популярности с другой».²⁰⁸ О способе использования феодалом труда своих подданных тот же автор пишет: «Преступая, например, к устройству моста, ишан оповещал об этом по возможности всех своих мюридов и приглашал их принять посильное участие в предпринимаемом им богоугодном деле. Один из мюридов доставлял лес, другой жертвовал некоторую сумму денег, третий предлагал свой личный труд и т. д. В конце концов участие ишана в постройке моста (или чего-либо подобного), выражалось лишь в пребывании его на месте работ, для вящего воодушевления фактических подвижников и в доставлении им, в продолжении работ, питания в виде чая, хлеба, мяса, риса и пр., причем в большинстве случаев даже и эти продукты, будучи в данное время достоянием ишана, раньше были получены им в дар опять-таки от его же мюридов».²⁰⁹

Ишан-феодал часто затевал общественные работы для собственного обогащения, ибо в таких случаях оповещенные заранее мюриды приносили ему разного рода подарки, из которых лишь ничтожная часть расходовалась на людей, занятых на работах. Таких ишанов в Ходжентском, Ура-Тюбинском и других районах было много, и они имели своих мюридов во всех кишлаках не только в своих районах, но и в Джизакском и даже в Зеравшанской и Гисарской долинах. Ишаны были основными владельцами мельковых земель.

Итак, в ханствах Средней Азии в первой половине XIX в. существовали следующие виды землевладения.

Государственные амляковые земли, находившиеся в постоянном пользовании обрабатывавших их дехкан, которые платили харадж в размере определенной части дохода.

Земли мельки хурр — обеленные, с которых государство, кроме платы за воду (мелькона) никаких других податей не взимало.

Вакуфные земли — из государственных или из частного владения, отданные их хозяевами или самими правителями в пользу духовных учреждений — мечетей, медресе, мазаров. Обладатели вакуфа пользовались сборами с этих земель пол-

ностью или частично; причем за жертвователями и даже их потомством часто сохранялись некоторые права на его имущество.

Хараджные земли — частновладельческие, с относительно полным правом хозяев свободно распоряжаться всеми формами отчуждения и даже обращать землю в вакуф, платить по законам шариата ушр (десятину) или ренту (харадж).

Общинные выгоны, распределенные между сельскими обществами. Общественные богарные земли, леса и выгоны, которыми относительно свободно пользовались кочевники, скотоводы, безземельные или малоземельные крестьяне, владевшие рабочим скотом или сельскохозяйственными орудиями.

В Ходжентском уезде накануне и в первые годы после присоединения к России, согласно данным А. Кушакевича,²¹⁰ можно было наблюдать следующую картину.

Под пашнями занято 100 892 танапов, 82 804 из которых были хараджными. Остальные 18 088 (18% с лишним) относились к категории амляковых, мельковых и вакуфных земель. Общее количество жителей уезда определялось примерно в 74 900 человек. 600 из них были лицами духовного звания (включая ишанов, — основных мельковладельцев), 2636 торговцами и ремесленниками. Это составляло соответственно 0,8 и приблизительно 3,5% населения. Землевладельцев было 71 664 человека, или 95,7%. Из них несколько сот следует отнести к числу должностных лиц и крупных феодалов. Кроме того, многие торговцы и ремесленники имели свои земли и одновременно с основной деятельностью занимались сельским хозяйством. Даже такая несколько грубая статистика показывает, что ничтожное меньшинство владело чуть ли не пятой частью земли, эксплуатируя абсолютное большинство. Если из последнего исключить кочевников (9,2%), учитывая, что они сельским хозяйством почти не занимались, и то приведенные выше цифры подтверждают, что в северных районах современного Таджикистана накануне присоединения к России, как и в других феодальных владениях, основой социального порядка была собственность на землю духовных и светских феодалов.

Крестьяне обрабатывали все виды земли и выплачивали соответственно ренту владельцам мельковых, вакуфных, амляковых и хараджных земель. С хараджных, а также с амляковых земель, когда владельцами последних были сами правители, дехкане платили ренту — налог государству. Мало-земельные и безземельные арендовали землю, получая $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$

или $\frac{1}{6}$ часть урожая. Из их среды выходили ятимы-батраки, работавшие в хозяйстве и по дому у баев и других феодалов (обычно за пропитание и одежду). В этих хозяйствах применялся также труд рабов.²¹¹

§ 3. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

Территория Средней Азии очень богата различными полезными ископаемыми. Однако господство феодальных производственных отношений, отсутствие специалистов и какой бы то ни было техники, полное незнание качества, назначения и способов обработки большинства металлов не могли способствовать разработке полезных ископаемых. Даже их месторождения были малоизвестны. В небольших размерах добывали золото, свинец, серебро, медь, селитру. Ханы обращали особое внимание только на добычу свинца и селитры, которые были нужны для приготовления пуль и пороха. На территории Ура-Тюбинского владения добывали гипс, свинец и серебро.²¹² Ремесленники работали как на сырье, добываемом на месте, так и на привозном.

Ура-Тюбе (город) был центром ремесла и торговли. По сведениям, сообщаемым А. Кушакевичем, из 1041 лавки, промышленных и ремесленных заведений 187 было расположено в крупных кишлаках, остальные — в городе.²¹³ Большинство лавок и дуканов (ремесленных заведений) города находилось на базарной площади и в караван-сараях.

До присоединения к России фабрично-заводской и мануфактурной промышленности в ханствах Средней Азии, естественно, не было. Существовали только ремесленные мастерские. К середине XIX в. в городе Ура-Тюбе имелись следующие виды ремесла: гончарное, чугунно-литейное, кузнечное, столярное, седельное, ткацкое, скорняжное, кожевенно-обувное, ювелирное, свечное, мыловаренное.

Гончарное производство было представлено десятком хумданов — печей для обжига. Кустари делали глазированные и неглазированные чашки, пиалы, кувшины, корчаги, тандуры (печи для лепешек) и другие необходимые в хозяйстве вещи, а также детские игрушки. Орудием труда служил примитивный ножной гончарный круг.²¹⁴ Ура-Тюбинское владение издавна славилось прекрасными гончарными изделиями, которые сбывались не только на территории вилаета, но и за его пределами.

Ю. Южаков пишет: «Глиняная посуда из простой глины делается преимущественно в городе; довольно крепкие и красивые блюда, тарелки, чашки, кувшины расходятся по окрестностям, и даже в Ходжент и Джизак.²¹⁵ Ура-Тюбинские гончары работали по украшению дворцов кокандского хана и бухарского эмира. В статье об этнографическо-филологической экспедиции в Ура-Тюбинский район под руководством профессора М. С. Андреева в 1925 г. газета «Правда Востока» писала: «Случай помог натолкнуться на одного из последних могикан — старика-гончара, работавшего... на кокандский дворец Худояр-хана (1845—1858 гг.), прекрасно знающего старое керамическое производство и безошибочно определявшего принадлежность сосуда тому или другому давно умершему старому мастеру».²¹⁶

Свои товары кустари продавали в мастерской или на базаре, а некоторые развозили их по кишлакам для продажи или для обмена на продукты. Иногда (особенно летом) гончар развешивал производство непосредственно в крупных кишлаках, что сокращало ему расходы на перевозку и избавляло от посредничества скупщика, бравшего за это у мастера почти половину его заработка. Но избежать посредничества было трудно: часто кустарю приходилось занимать у скупщика деньги в счет будущей продукции. В этом случае скупщик заранее определял цену на изделия. Кроме того, если мастер пытался сам продавать свои изделия, то скупщик-торговец временно снижал цену на свои товары, продаваемые рядом, что могло попросту разорить ремесленника.

Основной статьей дохода кустаря являлась плата за его продукцию. Дополнительным источником дохода служило предоставление посуды напрокат: во время свадьбы, обрезания и т. п. у гончара брали на два-три дня чашки, пиалы, тарелки. Надо сказать, что то же самое делали и скупщики, конкурируя с кустарями. И у тех, и у других хранился определенный комплект посуды для таких целей.

В гончарных мастерских (как и в подавляющем большинстве всех прочих) из-за скудности дохода хозяина обычно не применялась наемная рабочая сила. Работали отец с сыновьями или несколько братьев. Иногда брали малолетних учеников из чужих семей, платя им за работу лишь едой. Ученикам, достигшим совершеннолетия и получившим известные познания, хозяин назначал жалованье или выдавал небольшое пособие на открытие собственной мастерской. В свою очередь, родители ученика должны были вознаградить мастера

за то, что тот обучил их сына. В рапорте начальника Ходжентского уезда от 23 декабря 1870 г. на имя Военного губернатора Сыр-Дарьинской области указывается, что в минувшем году в Ура-Тюбинском вилаете было 10 гончарных мастеров, которые имели 14 учеников.²¹⁷ Гончары начинали работу с 6 часов утра и заканчивали ее в 6 часов вечера, а летом даже в 8—9 часов.

Чугунолитейных мастеровских, по данным А. Кушакевича, насчитывалось четыре. А в упомянутом выше рапорте указывалось, что мастеров чугуноплавильщиков было пять с семьей учениками. В этих мастерских отливали лемеха, казаны, жаровни для обогрева жилых помещений, ступки, втулки для арбанных колес, башмаки для пестов крупорушек, чайники. Сырьем служили чугунные изделия, получаемые из России в виде посуды, лома, полос и листов.²¹⁸

Некоторые литейщики, кузнецы и другие мастера работали непосредственно для ура-тюбинского хакима. О них и о качестве их работы М. Бекчурин пишет: «Около цитадели (в Ура-Тюбе.—А. М.) устроены были: 1) литейный завод, где отливались орудия и ядра; 2) мастерские, в которых приготавливались ружья и всякого рода холодное оружие, как то: пики, сабли, серпы и кистени, и 3) пороховой завод. Кроме последнего, порох приготавливался еще в селении Чар-Бак, в нескольких верстах от Ура-Тюбе.

Устройство всех этих заводов весьма просто и, можно сказать, плохо, но за всем тем медные пушки настолько хороши, что отделкою своею изумляют каждого европейца, что-нибудь понимавшего в артиллерийском деле».²¹⁹

Примерно то же говорит и А. Кушакевич, отмечая, что в Ходженте и Ура-Тюбе есть «несколько печей, где производится переплавка старого чугуна и отливка котлов, ночников с одним, двумя, тремя и более светцами, чугунных насошников (охан), втулок для арб, ступок (огурча) и некоторых других мелких изделий. В прежнее время литейщики (дигриз) отливали пушки из чугуна и меди».²²⁰

Чугунолитейные мастерские были расположены на базаре или около него рядом с домом мастера, который обычно продавал свои изделия сам, без посредничества скупщиков. Продукция литейщиков удовлетворяла только потребности вилаета и не служила предметом вывоза.

Кузнечный промысел по роду вырабатываемых изделий разделялся на несколько групп. В том же рапорте уездного начальника указывается, что в 1869 г. в Ура-Тюбинском райо-

не «кузнецов лошадиных подков было 6 мастеров, кузнецов кетменей—10 мастеров и 20 учеников, кузнецов сапожных подков—10 мастеров, кузнецов гвоздей—6 мастеров и 6 учеников и ножевщиков-слесарей—15 мастеров и 15 учеников».²²¹ Кушакевич сообщает, что в Ура-Тюбе, «дюканов железных и скобочных было 14, дюканов для изделия ножей—7 и кузнецов 7». Кроме того, имелось десять лавок, где продавались ножи.²²² Приведенные данные свидетельствуют, что в вилаете было довольно хорошо развито кузнечное ремесло.

Н. А. Кирпичникова разделяет кузнецов на три самостоятельные группы: 1) по выработке мелких изделий (дверных цепей, подков, удила, гвоздей, скребков, колец для арбанных колес); 2) по выделке инструментов для каменщиков, плотников, землекопов, а также наковален, серпов; 3) по выделке ножей, ножниц, бритв, подпилков. По ее словам, не было кузнецов, которые специально выделяли предметы той или иной группы, и не было кузниц, в которых приготавливались бы изделия всех трех групп.²²³

Кузнечные мастерские помещались чаще всего на базаре, иногда—у больших дорог, обслуживая проходящих и проезжающих. Были кузнецы, которые, не имея средств для открытия собственной мастерской, покупали оптом у городских кузнецов подковы и ездили по кишлакам, подковывая лошадей, т. е. были чем-то вроде скупщиков. Но, в отличие от скупщиков изделий, бродячие кузнецы сами были мастерами и жили своим трудом. Они облегчали работу городских кузнецов, которые особенно в базарные дни не успевали подковывать всех бывших на базаре лошадей и ослов.

Производством ножей и бритв славился Ура-Тюбе, изделия которого удовлетворяли не только внутренние потребности вилаета, но и служили предметом для вывоза. Кирпичникова пишет: «Выделка ножей и бритв развита, главным образом, в г. Ура-Тюбе, откуда они расходятся в большом количестве по городским и кишлачным базарам (Самаркандской) области».²²⁴

Мастеров по выработке медных изделий, по Кушакевичу, в Ура-Тюбе было пять. В приведенном рапорте начальника Ходжентского уезда «меднокотельников» во всем вилаете значится по три мастера и ученика. Медники делали различную посуду—кумганы, чойджуши (сосуды для кипячения чая), яглоги (небольшие луженые котелки для варки пищи), умывальники, подносы и прочие предметы домашнего обихо-

да. Изготовлением чилимов (кальянов) тоже занимались медники.

Условия труда во всех мастерских были тяжелыми. Ремесленники работали в антисанитарных условиях, подрывающих здоровье. О медниках Н. А. Кирпичникова пишет: «Медная пыль делает свое дело, и потому большинство виденных мною мастеров болеют глазами и скоро изживают». ²²⁵

Столярный промысел, резьба по дереву и плотничье дело были также развиты довольно хорошо. Имеющиеся источники не сообщают нам о количестве мастеров каждой отрасли в отдельности. В рапорте уездного начальника лишь сказано, что столяров, резчиков и плотников было сто человек. По данным Кушакевича, в Ура-Тюбе (городе) было всего два столяра. Это не соответствует действительности: по сведениям, сообщенным стариками, только в квартале Ишанон жило не менее 20 плотников, которые одновременно были и столярами. К последним следует отнести мастеров-сундучников. Потребность населения в сундуках была большая, так как сундуки всех размеров считались предметом, необходимым в каждом доме. По обычаю, новобрачная обязательно должна была принести в дом мужа хотя бы один большой сундук и один-два поменьше. Так что сундучное дело было очень развито, и имелось много таких мастеров. Они работали в специальных мастерских или дома. Свою продукцию они вывозили на базар только в базарные дни. Кроме изготовления новых сундуков, мастера занимались ремонтом старых. В большинстве случаев это делали ученики.

Столяры делали двери, сандалы (табуреты для домашнего очага, заменяющего печку), решетки для окон и разные мелочи. Эти мастера также имели свои лавки-мастерские, расположенные обычно на базаре.

Ура-тюбинские мастера хранили древнейшие традиции резьбы по дереву — работы, требующей и таланта, и изобретательности, и огромного терпения. Рисунки были мелкие, скомпонованные чаще всего из растительных орнаментов. В этой работе участвовали и женщины. Они составляли рисунки орнамента и переводили их на соответствующие предметы, а иногда исполняли и резьбу. Резчики редко делали что-нибудь на продажу. Больше всего они работали по заказу баев, беков, хана и эмира, украшая их дворцы и гаремы. По словам Абдулло Ашурова, ²²⁶ ура-тюбинские мастера-резчики приглашались на работу и для украшения эмирского дворца в Бухару. Чаще же всего резчики занимались украшением

колонн и дверей в богатых домах и мечетях, делали — по заказу и для продажи — шести- и восьмигранные столики.

Значительного развития достигло плотничье дело. Основная масса мастеров-плотников жила в городе, а часть — в крупных кишлаках, обслуживая как своих односельчан, так и соседей. Кишлачные плотники по своему мастерству отставали от городских, поэтому последних часто нанимали для работы в кишлаках. Каркасные дома с многочисленными маленькими и большими фигурными нишами имели сложную конструкцию и требовали большого умения от плотника. Постройка также должна была быть устойчивой — на случай землетрясения. Все необходимые расчеты плотники делали почти без всяких чертежей, что свидетельствует об их высоком мастерстве. Работали они по устному договору. Чаще всего их кормил хозяин. Если же во время работы плотник питался за свой счет, — плата повышалась почти вдвое. Мастер работал обычно вдвоем со своим сыном, братом или учеником. Если объем строительства был велик, то хозяин нанимал двух или более плотников. Работали они, в основном, летом и в ясные дни осени и весны.

По данным Кушакевича, в Ура-Тюбе было три пильщика, занимавшихся, очевидно, только распиловкой леса на доски.

В вилаете имелись еще мастера по изготовлению детских люлек и самопрялок. Первые, кроме люлек, изготавливали трех- и четырехколесные детские коляски и игрушки. Такие мастера были искусными художниками, украшавшими и люльки, и игрушки разноцветными узорами. Вторая группа мастеров делала еще точильные колеса, деревянные вилы для провеивания хлеба, подсвечники, крышки для кухонных котлов.

В Ура-Тюбе было от двух до трех седельников, которые приготавливали кожаные седла разных сортов и видов, украшая их разнообразными узорами (красками или из кости). По заказу делались еще также седла из твердого и крепкого дерева заранг. Лучшие седла оклеивались берестой. Продукция ура-тюбинских седельников всегда отличалась хорошим качеством. Н. А. Кирпичникова пишет: «Мне приходилось наблюдать крепость этих седел следующим образом. Мастер бросал с размаха на землю с балкона своего дома, следовательно со второго этажа, самое обыкновенное средней цены седло, и седло это нигде не дало трещины». ²²⁷ По ее же наблюдениям, седельный промысел был наиболее развит в Са-

марканде и Ура-Тюбе. Кушакевич писал, что ура-тюбинские седла лучше ходжентских.²²⁸

В вышеупомянутом рапорте указывается, что в вилаете было восемь гребенщиков с тремя учениками. Эти мастера изготовляли женские и мужские (для бороды) гребешки, продавая их в мастерской и на базаре. Кроме того, они сбывали свой товар оптом скупщикам, которые обычно продавали его там, где гребенщиков не было (или если были, то их работа уступала искусству ура-тюбинцев).

Ткацкий промысел был развит как в городе, так и в кишлаках. В 1869 г. в вилаете имелось 60 ткачей с 60 учениками, и отдельно ткачей по производству маты — 40 с 20 учениками. Кроме того, было 4 мастера тонкой пряжи для чалм с 2 учениками, 24 белильщика тканей, 12 набойщиков пестряди с 12 учениками. Итого имелось 140 мастеров и 94 ученика, работавших в ткацком промысле. В основном, они жили в городе, обеспечивая потребности вилаета и соседних районов — Матчи, Фальгара и других.

По сообщению Кушакевича, в Ура-Тюбе имелось следующее количество лавок по продаже продукции ткачей: ткацких бумажных 98, с матою 9, с пестрой матою 4, с кисеею и чалмами 7, с подкладочным товаром 10, с красным товаром 25, с пряжей 2, красилен 24. Владельцы ткацких мастерских продавали свой товар сами и через скупщиков. В кишлаках этим ремеслом занимались женщины, которые делали ткани, главным образом, для своей семьи. Ю. Южаков пишет: «Мата производится как в городе, так и в окрестностях города по кишлакам».²²⁹ Некоторые кишлачные ткачи делали кое-что и на продажу. Большей частью это были шерстяные изделия: портянки, попоны, веревки, (мешки, паласы, ковры, кошмы и т. п.). Часть пряжи, особенно для хорошей кисеи, мастера получали из России через русских и местных купцов. Ура-Тюбинский вилает славился своими шерстяными изделиями во всей Средней Азии. О развитости этого производства свидетельствует количество мастерских (по Кушакевичу, в Ура-Тюбе их было 25). Большинство путешественников и исследователей, побывавших в этом городе, в своих работах отмечали хорошее качество ура-тюбинских шерстяных чалм, платков, шалей, армячины. Так, Мирзо Шемс Бухари писал: «Ура-Тюбе славится своими шальями из козьего пуха».²³⁰ Эти платки продавались с большим барышом в Коканде и Бухаре. В Бухаре за пуховый платок платили от двух до десяти дукатов. По словам Генса, в 1819 г. один купец привез эмиру

очень хорошую ура-тюбинскую шаль и тот оценил ее в 50 дукатов (в то время самая лучшая заграничная шаль стоила 100 дукатов).²³¹

Об известности ура-тюбинских чалм и шалей свидетельствует хотя бы такой факт. В 1953 г. Таджикская публичная библиотека приобрела в Ура-Тюбе рукопись, обложка которой была оклеена бумагой. Это бумага оказалась письмом, автор которого пишет, что, если ему привезут ура-тюбинскую чалму, это его очень обрадует (дата письма неизвестна).

И. Гейер, побывавший в Ура-Тюбе в девяностых годах, писал: «Из промыслов особенного внимания заслуживает производство так называемых ура-тюбинских сукон, тонкой армячины и шерстяных чалм. Все перечисленные товары отличаются высокими качествами и стяжали себе громкую славу на всех базарах Туркестанского края».²³²

Как мы видим, ура-тюбинские шерстяные чалмы, платки и шали служили предметом вывоза в Бухару, Коканд и другие пункты Средней Азии и приносили большие барыши скупщикам.

Шелкомотален и шелкоткацких заведений в вилаете не было, из-за отсутствия тутовника. Шелк привозили из Ходжента и других среднеазиатских городов. Крашением шелковых ниток занимались женщины (в основном, из квартала Олкорон). Вообще у женщин было очень развито всякое домашнее ремесло. Они шили и вышивали красивые тюбетейки, покрывала, сюзанэ, молитвенные коврики, простыни, мужские и женские халаты, платки и т. п. В том же отчете начальника Ходжентского уезда сказано: «Портным мастерством и шитьем тюбетеек занимаются женщины и девушки как для своих мужей и родственников, так равно и принимают заказы от торговцев готовым платьем».²³³

По сведениям А. Кушакевича, в Ура-Тюбе 13 лавок торговали халатами и 10 — тюбетейками. Ура-тюбинские халаты, тюбетейки, коврики, сюзанэ и прочее вывозили на продажу в Матчу, Фальгар, Гисар, Коканд и другие места. Все это свидетельствует о широком распространении ремесла.

Ура-Тюбе был также центром выделки кож. Кожу поставляли скотоводы, жившие в самом вилаете и вокруг него. «Окрестное население Ура-Тюбе (отчасти кочевое и полукочевое), владеющее достаточным количеством скота, снабжает город, взамен необходимой для него сбруи и других принадлежностей, сырыми кожами».²³⁴ Кушакевич сообщает, что в городе имелось два кожевенных завода и работало четверо

скорняков. Называя то же число заводов, уездный начальник добавляет, что на них работало 24 мастера. Ясно, что это были не настоящие заводы, а просто крупные мастерские с наемными работниками. Кроме того, были, вероятно, и отдельные мастера, занимавшиеся своим ремеслом дома: в Ура-Тюбе целые кварталы были заселены скорняками; и даже сейчас два квартала называются Чармгар (Кожевник) и Эски чармгар (Старый кожевник).

В скорняжных мастерских выделывают замшу, бараний и козловый сафьян и шагреновую кожу²³⁵ из ослиных шкур для сапог, калош, книжных обложек и разных мелких поделок в сапожном, башмачном и шорном деле. Кожевенное сырье вывозилось и за пределы Средней Азии. Из Ходжентского уезда, в том числе из Ура-Тюбинского вилайета «довольно значительное количество кож полувыделанных отправляется в Россию через Троицк и Петропавловск».²³⁶

А. Кушакевич пишет, что лавок для продажи кожевенных изделий в Ура-Тюбе было 15, «сапожных и вообще обуви» — 40. В рапорте уездного начальника сообщается, что сапожников, делающих ичиги, было 6 мастеров и 2 ученика; сапожников разной обуви — по 45 мастеров и учеников; красильщиков кож — по 6 тех и других; шубников — 8 мастеров и 12 учеников. Количество лавок по продаже кожевенных изделий свидетельствует о том, что и кожевники не обходились без посредничества скупщиков.

По обоим вышеназванным источникам в Ура-Тюбе было 3 ювелира с 3 учениками. Ювелиры выделывали женские украшения — серьги, браслеты, кольца, так называемые золотые брови, треугольники и т. п. Все эти вещи отличались большой тонкостью работы и были украшены драгоценными камнями. Кушакевич отмечает впрочем, что в Ходжентском уезде «при недостатке капиталов... ювелирное дело и золотых и серебряных дел мастеров находятся на низкой степени».²³⁷

В 11 мастерских делали мыло, в 9 — свечи. Этот товар шел только на удовлетворение нужд вилайета.

В каждом ремесле мастерство передавалось от отца к сыну или от брата к брату. Введение любого улучшения было сопряжено с большими затруднениями из-за средневековой регламентации и консерватизма и реакционности духовенства. Дело в том, что каждое ремесло имело свой цеховой устав (рисола), где были указаны виды и размеры того или иного изделия. Ремесленник не мог нарушить эти правила. Кроме всего прочего, шарият запрещал изображать живые

существа, что, безусловно, обедняло всякую художественную работу.

Ремесло было связано с сельским хозяйством. Некоторые ремесленники владели небольшими участками земли (чаще всего — виноградниками) и работали там по несколько месяцев в году (обычно весной и осенью). Вообще ремесленное производство, несмотря на свои успехи, не было развито до той степени, до которой могло бы подняться при других условиях. Основной причиной стставания ремесла было господство феодального строя и бедность населения. Разорительные войны и процветание торгово-ростовщического капитала сильно тормозили развитие производительных сил в ханствах Средней Азии.

Положение ремесленников мало отличалось от положения крестьян. Их заработок едва доставало на обеспечение семьи и покупку сырья. Вот что пишет об этом Мейендорф (дело было в 1820 г.): «В течение зимы, которую я провел в Бухаре, хорошая погода вызывала жалобы сапожников. Трудясь целый день, они зарабатывали лишь 45 пулов. Хлеб, необходимый для пропитания самого бедного человека, поглощает более половины этой суммы, а ему еще нужен рис более чем на 10 пулов. Таким образом, при полном отсутствии мяса, у таких ремесленников остается только 25 копеек ассигн. в день».²³⁸ Точно так же жили ремесленники в Ура-Тюбинском владении.

В Ура-Тюбе имелся один довольно большой базар, расположенный под самой цитаделью. Базарных дней на неделе было два — в среду и воскресенье. На этом базаре находилось подавляющее большинство лавок и ремесленных заведений.

По сообщению А. Кушакевича, из 854 лавок и промышленных заведений 642 были расположены на базаре, остальные 212 «разбросаны по всему городу, хотя и сгруппированы преимущественно на восьми торговых площадях».²³⁹ Причиной такого скопления лавок на базаре А. Гребенкин считает наличие большого количества торгующего народа. Он пишет: «торговлей занимаются через других даже муллы, имамы, мударрисы, ишаны, казии, амлякдары, аксакалы — одним словом все лица, которые владеют известной суммой свободных денег. Торгуют старики, молодые, торгуют десятилетние маль-

чики, торгуют наконец, женщины старухи. Поэтому самые значительные города и базарные места поражают обилием лавчонок на своих базарных, обилием торгующего люда».²⁴⁰

По словам Ю. Южакова, базар в Ура-Тюбе от других среднеазиатских базаров отличается тем, «что в нем две улицы, или два ряда лавок, совершенно крытые, так что изображают собой крытую галерею, в которой все строения двухэтажные; внизу лавка, вверху комната, одна или две, куда приказчики или сами хозяева уходят на ночь».²⁴¹ Очевидно, второй этаж служил не только гостиницей, но и складом для товаров.

В первой четверти XIX в. в Ура-Тюбе был всего один караван-сарай.²⁴² В 1868 г. по сообщению Кушакевича, их было уже три. Один из них Кушакевич называет еврейским и индийским, а два других «сартовскими».²⁴³ Увеличение числа караван-сараев свидетельствует о росте внутренней и внешней торговли Ура-Тюбе в 50—60-х годах.

В Ура-Тюбе, торговом центре вилайета, сельские жители и кочевники сбывали скот, невыделанные кожи, арканы, мешки, хлеб, хлопок, урюк, изюм, дыни, арбузы, лук, морковь. Покупали шелковые и бумажные ткани, сукна, чай, сахар, сапоги, галоши, седла, уздечки, железные и медные изделия, глиняную посуду, табак, мыло, соль. На основе такого обмена с давних времен развивалось хозяйственное сближение и дружба между кочевыми узбеками и киргизами, с одной стороны, и оседлыми таджиками, с другой. В XIX в., несмотря на все препятствия, чинимые господствующим классом, эта дружба еще более окрепла.

О стоимости всей продукции ремесленной промышленности в лавках города Ю. Южаков сообщает следующие примерные цифры: «В 10 лавках с ножами будет самое большое 600 ножей, стоимостью от 30 коп. до 1 р. 20 коп. (средняя цена берется по 60 коп.). Всего товара во всех лавках наберется на 400 рублей, т. е. на каждую лавку по 40 руб. полугодового оборота в среднем...»²⁴⁴ В 40 лавках наберется до 4 000 арканов на 600—800 руб. и до 2 000 капов (мешков.—А. М.); от 800 до 1200 руб.»²⁴⁵ За среднюю стоимость товара Южаков берет тысячу рублей (по 50 на каждую лавку) и пишет: «это если не годовая, то полугодовая пропорция продажи».

В лавках, где торговали сельскохозяйственными продуктами (в частности, изюмом) товара было на сумму от 20 до 100 рублей серебром в среднем. Большинство лавок имело товары на 30—40 рублей. В Ура-Тюбе фунт изюма стоил три с

половиной копейки (а в Ташкенте — четыре-пять). Ура-Тюбе был преимущественно хлебным районом. Хлеба хватало как для внутреннего потребления, так и для вывоза в соседние области. Южаков пишет: «Хлеба как вообще в округе, так и на базаре, весьма достаточное количество; наибольшее количество его возят в Ходжент. Мука в мирное время стоит 30—35 коп. пуд. По взятии нами Ура-Тюбе мука продавалась по 45 коп. пуд, зерно иногда бывает 20 коп. пуд, ячмень тоже от 20 до 40 коп. пуд; в мирное время от 20 до 30 коп. пуд».²⁴⁶ Эти цифры свидетельствуют о сравнительной дешевизне товаров в лавках ура-тюбинского базара.

По словам А. Кушакевича, в городе Ура-Тюбе было 11 лавок, торговавших мукой и зерном, а мельниц в вилайете — 73. Это свидетельствует о довольно большом обороте хлеба. Число лавок, торговавших продуктами животноводства, и низкие цены на эти продукты говорят о развитии мясного скотоводства. По сообщению того же автора, мясных лавок было 61 (по Южакову — 80). Каждая из них продавала в день мяса от одного до двух, изредка — до трех баранов.²⁴⁷ Фунт баранины стоил 5 коп., баранье сало — 10, фунт говядины — 3 коп. Поставщиками мяса в города были кочевники. Кроме того, скот в большом количестве поступал из Гисара. В Самарканде, Ура-Тюбе и Джизаке гисарские скотоводы сбывали своих баранов в обмен на товары ремесленного производства.²⁴⁸

Сообщения Ю. Южакова о количестве ремесленных и сельскохозяйственных товаров в лавках и ценах на эти товары свидетельствуют о том, что предметы ремесла и сельского хозяйства стоили дешево и имели большой оборот в вилайете. Причину малого количества товаров А. Гребенкин объясняет тем, что «во времена правоверного управления опасно было прослыть богатым, иметь на показ много товара, почему торговцы выставляли в своих лавках на вид не больше, как недельную пропорцию товаров, а излишек прятали в домах».²⁴⁹ Исходя из этого, надо предполагать, что количество товаров в лавках ура-тюбинского базара было показателем не годового или полугодового оборота этих лавок, а недельным и месячным оборотом. Дешевизна товаров свидетельствует о значительном запасе разных товаров у торговцев, которые пускали их в оборот непрерывно, но понемногу.

Ура-Тюбинский вилайет вел крупную торговлю с соседними владениями. Предметами ввоза были: из Коканда (вообще Ферганской области) — адрас, канаус, бикасаб, синяя ма-

та, кошмы разных сортов, халаты, шелковые платья, вата, краски; из Ташкента — олово, сталь, железо, котлы, жест, медь, рисовая крупа, матовые нитки, сахар; из Самарканда — синяя краска, сахар, чай, фисташки, жевательная сера, перец.

Еще в 1813—1814 г. побывавший в Ура-Тюбе Ф. Назаров писал: «жители имеют торговлю с туркменцами, персианами и кочевыми арапами, принадлежащими Бухарии».²⁵⁰ Ура-Тюбе получал товары из России и других государств. Товары эти шли сюда «большею частью через Бухару, в том числе и сахар... чай прежде шел из Кульджи, а главный привоз был из Кашгара, когда он стоил 1 руб. 20 коп. фунт; ныне, вследствие беспорядков и смут в Кульдже и Кашгаре, чай привозится через Кабул и потому продается дорого, 2 руб. 40 коп. за фунт».²⁵¹

О внешнеторговых связях Ура-Тюбе в первой половине прошлого века А. Кушакевич пишет следующее: «Г. Ура-Тюбе ведет внешнюю торговлю с Бухарой и Кокандом и получает из Бухары: чай, краски, а до настоящего времени получал много английских товаров, именно: кисей, чалмы, коленкор, бумажные нитки и ситцы (привоз английского ситца был, впрочем, всегда слабее привоза русского ситца)».²⁵² По словам Кушакевича, в Ура-Тюбе лавок с чаем и сахаром было 40, а чайхан 25. По сведениям 1866 г., ежегодно «в Ходжент и Ура-Тюбе шли до 1000 верблюдов. Шел более русский красный товар и русские металлические вещи».²⁵³ Лавок с русским красным товаром было 30, а чаем и сахаром — 34.

Ура-Тюбинский вилайет из-за недостатка воды не имел своего риса, и его привозили из Курамы (Ташкентский район).²⁵⁴ Лавок с рисом было 40. Соль привозили с озера Нур-Ата (в 50 верстах от Джизака, по направлению к Кызыл-Куму). Лавок с солью было 23.

Основными предметами вывоза из Ура-Тюбинского вилайета в другие пункты Средней Азии были хлеб, шерстяные изделия и сушеный виноград (изюм). Последний вывозился и в Россию. Торговцы покупали у дехкан зерно и фрукты во время сбора урожая. Южаков пишет: «На вывоз урюк и изюм скупаются не на базаре, а по селениям, во время уборки их».²⁵⁵ Платили скупщики очень дешево. Дехкане, нуждаясь в деньгах, вынуждены были соглашаться на это. Купленное торговцем хранил до весны, ожидая повышения цен на эти продукты. Или же сразу увозил их в те города, где была большая потребность в таких товарах.

Развитию внешней торговли вилайета способствовала сеть дорог, проходящих через Ура-Тюбе. Одна дорога шла из Бухары на Коканд через города Самарканд, Джизак, селения Ям, Пшогар, крепость Зааман и селение Сават. Отсюда в Коканд можно было ехать по дороге, идущей через крепость Нау к Ходженту. Другая дорога из Ура-Тюбе шла по южной стороне Нау через селения Сафи-Ариф, Лянгар, крепость Янги-Кишлак, вдоль речки Баклан-Кузы к Костакосу. Эта дорога пригодна была лишь для езды на лошадях и верблюдах: из-за крутых гор и узких ущелий арбы пройти тут не могли. Как утверждал М. Бекчурин, по этой дороге ездили преимущественно контрабандисты и разбойники.²⁵⁶ Еще одна дорога из Ура-Тюбе на Коканд шла через селение Чар-Баг, долину Алмабараз, селение Испонье, долину Рабат, селение Исфара. Дорога на Джизак, а оттуда на Бухару, кроме вышеуказанных населенных пунктов, шла через селения Кошканд и Хавас. Из Ура-Тюбе дороги шли и на юг. Одна из них проходила через селение Аучи и Оббурдонский перевал на Матчу, а оттуда через перевал Пакшиф на Каратегин. Другая через селение Шахристан и Шахристанский перевал шла на Фальгар, оттуда на юг, в Ягноб, через Анзобский перевал на Гисар или на запад — в Урмитан, Кштут и Пенджикент. Южные дороги были пригодны только для верховой езды.

С торговых караванов, выходящих из Ура-Тюбе в Ходжент, Ташкент и другие пункты, взимался караванный зякет в размере сороковой части стоимости товара. Брели зякет и с караванов, шедших из Бухары в Коканд и обратно через Ура-Тюбе. По шариату, зякет полагалось взимать с одного капитала один раз в год, независимо от оборота. Если капитал купца оказывался более суммы, с которой взят зякет, то он платил добавочный зякет за счет излишка. После уплаты торговец мог несколько раз в год переезжать с одного города в другой и зякета с него больше не брали. Однако, хакимы Ура-Тюбе, как неограниченные правители вилайета, часто нарушали эти правила и взимали с купцов вдвое больше положенного (а то и еще больше), взыскивая зякет каждый раз, когда торговцы привозили или увозили товары. Это особенно часто практиковалось в отношении иностранных купцов, с которых сдирали зякет вдвое больше, чем с мусульман. Такая несправедливость мешала развитию русско-среднеазиатской торговли и была предметом продолжительных, но безуспешных дипломатических переговоров.

Так как накануне присоединения к России Ура-Тюбинское владение находилось под властью бухарского эмира, то всеми зякетными делами ведал кушбеги. Ханство делилось на две половины — западную и восточную, в каждой из которых имелось по сборщику, подчиненному кушбеги. В середине XIX в. к восточной части эмирата были причислены Самарканд, Ургут, Пенджикент, Чилек, Джизак и Ура-Тюбе. Зякetchи жил в Самарканде и имел при себе 15 доверенных сборщиков. Кроме того, постоянные доверенные сборщики были и во всех перечисленных местах. В Ура-Тюбе их было трое.²⁵⁷ Все они собирали зякет и следили за правильным его поступлением в эмирскую казну. С торговцев взимали так называемый «атхана-пули» — сбор с тех верблюдов и арб, которые заводили в определенные места (чаще всего в сараи) для осмотра нагруженных на них товаров.

Генс пишет, что в Бухаре каждый купец во время уплаты зякета должен был дать клятву, что он никаких товаров не утаивает. В Ура-Тюбе такая утайка каралась только конфискацией товаров, тогда как в Бухаре наказывают до смертной казни.²⁵⁸

Собранный зякет полностью шел в казну хакима, а затем эмира. Южаков пишет, что с караванов, выходящих из Ура-Тюбе, за год «собиралось закету до 4 тыс. рублей».²⁵⁹ В 1868 г. с привозимых, вывозимых и провозимых из Коканда в Бухару товаров собрано было закета в г. Ура-Тюбе на сумму 7 309 руб. 70 коп.²⁶⁰

Вся деятельность богатых купцов сосредоточивалась в караван-сараях. Купцы по своему богатству делились на несколько разрядов. Самые крупные, владевшие караванами и вообще транспортом, занимались только оптовой торговлей. Они привозили товары в Ура-Тюбе и оптом продавали их купцам с небольшим капиталом. Те, в свою очередь, продавали товар в розницу в своих лавках или, разделив его на несколько частей, продавали еще более мелким торговцам, называемым по-местному «аттор», «чаканафуруш». Последние, не имея капитала, часто брали товары в долг за известные проценты. «Многие из таджиков торгуют на тысячи, — писал А. Гребенкин, — не имея почти ни гроша собственных денег; им верят на слово, потому что они приобрели почему бы то ни было репутацию честных людей.

Получив на веру товар за известные (и в этом случае небольшие) проценты, такой торговец пускается на промену, на раздачу товаров по малым частям другим, таким же, как

он сам, безденежным людям. Капитал дробится все больше и больше, так как эти последние готовы, при первой возможности, в свою очередь, раздробить свой пай на части и отдать их на подобных же условиях в третьи руки».²⁶¹

Каждый крупный или мелкий торговец устанавливал на товар свою цену — в несколько раз выше первоначальной. Это разоряло ремесленников, работавших на покупном сырье и живших «исключительно на средства, зарабатываемые от продажи своих изделий».²⁶²

Количество таких лавок с привозными товарами свидетельствуют, что внутренние потребности вилаета были большими и его внешняя, транзитная и внутренняя торговля была очень развита, что объясняется еще и тем, что Ура-Тюбе был транзитным пунктом, откуда товары вывозились в Матчу, Фальгар, Гисар, Каратегин и другие горные районы. На ура-тюбинский базар «народ стекается в огромном числе и даже из местностей, от нас не зависящих, как-то: из Мочи, Каратегина, Урмитана и др. городов».²⁶³

При описанном состоянии ремесла и торговли в Ура-Тюбе, их развитие было далеко недостаточным. Причиной тому являлось господство феодальных отношений, постоянные междоусобные войны, господство торгово-ростовщического капитала и плохое состояние дорог в вилаете.

§ 4. НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА

Важнейшими податями, поступавшими в казну хакима, хана и эмира, были харадж, танап и зякет. Первые две платили оседлые жители (земледельцы), а последнюю — кочевники со скота, ремесленники и торговцы с дохода.

Хараджные земли давали казне хакима наибольший доход. С них подать, являвшаяся в большей части рентой-налогом, собиралась преимущественно натурой. Количество хараджа с каждого танапа зависело от ирригации. С орошаемых полей собирали $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{5}$ часть урожая, с богарных — $\frac{1}{6}$. Размеры хараджа определялись на корню, а взималась эта подать после уборки хлебов, непосредственно на хирмане (на току). Сбором хараджа и танапа ведали диванбеги, амлякдары и амины, совместно с аксакалами и мирзами (писарями). Они привозили собранные подати и сдавали их саркору. За свои труды все перечисленные должностные лица получали вознаграждение не от хакима, а от плательщиков. По существовавшим правилам, саркор получал так называемый

кепсен — по 2 пуда с каждого коша (с десятины около $\frac{2}{3}$ пуда). Ю. Южакон предполагает, что саркор в год мог получить от 10 до 15 тыс. руб. дохода. Диванбеги тоже получал кепсен по 6 чариков (1 пуд) с коша (или $\frac{1}{3}$ пуда с десятины) и каждый мирза — по 2 чарика с коша (4 фунта с десятины).²⁶⁴ Кроме всего этого, саркору, диванбеги и прочие должностные лица, ведавшие сбором податей, пользовались добровольными и вынужденными приношениями от дехкан — взятками, даваемыми за то, чтобы они показывали размеры обрабатываемой крестьянами земли без преувеличения.

Танапная подать взималась преимущественно деньгами с винограда, клевера, хлопка, овощей и других культур. За первые, три взыскивалось с каждого танапа по 10 тенег (2 руб. серебром), с бахчей (участки под овощи и фрукты) — по 4 тенги (80 коп. серебром).²⁶⁵ Природа танапной подати ближе всего может быть определена понятием «рента-налог» в денежной форме.

Вскоре после присоединения некоторых районов Средней Азии к России оренбургский генерал-губернатор издал приказ, сохранявший в неприкосновенности налоги и сборы, существовавшие при мусульманских правителях. На основе этого приказа в 1867 г. танапный сбор взимался с десятины винограда и фруктов по 7 руб. 60 коп.; с клевера и бахчей — по 3 руб. 80 коп., с изюма, льна и других масличных культур, урюка, гороха, табака, мака, моркови, лука и свеклы — $\frac{1}{10}$ часть стоимости урожая, исчисленного по базарным ценам.²⁶⁶

Измерение площади для исчисления танапного сбора производилось раз в три года. Подать эту собирали во время распускания почек на деревьях и цветения винограда, т. е., независимо от урожая хотя бы даже плоды к осени оказались побитыми градом или погибли от заморозков, от стихийных бедствий и т. п.

По сообщению Ю. Южакова, хаким собирал в год со всего вида от 7 до 9 тысяч батманов хлеба, т. е. от 100 до 135 тысяч пудов пшеницы, ячменя, проса. Кроме того до 30 000 руб. танапный сбор с огородов, бахчей и садов.²⁶⁷

Как говорил сборщик податей при последнем хакиме Абдулгaffар-беке Мулла Мир Рахмат, он собирал 90 000 коканов налога.²⁶⁸ Очевидно, это была дополнительная подать, взимаемая деньгами.

По подсчетам Ю. Южакова, помимо поступления от мельковых земель и разных других сборов, харадж, взимавшийся хакимом, и сбор с вакуфных земель давал от 160 до 200 тыс. пудов дохода в год, что в переводе на деньги означает от 50

до 70 тыс. руб. Вместе с танапным сбором от населения ежегодно в казну хакима и вакуфных учреждений поступало от 80 до 100 тысяч рублей, или в среднем по 3 руб. с души населения. Если эту сумму отнести только к тем, кто занимался сельским хозяйством, и прибавить сюда доходы с мельковых земель и других сборов, то сумма налога, взимаемого с каждого крестьянина, увеличится в несколько раз. Наконец, дехкане не могли продать свой хлеб на сельском и городском базаре, не уплатив высоких пошлин, практикуемых под видом весовых и базарных сборов.

Зякет с кочевников определялся по числу голов скота, каждый скотовод по правилу должен был отдавать по одному барану с сотни баранов и с десятка верблюдов. По словам М. С. Бекчурина, за лошадей и крупный рогатый скот зякет не взыскивался.²⁶⁹ Кочевники в Ура-Тюбинском владении были бедными, особенно те, кто жил в Шахристанском ауле. Редкие хозяйства кочевников владели более чем ста баранами и большим количеством верблюдов. И если бы хаким придерживался буквы закона, то зякета взималось бы очень мало, что, конечно, не устраивало правителя. Поэтому изыскивались способы взимать с кочевников и другие сборы. Например, как пишет М. С. Бекчурин, киргизы, кочевавшие в Джизакском округе близ Чим-Кургана, кроме зякета, платили еще по одной тенге (20 коп. серебром) на содержание чим-курганского хакима и по барану с кибитки в пользу джизакского бека.²⁷⁰ Бекчурин утверждает, будто баранов брали только у богатых кочевников. Мы думаем, что это не соответствует действительности: такой метод вызвал бы недовольство верхушки кочевой аристократии. Богатые кочевники могли покинуть территорию владения или не вступать в войска хакима. Очевидно, эту подать платили и бедняки. Кроме того, во время разных праздников и просто пиршеств хакимы, ханы и эмир брали и у оседлых жителей и у кочевников скот (в основном баранов) сверх установленных норм. В 1866 г. у Мирза-Рабата русским войскам в качестве трофеев досталось 14 000 принадлежавших эмиру баранов, которые были «частью собственности беков Джизакского, Ура-Тюбинского и Самаркандского, а частью были собраны от жителей для эмира по случаю предстоящего тогда праздника курбан-байрам».²⁷¹

В одном документе аксакала кишлака Кизили оповещают о том, что их кишлак отдается Турахану-ходже и Зебопар-Хафизу и что хлебный харадж, т. е. харадж в натуре, должен в установленном ранее порядке поступать к ним. Документ

датирован 1246 (1830) г. и на миндалеобразной печати значится «фармони оли» (высочайший приказ). Кому он принадлежит, установить трудно. В этом году Ура-Тюбе был завоеван Кокандом.²⁷² В документе речь не идет о пожаловании земли на правах милька. В данном случае, видимо, сбор хараджа с кишлака Кизили отдавался на откуп этим лицам. Потому можно предполагать, что в Ура-Тюбе существовала откупная система сбора налогов. Откупщики, конечно, собирали харадж выше положенной нормы (и для хакима, и для себя), что приводило к обнищанию крестьян. Арендаторы, уплатившие хакиму положенный откуп за право взимания пошлин, злоупотребляли своей монополией, пользуясь покровительством хакимов и ханов.

Мильковладельцы отдавали свои земли на обработку безземельным крестьянам с условием уплаты $\frac{1}{4}$ части урожая. В вышеупомянутом письме 36 ура-тюбинских мильковладельцев военному губернатору Сыр-Дарьинской области говорится: «Земли и вода под именем «милки-хурр», которые куплены за большие деньги, отдавались под хлебопашество желающим жителям с условием платить хозяину земли $\frac{1}{4}$ часть урожая».²⁷³

В вилаете была развита система чорьяккорства. Чорьяккоры находились на положении крепостных. Они не могли по собственному желанию покинуть землю одного хозяина и перейти к другому или заняться иной работой. Об этом свидетельствует вышеназванный документ об освобождении 21 чорьяккора из работавших у Тура-хана-ходжи.

Другие хараджные земли богатых землевладельцев, тоже обрабатывались наемным трудом. Оплата его зависела от того, имел ли нанимающийся рабочий скот и семена. Те, у кого было что-нибудь из средств производства, нанимались в половинщики, чорьяккоры, десятичники и т. д., получая $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{10}$ часть урожая. Половину получал работник, затративший свои семена и вспахавший землю своими быками. Но таких случаев было мало. Дехкане, особенно безземельные, рабочего скота почти не имели. Те, у кого не было ничего, работали за деньги и прокорм.

Крупные землевладельцы отдавали свою землю в аренду и часто по несколько лет даже не видели ее, но арендную плату получали регулярно, независимо от урожайности.

С крестьян, обрабатывавших вакуфные земли, собирали подать в размере $\frac{1}{10}$ части урожая. По сообщению Ю. Южакова, со всех вакуфных земель Ура-Тюбинского владения взималось 4000 батманов (60 000 пудов) хлеба в год.²⁷⁴

По сообщению того же автора, ура-тюбинский хаким брал харадж и с хлопка, которого получалось до 500 батманов (в неочищенном виде, с шелухой).

Ремесленники и торговцы Ура-Тюбинского владения, как и везде в Средней Азии, платили в казну определенные сборы. При продаже товаров и изделий разного рода с них взывался особый сбор «далляли», достигавший семи процентов стоимости товара и более.²⁷⁵ «Далляли» распространялся на продававшиеся на базарах предметы как местного производства, так и привозные.

С очень многих сельскохозяйственных товаров и со скота взывалась пошлина.²⁷⁶ О весовых и базарных сборах, взимавшихся с торговцев и ремесленников, уже упоминалось.

Промыслы, торговля и капиталы оплачивались зякетной пошлиной в размере сороковой части стоимости изделий, торговых оборотов и денежных капиталов. При разделе наследства брали особые ханские пошлины в виде определенного процента с имущества и капитала. В пользу правителей поступали под наименованием «луката» все выморочные имущества. Кроме всех перечисленных податей и сборов, в казну хакима поступали разные другие доходы: аренда с казенных лавок, сараев, садов, мельниц, доход от вакантных должностей в медресе и с худжр (келий) при них.

Ежегодно хаким собирал большие средства как для удовлетворений своих потребностей, так и для взноса крупных денежных сумм и огромного количества хлеба в казну своего сюзерена — эмира или хана. По сведениям 40-х годов XIX в., ура-тюбинский хаким поставлял кокандскому хану 200 000 чариков пшеницы, 200 тиллей пошлины и 1000 тиллей танапного сбора. Приняв за основание средние цены на хлеб и полагая тиллю по тем временам за 12 руб. 80 коп. ассигнациями, легко подсчитать, что Ура-Тюбинское владение платило Коканду в год 1 318 400 руб. ассигнациями, или 376668 руб. 50 коп. серебром.²⁷⁷ Подати и сборы, взимаемые хакимами и ханами, разоряли население не меньше, чем грабительские войны. Чтобы вовремя уплатить налог, беднякам приходилось обращаться к ростовщикам. В Ура-Тюбе была определенная группа людей, занимавшихся только «стрижкой купонов», т. е. обогащавшихся за счет процентов, получаемых с должников. По сведениям А. Кушакевича, в городе было 18 менял.²⁷⁸ По словам стариков, должники за каждые десять тенег платили ростовщику от одной до трех тенег в месяц (что составляло от 120 до 360 % в год). Выдача денег в долг оформлялась юридически через казия. В долговой расписке указы-

вались проценты, получаемые ростовщиком, хотя коран за-прещает лихву. Вот, например, долговая расписка, приобретенная нами в Ура-Тюбе. В ней указывается, что Ходжи Курбан сын Усто Абдул Расула получил в долг у Мирзо Хусейна 3 тысячи тенег с условием ежемесячной уплаты процента в размере 40 тенег. Об аккуратном поступлении процентов свидетельствует отметка на обороте расписки, показывающая, что за год, прошедший после выдачи денег в долг, кредитор получил за счет процентов 500 тенег.

Часто ростовщики выдавали деньги под залог земли. При этом составлялись два документа, подтвержденных печатью казия: один о продаже земли лицу, дающему ссуду, второй — об отдаче должнику того же участка земли в бессрочную аренду. По одним договорам арендная плата вносилась деньгами, по другим — продуктами земледелия. Эту плату должники считали процентами на занятый ими капитал и старались вносить ее исправно, что было весьма нелегко: она составляла ежегодно от 25 до 40% всего капитала. Должникам, вследствие их темноты и неграмотности, обычно представлялось неясным существо заключаемых ими договоров, и они считали себя хозяевами земли, а не арендаторами. Кредитор, опираясь на бессрочность договора об аренде, иногда ликвидировал его и сгонял дехжанина с земли, которую тот привел в культурное состояние тяжелым многолетним трудом.

Таким образом, земельная собственность сосредоточивалась в руках кучки богачей, а мелкие собственники теряли землю и разорялись. Ростовщик ставил должников в положение, весьма близкое к положению оброчных крепостных крестьян.

Были случаи выдачи других обязательств, когда за несколько десятков тиллей должник вынужден был работать впредь до уплаты долга в пользу кредитора. Причем обязательство выдавалось за себя, своих сыновей и их потомство и с оговоркой, что до уплаты долга никто из них не имеет права работать на кого-либо, кроме кредитора. Подобный документ имел значение кабальной записи.

Росту капиталистических отношений в значительной мере способствовал также бунак — денежная ссуда, которую крупный землевладелец заранее выдавал приходящему на его землю безземельному крестьянину. Не будучи в состоянии возвратить бунак, дехжанин — батрак или издольщик — вынужден был оставаться у хозяина. В случае смерти лица, получившего бунак, последний оставался за его наследниками. Такой метод практиковался и при найме ремесленников хозя-

евами мастерских.²⁷⁹ «Получив бунак, рабочий исправно получает от своего хозяина сдельную по уговору плату по исполнении известного количества работы... Переходя к другому хозяину или вообще отходя от нанимателя, рабочий обязан сполна выплатить полученный бунак».²⁸⁰

Притесняемые непосильными налогами жители города и кишлаков искали побочных заработков. Они уходили в крупные города, где работали, в основном, в качестве мардикоров на строительстве. А. Гребенкин пишет о таджиках, что «когда они не имеют определенного занятия, они не чувствуют ни усталости, ни жары, ни холода и пешком или верхом переходят из города в город, из кишлака в кишлак, ставя перед собой определенную цель — заработать».²⁸¹ Особенно трудно приходилось горожанам и в первую очередь лицам, подвергавшимся ограблению, чтобы получить дополнительный заработок, они нанимались в садовники, конюхи, водовозы или занимались мелкой торговлей, имея основной капитал в один—два рубля.

Кочевники вилаета, как и оседлые жители, были разорены налогами. Как уже говорилось, хуже всего жилось киргизам Шахристанского аула. Они нанимались пастухами к богачам, заготавливали в горах лес и выжигали уголь для продажи в городе. Кочевники также поставляли в город разные лекарственные и съедобные травы и особый лес «дук-ягач», пригодный для изготовления веретен. Изготовлением и продажей их занимались и оседлые жители. В рапорте начальника Ходжентского уезда от 4 августа 1889 г. на имя военного губернатора Самаркандской области говорится, что некоторые из жителей Ура-Тюбинского участка, преимущественно предгорных кишлаков, «занимались до сего времени вывозом из гор этого кустарника и приготовлением из него черенков для переработки их в веретена» и что это «было делом исключительно беднейшего класса населения».²⁸²

Как мы видим, в силу господства феодальных отношений, из-за непосильных налогов ура-тюбинцы не могли выйти из нужды ни при помощи основных, ни при помощи побочных заработков. Многочисленные налоги и повинности, злоупотребление должностных лиц, разорительные войны—все это вызывало массовые народные волнения.

§ 5. КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ НАСЕЛЕНИЯ

Видает и город Ура-Тюбе являлся одним из культурных центров Средней Азии. Господствующей идеологией была му-

сульманская религия, и в этих условиях не могло быть и речи о настоящем развитии культуры. Духовенство требовало от трудящихся безоговорочного подчинения религиозным догмам, выполнения различного рода обрядов. Кроме того, феодальные войны препятствовали не только экономическому развитию края, но и повышению культурного уровня населения.

Система школьного образования в вилаете была такая же, как в Коканде и Бухаре. Обучение находилось в руках мусульманского духовенства. Здесь существовали школы двух типов: начальная — мактаб и высшая — медресе. По приблизительным подсчетам Кушакевича, в городе Ура-Тюбе имелось 35 мактабов с 330 учениками.²⁸³ Вероятно, эта цифра преувеличена. По архивным сведениям 1869 г., мактабов в Ура-Тюбе было 19, учеников — 325.²⁸⁴ В 107 кишлаках вилаета насчитывалось 97 мактабов с 907 учениками. Мактаб представлял собой начальную школу, где дети обучались грамоте и воспитывались в духе мусульманского благочестия. Преподавателями были представители мусульманского духовенства — наиболее грамотной прослойки населения. Всех духовных лиц, включая содержателей мактабов, в вилаете насчитывалось 360, из которых 147 жили в городе.²⁸⁵ Учебные заведения работали 3—4 месяца. Это объясняется тем, что большая часть горожан весной переезжала на свои виноградники, расположенные за чертой города и возвращались оттуда поздней осенью. Это подтверждает и Кушакевич: «Школы посещаются почти исключительно в зимние месяцы».²⁸⁶

Высших конфессиональных школ — медресе в Ура-Тюбе имелось 4, с 15 мударрисами (учителями) и 173 учениками. Из них в медресе Намазга было 91, Рустам-бека — 40, Кок-Гумбез — 30, Сеид Газы-ходжи — 12. Занимались в медресе, главным образом, сыновья состоятельных лиц, в первую очередь духовенства. Программа была построена почти целиком на изучении богословской схоластики в духе суннитского канонического правоверия. Обучение велось чаще всего на арабском языке, таджикский служил лишь для некоторых объяснений. Медресе содержались на доходы от принадлежащего им вакуфного имущества. Казии, муллы, разные должностные лица нередко посылали своих сыновей учиться в Коканд и Бухару. Выпускники медресе обычно занимали должности казиев и их помощников, имамов мечетей или же просто становились переписчиками рукописей. Некоторые оставались при медресе, занимая должности мударрисов. Детям бедняков медресе были недоступны, закрыт был до-

ступ в них и для женщин. Девочки получали только начальное обучение в мактабах. Их учительницами (биби-отун) преимущественно были жены мулл и мударрисов, они являлись основными проповедниками религиозного фанатизма среди женщин. В данных 60-х годов о школьном деле нет никаких сведений о количестве женских мактабов и учениц в них.

Вследствие бестолковой зубрежки в мактабах и недоступности медресе широким массам, народ в своем абсолютном большинстве был неграмотным. Особенно отставали в этом отношении кочевники Ура-Тюбинского владения: даже в правящей верхушке кочевников не было грамотных людей. Во время проведения организационной работы в Ходжентском уезде в 1868 г. кочевники просили разрешить им обращаться к ура-тюбинскому казию поскольку среди них нет человека, хорошо знающего законы. Комиссия разрешила.²⁸⁷

Научная жизнь, сосредоточенная в центре владения, заключалась в основном в переписке богословских, подчас фантастических книг средневековых авторов. Так как духовенство поддерживало всевозможные суеверия, то содержание «научных» книг было не слишком научным. Среди многочисленных рукописей, приобретенных в Ура-Тюбе соответствующими учреждениями нашей столицы за последние три десятилетия, преобладают труды именно такого содержания. Одна из них — религиозная книга «Жизнеописание Накшбанда» — переписана Мир Салихом, сыном Мухаммед Саид-ходжи — ал-Хусайни Уротеппаги в 1839—1840 г. Другая такая же книга, относящаяся к числу учебных пособий, — это «Комментарии Муллы Джами» (переписал ее Мулла Падша Ходжа сын Ходжи Истравшани в 1861 г.).

В городе жили и творили многие поэты, жизнь и творчество которых до сих пор остаются неизученными. В Отделе востоковедения и письменного наследия Академии наук Таджикской ССР хранятся две объемистые рукописи-диваны (сборник стихотворений) ура-тюбинца Мирзо Сиддик сына Тагай Мурада, писавшего под псевдонимом Фано. Один из диванов (за № 1021) датирован 1257 (1841—1842) г., другой (за № 697) — 1261 (1845) г. Обе книги написаны одним и тем же лицом, почерком шикесте. По-видимому, и та, и другая — автограф автора. Биография поэта неизвестна. Судя по стихам, в которых он упоминает эмира Насруллу (1826—1860), и по датировке дивана, Фано жил, по-видимому в первой половине XIX в. В предисловии к обоим диванам автор пишет, что он жил при медресе Намазга, был в Коканде, но опять возвратился в Ура-Тюбе; что он не только сочинял стихи, но и

облекал их в мелодии; что свои диваны он составил по просьбе товарищей. Следовательно, Фано был и поэтом, и музыкантом, и, вероятно, певцом.

Стихи Фано встречаются и в других рукописных сборниках. В одном из них помещены его мухаммасы (пятистишия) на стихи поэтессы XVII—XVIII в. Зебунисо. В апреле 1963 г. в кишлаке Хуфар Сари-Асийского района Узбекской ССР мы обнаружили листки со стихами Фано, переписанными в прошлом столетии. В диванах Фано содержатся мухаммасы на стихи Навои, Джами, Бедия и других поэтов, а также газели, рубои. В конце каждого дивана имеются многочисленные загадки, написанные в стихотворной форме, даты жизни и смерти почитаемых в свое время людей. Стихи и загадки написаны и по-таджикски, и по-узбекски.²⁸⁸ В большинстве стихов поэт жалуется на свою горькую участь, на существующие порядки и т. п. Например, он пишет:

Ин ашкхо зи дидаи гириён чакид рафт,
Дил буд, об гашт, зи мижгон чакид рафт.
(Эти слезы пролились из плачущих очей,
Было сердце, но оно растаяло и вылилось из ресниц).²⁸⁹

Другой поэт—Камил Ходжа, писавший под псевдонимом Накхат, тоже уроженец Ура-Тюбе, начал сочинять стихи с 16 лет. Одно время он жил и в Бухаре.²⁹⁰ Его творчество тоже остается неизученным.

Постоянные войны на территории вилаета, порядки устанавливаемые то эмиром, то ханом, то хакимами — все это возмущало поэтов, в частности Фано, который, по-видимому, именно в знак протеста покинул родной край и ушел в Коканд на поиски лучшей жизни. Но тамошние порядки мало отличались от ура-тюбинских, и поэт возвратился обратно.

В Ура-Тюбе жил талантливый лирик Макбул (1840—1907), как и другие поэты, получивший образование в Бухаре.²⁹¹

Среди поэтов второй половины минувшего века следует отметить Муллу Ходжа Мира. О его поэтическом наследстве (как и о творчестве Макбула) нам мало что известно. Он писал сатирические стихи, в которых высмеивал аксакалов, мулл, казиев. Как нам сообщили (ура-тюбинские старожилы, Ходжа Мир был убит в 1905 г. по тайному поручению старшего аксакала Ура-Тюбе Салим-бая (поэта задушили во время какого-то пиршества).

О других поэтах XIX и начала XX столетия, живших в вилаете, нам неизвестно ничего, кроме их имен или псевдони-

мов... Это Солик, Шахди, Султан хан Адоми Истравшани, Роджэ, Назми, Вола, Олий, Муштари, Ахтари, Бедоди Истравшани.

Театральное искусство и музыка ура-тюбинцев были такие же, как и у всех народов Средней Азии. Массовое народное творчество проявлялось в песнях, рассказах, сказаниях и в уличных театральных представлениях бродячих актеров. Музыкальные инструменты — духовые (карнай, най, сурнай), струнные (дутар, тамбур, гиджак), ударные (дойра, думбрак) женский губной чанг были весьма примитивны по своей технике. Но музыканты все же умели создавать и играть на них своеобразные сложные мелодии. Пение обычно сопровождалось игрой на инструментах. Актеры, музыканты и певцы показывали свое искусство на торжествах по случаю свадьбы, рождения ребенка, обрезания, в дни народных и религиозных праздников, а иногда выступали на базаре просто так.

В прошлом веке в Ура-Тюбинском владении была хорошо развита строительная техника. Из крупных построек того времени следует отметить медресе Намазга, выстроенное из глины при хакиме Аталык-беке в первой четверти XIX в. Мечеть при этом выстроена тогда же из жженого кирпича. Рядом с мечетью стоит мавзолей. Очевидно, эти здания позднее ремонтировались, а частично строились заново, потому и сохранились до наших дней. Об этом мавзолее археолог В. Р. Чейлытко писал: «В этом здании 56 колонн. Все колонны снабжены капителями. Большинство капителей имеет сложную конструкцию и украшены росписью. Подобное богатство колонн в деревенской архитектуре Средней Азии встречается только в Хорезме в так называемой «Мечети арабов».²⁹²

Другое здание медресе было построено из жженого кирпича при хакиме Рустам-беке в 50-х годах. Оно состояло из 49 отдельных помещений. Здание было двухэтажным, по краям фасада имело два минарета, оштукатуренных ганчем. Фасад был облицован майоликовыми кирпичиками синего, зеленого и белого цвета. Над воротами медресе красовалось мозаичное изображение льва и леопарда «как эмблемы храбрости строителя»²⁹³ (имеется в виду Рустам-бек). Медресе выглядело довольно изящно и ярко выделялось в массе других зданий.²⁹⁴ Украшавшие его узоры сохранились в памяти народа до наших дней. И сейчас ура-тюбинские художники расписывают стены домов, подражая облицовке фасада этого медресе, которую называют мадраса—накш—«разукрашенное медресе» (разумеется, в хорошем смысле). Даже дети разрисовывают свои бумажные змеи этим узором.

В городе имелось еще два культовых места — «Иски Мазор» и «Мазори Муг», построенные тоже в XIX в. Но архитектурной ценности эти мазары не представляли.

Зато прекрасно выглядела резиденция хакима на возвышенности Муг. В памяти стариков сохранилось много рассказов о «золотой веранде» этого дворца. В одном из рассказов говорится, что, когда эмир Насрулла, захватив город и убив хакима Рустам-бека, явился во дворец, — искусство строителя привело его в восторг и он сказал: «Любой человек, имеющий такое богатство, считая себя львом, выйдет на бой против своего врага. Если бы я, раньше поднялся на эту высоту и увидел эти постройки, то не убил бы Рустам-бека». Очевидно, здесь речь идет о вышеупомянутой салом-хоне, выстроенной Рустам-беком в 1856—1857 г. От всего дворца хакима до 40-х годов нашего столетия сохранились ворота с куполом и двумя колоннами по бокам. Описание дворца мы находим лишь у М. Зиновьева. «Показался он мне чрезвычайно велик. Он построен на земляных террасах, которые возвышаются одна над другой, что производит впечатление, как будто бы дворец был в несколько этажей. Каждая такая терраса обстроена кругом, не решусь сказать флигелями, а скажу саклями, и образует внутренний двор. Двор этот окружен каменным помостом с небольшими лестницами. На помост выходят двери из окружающих двор саклей. Внутренность некоторых из этих саклей представляла роскошь, не виданную мною доселе в среднеазиатских городах. Попадались весьма обширные, а главное, весьма высокие, аршина в четыре с половиной вышиной залы, что большая редкость в Средней Азии. Несмотря на мрачность этих зал, неизбежную в азиатских зданиях, по малому числу и оригинальному устройству окон, нельзя было не отдать справедливости замечательно-красивой, и пожалуй, даже изящной, внутренней отделке некоторых из этих комнат. Большая часть из них имела стены, выложенные эмалированным разноцветным кирпичом, расположенным по весьма красивым, в восточном вкусе, рисункам. Подобная отделка покрывала стены или сплошь, или одни только панели, причем стены и сложенные из тополевых ветвей потолки были чисто выбелены».²⁹⁵

В 1856—1857 г. был выстроен караван-сарай, названный именем Рустам-бека. По размеру и количеству лавок он был больше двух остальных караван-сараев, имевшихся в городе. Им пользовались, в основном, крупные купцы.

В те же годы была построена баня. Кроме правителей, баню строили и богачи. Например, строительство самой боль-

шой бани в квартале Ок-мечеть старики связывают с именем некоего Юнус-бая. В городе имелось всего пять бань, выстроенных из жженого кирпича почти по одному образцу: с пятью (в среднем) комнатами, над каждой из них был купол с окном, через которое проникал свет.

В жилищном строительстве и города, и кишлаков преобладали здания из высушенных комков глины, Из битой глины строили дувалы. Жженный кирпич обжигали в особых печах и употребляли только в монументальном строительстве (медресе, бани). Благодаря близости Туркестанских гор с арчовым лесом, постройки, особенно в городе, были каркасными. Окон, в нашем смысле этого слова, не было. Их заменяли дарича (буквально—дверца: отверстия несколько меньшего размера, чем двери), в которые вставлялись красивые деревянные решетки. Способы отопления были различны. В городе наиболее распространены были сандалы, служившие одновременно столом для еды (этот способ бытует во многих местах Средней Азии до настоящего времени). В некоторых кишлаках имело место курное отопление костром. В бедных домах никакого уюта не было. Мебель отсутствовала вовсе. Бедняки и люди среднего достатка нередко использовали жилую комнату и как кухню, и как хранилища запасов продуктов и топлива и даже иногда как хлев для маленьких ягнят и телят. Для ночного освещения использовали коптилку на обыкновенном льяном масле. При таком освещении женщины ночью занимались даже вышиванием. Нужно ли удивляться, что многие женщины частично или целиком теряли зрение еще в молодые годы?

Стены бедных домов покрывались грубой глинно-саманной штукатуркой, а полы чаще всего—камышевыми циновками. Стены богатых домов были покрыты алебастром, на который наносился резной и расписной орнамент. Для фундамента и пола здесь нередко применялся жженный кирпич. Дома зажиточных людей имели две половины — мужскую и женскую. Посторонним мужчинам запрещалось заходить на женскую половину, а женщины не имели права выходить на мужскую.

Жители Ура-Тюбинского владения, как и весь таджикский народ, имея богатое культурное наследие, не могли им пользоваться. Хан, эмир, хакимы, духовенство, баи всячески душили развитие культуры, стремились держать народ в темноте и невежестве. Наука, искусство и просвещение почти целиком являлись достоянием богатых людей. Народ был под гнетущим влиянием мусульманского духовенства. Всяческий

проблеск светлой мысли жестоко подавлялся. Это служило основной причиной скитаний ура-тюбинских поэтов, тщетно надевавшихся, что в других городах Средней Азии им будет легче жить и творить. Немало выдающихся исторических памятников было в Ура-Тюбе. Но они не дошли до нас: слишком монго осад и разрушений перенес этот город во время феодальных войн.

Глава III

Ура-Тюбинский район в колониальный период (1866—1900)

§ 1. ПРИСОЕДИНЕНИЕ УРА-ТЮБИНСКОГО ВЛАДЕНИЯ К РОССИИ

Решительное наступление русской армии на Среднюю Азию началось в 1864 г., прежде всего — против Кокандского ханства. В сентябре царские войска взяли Чимкент и двинулись к Ташкенту. В апреле 1865 г. была взята крепость Ниязбек, а 17 мая — Ташкент. Междоусобицы в Кокандском ханстве и враждебные отношения между эмиром и ханом сыграли большую роль в быстром и успешном продвижении царских войск в Средней Азии. Русские генералы сразу оценили создававшуюся обстановку и, чтобы не воевать против двух ханств, установили дружественные отношения с Кокандом — для войны с Бухарой. Повод нашелся очень скоро: эмир потребовал освободить Ташкент от русских войск.

Осенью 1865 г. генерал Черняев, без ведома центральной власти, начал движение к Джизаку, находившемуся под властью эмира. Поход оказался безрезультатным. Черняева сменил генерал Романовский, который, прибыв на место, понял, что до похода на Джизак, следует захватить крепости Ходжент и Ура-Тюбе: они могли угрожать тыловым коммуникациям царских войск. Романовский писал о событиях этого времени: «Не следует забывать, что в то время мы не владели еще ни Ходжентом, ни Ура-Тюбе и единственное прямое сообщение с Джизаком шло через Голодную степь».²⁹⁶

И русские войска двинулись на Ходжент, который, находясь между двух ханств, играл важную экономическую и стратегическую роль. Между тем хан и эмир начали переговоры о совместном выступлении против царской армии, и хан собрал около Ходжента большие военные силы. Царское правительство правильно определило обстановку, считая, что присутствие русских войск в Ходженте отрезало бы Коканд от Бухары, открыв доступ в любое из этих владений.²⁹⁷ «Ходжент

представлял тогда несомненные выгоды, — писал Романовский, — отсюда открывались удобнейшие доступы и в Бухару, по направлению на Ура-Тюбе и Джизак, и в Коканд, и также в Наманган».²⁹⁸

На пути в Ходжент царские войска 8 мая 1866 г. нанесли эмиру серьезнейшее поражение у местности Ирджар. Эта победа, в основном, и решила судьбу Ходжента; отступавший в панике эмир не мог как следует подготовить его к обороне. 24 мая Ходжент был взят штурмом.

В сентябре 1866 г. в Ходжент прибыло бухарское посольство для переговоров о мире. Вел их генерал-губернатор Оренбурга Крыжановский. Условия, поставленные последним, в частности, уплата Бухарой контрибуции, были признаны неприемлемыми, переговоры ни к чему не привели.

Крыжановский приказал двигаться к Ура-Тюбе, имевшему большое стратегическое значение, ибо владея этим городом, «властитель Бухары мог еще надеяться удержать за собой долину Сыр-Дарьи».²⁹⁹ Десятидневный срок, данный эмиру через послов, кончился 23 сентября. Но уже 20-го царские войска двинулись к Нау, а 22-го — из Нау в направлении Ура-Тюбе. Прибыв в селение Науганда, находившееся в 15 км от города, русские отряды расположились там лагерем. 23 сентября к Ура-Тюбе был направлен отряд для рекогносцировки и для предъявления хакиму ультиматума о сдаче крепости. Ультиматум был отклонен. Обе стороны стали готовиться к битве.

Рекогносцировка вокруг ура-тюбинской крепости производилась несколько раз. Собрав нужные сведения, царские войска 27 сентября, согласно составленному плану, обложили крепость. Главные силы под начальством полковника Мантейфеля расположились недалеко от юго-западного угла города. Часть войск под начальством ротмистра Баранова должна была наступать с севера. По плану штурм крепости должен был начаться одновременно с южной и северо-восточной стороны несколькими колоннами. В ночь с 29 на 30 сентября, чтобы пробить брешь, были установлены батареи против северо-восточного фаса крепости. Чтобы отвлечь внимание ее защитников, отряды начали артиллерийский обстрел с южной стороны, фальшивые атаки кавалерии с ракетной командой на юго-восточный угол и атаки небольших колонн пехоты при трех орудиях против западного фаса и северо-западного угла. Бомбардировка крепости продолжалась всю ночь и дала русским войскам значительный моральный и материальный эффект: в городе вспыхнул пожар, а также был подавлен

огонь нескольких оборонявшихся орудий. Той же ночью были вырыты траншеи общей длиной в 200 сажен и устроено скрытое сообщение с резервом. В ночь на 1 октября все батареи наступающих войск были подготовлены к штурму. А следующей ночью для подавления оставшейся артиллерии ура-тюбинцев крепость опять была подвергнута артиллерийскому обстрелу.

На утро 2 октября назначался штурм крепости со всех сторон. Каждый отряд хорошо знал свою задачу. Были приготовлены штурмовые лестницы. 2 октября в 5 часов 30 минут утра штурм Ура-Тюбе начался. Полчаса спустя колонна царских войск при помощи лестниц по стенам и через северные ворота проникла в город. Завязались упорные рукопашные бои на улицах, в караван-сараях и на подступах к цитадели, которая была взята через час войсками Баранова. Более продолжительное сопротивление оказал северо-западный бастион, занимавший высшую точку крепости и вооруженный двумя большими и несколькими малыми орудиями. Организованное сопротивление войск, оборонявших крепость, продолжалось до 7 часов, т. е. всего полтора часа. После этого город оказался в руках царских войск. По случаю победы, генерал Крыжановский, 3 октября издал приказ, в котором говорилось: «2 октября сильная бухарская крепость Ура-Тюбе, весьма важная для нас во всех отношениях, после восьмидневной осады, взята штурмом. Гарнизон защищался упорно. У неприятеля отбито четыре знамени, 16 орудий и взято много пленных и оружия».³⁰⁰

О значении города Ура-Тюбе генерал Романовский, командовавший всеми войсками при штурме города, писал: «Ура-Тюбе, составлявший один из главнейших оплотов власти эмира в Средней Азии, пал... Можно надеяться, что падение этого столь важного для Бухары пункта будет иметь весьма большое значение не только в видах упрочения нашей власти в Средней Азии, но весьма благотворно в видах общего умиротворения края».³⁰¹

Такой быстрый успех царской армии объясняется плохим вооружением оборонявшихся, их слабым знанием военного дела, пассивностью обороны, а также тем, что народ не оказал поддержки эмиру и его вассалу — ура-тюбинскому хакиму. В штурме Ура-Тюбе участвовало 3 825 человек русской пехоты и кавалерии и 28 орудий. Потери составили 17 убитых и более 200 раненых и контуженных.³⁰² В операциях царских войск в 50-х и 60-х годов ни в Ташкенте, ни в Ходженте, ни в Самарканде (в 1868 г.) не участвовало столько войск, но тог-

да не было и таких потерь. Столь большое количество войск участвовало в штурме Ура-Тюбе потому, что военное командование придавало большое значение этому городу как одной из сильнейших среднеазиатских крепостей. Она была расположена на трех крутых и довольно больших высотах, идущих почти по прямой линии с востока на запад и полого склоняющихся в южную сторону. Все башни и барбетты были вооружены орудиями.³⁰³

Общее количество бухарских и ура-тюбинских войск, оборонявших город, нам установить не удалось. Как было сказано выше, по свидетельству М. Зиновьева, только регулярных войск в городе насчитывалось три или четыре тысяч.³⁰⁴ Потери оборонявшихся составили две тысячи убитых и раненых.³⁰⁵

После падения Ура-Тюбе небольшая крепость Заамин, правителем которой был сын хакима Абдулгаффар-бека Бекташ-бек, досталась царским войскам без единого выстрела, хотя Бекташ-бек готовился к обороне. Для этого он уничтожил все лавки вблизи цитадели и очистил площадь в радиусе пушечного выстрела. Но падение Ура-Тюбе послужило ему сигналом к бегству.

В другие населенные пункты вилаета были посланы отдельные отряды для фуражировки и разведки (в основном, с целью сбора сведений о крае).

Падение города означало переход всего Ура-Тюбинского владения в руки царских войск. М. А. Зиновьев пишет: «Видимый результат в здешней войне получается лишь взятием города или крепости (здесь нет неукрепленных городов). Только взятием города обеспечивается территориальное приобретение, единственный успех, какой может быть приобретен в здешней стране силой оружия».³⁰⁶

18 октября 1866 г. была занята крепость Джизак. После этого до 1868 г. больших военных операций не проводилось. Генерал Романовский писал по этому поводу: «Занятием осенью бухарских крепостей Ура-Тюбе и Джизака мы еще более отрезали Кокан от Бухары, и вся долина Сыра перешла в нашу власть. Во всяком случае эти приобретения облегчают для нас возможность стать в отношении к Бухаре в то положение, какое правительство признает для себя выгодным».³⁰⁷

Если учесть осаду, штурм, артиллерийские обстрелы и потери обеих сторон, то с военной точки зрения это означало завоевание Ура-Тюбе. То была, действительно, война, но война не с народом, а с хакимом и эмиром.

Принимая во внимание все муки, перенесенные жителями вилаета, можно считать, что русские войска вооруженным путем освободили ура-тюбинцев от феодальной тирании и феодальных войн.

Царские войска во всех занятых ими пунктах вели себя довольно гуманно. Например, по приказу хакима или эмира устраивались пожары в кишлаках, расположенных на пути следования русских войск к Ура-Тюбе. По приходе в горящие селения русские солдаты, прежде всего, тушили пожары. Такое поведение победившей армии было совершенно необычным для местных жителей, которые десятки раз видели, как завоеватели поджигали побежденные города и кишлаки. Или после штурма Ура-Тюбе по приказу командования все войска в тот же день были выведены из города. У всех городских ворот были поставлены часовые, которым надлежало пропускать в Ура-Тюбе его население и задерживать своих солдат. Местные жители получили возможность возвратиться домой и заняться мирным трудом. Это тоже было нечто новое: ведь до этого все завоеватели грабили ура-тюбинцев. Если до сих пор победители не только грабили и поджигали, но убивали даже стариков, женщин, детей, добивали раненых, угоняли здоровых в рабство, то русские оказывали помощь недавним своим противникам — раненым и освобождали рабов. После занятия Ходжента у русского лазарета несколько дней стояла очередь раненых из войск, перед тем оборонявших город. И русские врачи всем им оказывали медицинскую помощь. Люди, вылеченные последними, еще много лет спустя с благодарностью вспоминали о них, рассказывая о гуманности русских врачей и солдат, спасавших не только тех раненых, которые приходили к ним сами, но и тех, которых они подбирали на поле боя.³⁰⁸ Все это вызвало расположение мирного населения и подрывало влияние феодалов и духовенства, уверявших народ, будто русские безбожники и вообще злодеи. И часто там, где не было бухарских войск, местные жители добровольно признавали русское подданство.

При приближении царских войск к Нау в мае 1866 г., общал генерал Романовский, во всех селениях на пути, не исключая Нау, жители действительно встречали меня с хлебом-солью, с подобными же заявлениями покорности приходили жители и из других, иногда весьма отдаленных селений...³⁰⁹ Далее Романовский писал, что «не прошло еще двух месяцев после занятия Ходжента, но жители встречая меня уже по русскому обычаю с хлебом и солью, выражали вообще весь-

ма большое радушие и свое счастье быть в русском подданстве. Подобным же образом был встречен я при возвращении в Ташкент». ³¹⁰

Такое отношение народа к русским не могло не встревожить эмира и других правителей Средней Азии, призывающих народ к газавату. Чтобы такие встречи не повторялись, эмир и хаким начали применять насильственные меры. Генерал Романовский пишет: «При всей своей живописности окрестности Ура-Тюбе в день прихода нашего в Науганды представляли вид весьма печальный: деревни были пустые и многие из них с запасами фуража подожжены. По предварительному распоряжению Ура-Тюбинского бека, жители силою были загнаны в крепость или удалены в горы, а семейства влиятельнейших из них в залог верности заарестованы». ³¹¹

Местные жители, которых хаким не успел угнать из их селений, услышав от жителей Нау, что русские вовсе не такие «людоеды», как им говорили духовные отцы, не только не бежали в горы, а приветливо встречали русские войска. ³¹² Так же поступили жители Заамина, добровольно признавшие русское подданство. Жители Заамина, писал очевидец, «столь мирного настроения, что при приближении наших войск, сами вышли к нам навстречу с хлебом и солью». ³¹³

Некоторые представители из местных жителей помогали победителям чем могли. Так было в Нау и в Ура-Тюбе. Некоторые местные жители даже служили в обозах войск или в качестве разведчиков. Под Ура-Тюбе люди, служившие в обозе, «должны были идти с отрядом под городские стены... на расстоянии ружейного выстрела». ³¹⁴ Из рапорта управляющего населением Ура-Тюбинского района капитана Чайковского видно, что некоторые лица из ура-тюбинцев служили в вспомогательных частях в качестве разведчиков. ³¹⁵

О доверии местных жителей к русским свидетельствует то, что в этот период из Ура-Тюбе недовольные новыми порядками ушло в другие владения лишь 12 семей. ³¹⁶

Вскоре после прихода русских войск в Среднюю Азию совершенно прекратились разбой на дорогах, стало меньше кражи. «Водворилось спокойствие, какого, по уверению стариков, они давно не помнили. Жители всех селений выходили толпами навстречу на дорогу, высказывая свою усердную благодарность и полную готовность исполнять все приказания; их прежде сумрачные недоверчивые лица сияли доверием». ³¹⁷

Мир и спокойствие, установившиеся среди населения, признавшего российское подданство, не могли не повлиять на жи-

телей соседних территорий, находившихся под властью Бухары. Они стали просить русских освободить их от власти эмира и хакима. После занятия Джизака в русский лагерь явились «депутаты из Шахрисябза и других впереди лежащих местностей с просьбой продолжать наше наступление и с изъявлением готовности нам содействовать». ³¹⁸ Такие же делегации прибыли и из Зеравшанской долины. В рапорте исполнявшего должность военного начальника Ура-Тюбе, посланном 31 августа 1868 г. начальнику Ходжентского уезда, говорится, что в Ура-Тюбе прибыли из Матчи шесть человек, заявивших, что они уполномочены жителями всех кишлаков Нижней Матчи просить о принятии их в подданство России. К этому времени уже более ста семей из Матчи переселилось в пределы Ура-Тюбинского владения—кишлак Ау-чи. На запрос уездного начальника, как быть с просьбой матчинцев, Сыр-Дарьинское областное управление ответило: «В настоящее время не предполагается расширять наши пределы и занимать Матчу, а потому нет надобности посылать роту из Ходжента на подкрепление в Ура-Тюбе». ³¹⁹ Тем самым управление отказало матчинцам в их просьбе о принятии в российское подданство и освобождение от произвола феодальных деспотов.

Продвигаясь в глубь Средней Азии, царизм преследовал совершенно иные цели, чем освобождение местных жителей. Но сам по себе факт присоединения Ура-Тюбинского владения к России избавил его населения от постоянных феодальных войн, разорения и угона в чужие края.

Ни в России, ни в Средней Азии не сразу поняли и оценили последствия свершившегося. Значение присоединения местных жителей осознали лишь спустя некоторое время.

§ 2. ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

До издания проекта Положения 1867 г. об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями

На территории, занятой царскими войсками в Средней Азии, приказом военного министра от 12 февраля 1865 г. была образована Туркестанская область, которая охватывала площадь от Аральского моря до озера Иссык-Куль. Территории, приобретенные в последующие годы, включились в ее состав. Управление областью было поручено особому военному губернатору, который одновременно являлся коман-

дующим всеми расположенными там войсками и подчинялся в военном отношении командующему войсками Оренбургского края, а в гражданском — оренбургскому генерал-губернатору.

В первые месяцы после присоединения Ура-Тюбе к России военная и гражданская власть в городе и его окрестностях была сосредоточена в руках коменданта крепости, действовавшего согласно инструкциям и словесным указаниям военного губернатора.³²⁰

Были сохранены прежние границы вилайета (за исключением Зааминского района, из которого был образован самостоятельный отдел). В приказах по области, изданных в декабре 1866 г., комендант Ура-Тюбе именуется «заведующим туземным населением Ура-Тюбинского района». Имелся утвержденный штат для управления районом, состоявший из заведующего, его помощника, двух письменных и двух словесных переводчиков, двух писарей (1-го и 2-го класса) и десяти рассыльных. Все они получали содержание из местных доходов. В городе также была сохранена должность коменданта. В первое время после этого отношения гражданской власти к военной не были уточнены. Только генерал Романовский словесно указал, что комендант заведует войсками города, а управляющий населением считается гражданским чиновником и заведует местным населением. Но оба ясно не представляли своих функций и вмешивались в компетенцию друг друга.³²¹

Ввиду такой неразберихи власти искали новые методы организации управления населением. 13 декабря 1866 г. военный губернатор Туркестанской области представил командующему войсками Оренбургского военного округа рапорт, в котором писал, что «в видах скорейшего устройства края и лучшего его обеспечения признается необходимым из занятых в 1866 г. территорий на левом берегу Сыр-Дарьи (Ходжента, Нау, Ура-Тюбе, Заамина и Джизака), образовать один круг под именем Задарьинского». В состав этого округа должно было входить пять отделов. Это предложение было утверждено, и Ура-Тюбинский район с января 1867 г. стал одним из пяти этих отделов. Начальником его был назначен исполнявший обязанности коменданта Ходжента полковник Фаицкий.³²²

Управляющий населением Ура-Тюбинского района 16 мая 1867 г. представил на утверждение начальника Задарьинского округа штат местной администрации. При этом он принял во внимание старые должности, существовавшие при хакиме.

Согласно новому штатному расписанию в Ура-Тюбинском районе судебная власть состояла из казия—судьи, аълама—прокурора, толкователя статей шариата, муфтиев—стряпчих, подбиравших статьи шариата. Все люди, занимавшие эти должности, считались лицами духовно-юридическими. Они выбирались выборщиками, после чего подлежали утверждению военного губернатора и получали жалование по его раскладке. Гражданские должности представляли диванбеги, амлякдар, аксакал и курбаши. Первый считался сборщиком податей. Он получал в год 360 руб. серебром, утверждал его военный губернатор. Амлякдар был помощником диванбеги по сбору танапа и хараджа и пользовался содержанием, как и раньше, из кафсана (3 пуда с коша). В районе предполагалось иметь 10—12 амлякдаров. Аксакал, как и прежде, считался правительственным чиновником, надзирающим за порядком и чистотой в городе и кишлаках. Он должен был сообщать сведения по самым разнообразным вопросам и доставлять перевозочные средства. Всего аксакалов в районе было десять. Каждый из них имел при себе по писарю. Первые получали в месяц по 10 руб., вторые — по 5. Курбаши был полицейским чиновником, получавшим 180 руб. серебром в год. При курбаши имелся десяток джигитов (нечто вроде полицейских), получавших по 3 руб. в месяц. Жалованье всем этим лицам, до утверждения нового положения, выдавалось за счет так называемых городских доходов (базарных, весовых и т. п.).³²³ Сохранилась также должность зякетчи с прежними его функциями. На все эти посты назначались более или менее состоятельные люди.

Такой штат существовал в Ура-Тюбинском районе до 1868 г. — до введения в действие проекта Положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями. Царская власть в 1866 — 1867 гг. вынуждена была прибегать к таким порядкам в управлении, ибо, по словам генерала Кауфмана, «у губернаторов не было еще лиц, достаточно подготовленных для управления здешним народом, и еще потому, что наша власть не могла быть хорошо знакома ни с жизнью сартов, ни с теми из последних, которых нужно было допустить к участию в управлении городов и областью».³²⁴

После издания проекта
Положения 1867 г.

Для «всестороннего изучения народов Средней Азии» была образована комиссия под председательством действительного статского советника Гирса. В течение двух лет она об-

следовала край, составив затем проект положения об управлении народами Средней Азии, присоединенными к России. Особый комитет специально занялся изучением этого проекта и преобразовал Туркестанскую область в Туркестанское генерал-губернаторство. Эти изменения были утверждены царем 11 апреля 1867 г.

На основе нового положения, по приказу туркестанского генерал-губернатора от 21 февраля 1868 г. были образованы четыре организационные комиссии: Чимкентская, Кураминская, Ходжентская и Джизакская. Ходжентскую комиссию возглавлял полковник А. Кушакевич, назначенный с 13 августа 1867 г. начальником этого уезда. С учреждением комиссии старая администрация в районах была упразднена и начальники уездов приступили к своим обязанностям. Соответствующую инструкцию для организационной работы комиссия получила в конце марта 1868 г. В состав Ходжентской комиссии входили переводчики и 20 представителей местного населения.³²⁵

В инструкциях, высланных организационным комиссиям по Сыр-Дарьинской области говорилось, что они должны собирать все данные о кочевых, полукочевых и оседлых жителях, необходимые для устройства данной местности в административном и хозяйственном отношении. Для нового управления инструкция считала необходимым организовать более мелкие административные единицы, во главе каждой из которых должно стоять одно лицо — аксакал, объединяющий административную и полицейскую власть; в состав каждого аксакальства должно было войти от 500 до 2500 домов. Для этого следовало соединять по несколько близлежащих кишлаков под управлением одного аксакала. Если отдельный кишлак лежал далеко от остальных (более 10 верст) разрешалось организовать одно аксакальство, хотя бы количество домов было менее 500. Согласно инструкции, из нескольких аксакальств создавался район, подчиненный одному общественно-хозяйственному управлению. Для образования таких районов надо было учесть экономические условия каждой местности, особенно систему орошения. Местность, которая пользовалась одним арыком, должна была считаться одним районом. Это было предпринято для более организованного сбора податей и повинностей, особенно за орошение. Сохранялась должность и прежнее число арык-аксакалов.

В члены общественно-хозяйственного управления должно было выбираться от 3 до 5 человек по каждому аксакальству, в зависимости от количества жителей и размера податей, по-

ступавших с данного аксакальства. Местопребывание такого управления рекомендовалось выбирать в селениях и городах, расположенных на больших торговых путях.

В отношении суда казиев в инструкции говорилось, что он «должен терпеться, как неизбежный».³²⁶ Число казиев не должно было превышать числа, установленного в первые годы царской власти. Комиссия не имела права его увеличивать, но могла уменьшать. Кроме суда казиев, предлагалось учредить съезд казиев, получавший право решать дела уголовные и гражданские при иске свыше 100 руб. Решение съезда казиев считалось окончательным при иске в 1000 руб. Местному населению разрешалось обращаться и к русскому суду, но только до разбора дела у казия. После же разбора можно было обращаться в русский суд только при неудовольствии обеих сторон и с обоюдного на то согласия. Пределы судебных районов для съездов казиев, равно как время и место их, определялись военным губернатором.

Согласно инструкции, должностных лиц местного управления должны были избирать выборщики, избираемые по одному от 10—50 домов (смотря по величине аксакальства). Выборные и другие влиятельные лица не имели «права обсуждать проект положения, или выражать свои мнения насчет новых законов».³²⁷ Выборы следовало проводить отдельно по каждому аксакальству. Кроме аксакала, выборщикам полагалось выбирать арык-аксакала, казиев и членов общественно-хозяйственного управления, предварительно определив размер и виды (натурой или деньгами) содержания этих должностных лиц. Кроме того, выборщики избирали «кандидатов в аксакалы», т. е. их заместителей. Комиссия должна была рекомендовать выборщикам кандидатов на ту или иную должность. Во всем остальном комиссии запрещалось вмешиваться в выборы, но она имела право не утверждать выборов лиц или назначить новые выборы.

Для киргизов организация управления предписывалась такая же. При этом низшей административной единицей должны были быть аулы, имевшие от 100 до 250 домов. Аульный старшина отдельно лежащего аула, в административном отношении должен был пользоваться правами и обязанностями волостного управителя, подчиненного непосредственно уездному начальнику. Если в одном кишлаке жили и таджики, и киргизы, то управление организовывалось по типу, предписанному для национальности, составлявшей большинство. Если одним арыком пользовались жители разных аксакальств, последние должны были быть объединены под ведением од-

ного общественно-хозяйственного управления. В состав последнего полагалось избирать равное число членов от каждого аксакальства (по 3—5 человек).

Порядки и правила, предписанные инструкцией, в Ура-Тюбинском районе вошли в действие с 1 января 1869 г. 10 апреля организационная комиссия представила военному губернатору Сыр-Дарьинской области отчет о результатах своей работы. В нем говорилось, что местные условия во время проведения организационных работ заставили комиссию несколько отступить от инструкции туркестанского генерал-губернатора.³²⁸

Благодаря несложности системы орошения комиссия не встретила в Ура-Тюбинском районе больших затруднений. Из Ура-Тюбе и окрестных кишлаков (за исключением Зааминского района) был образован один район, подчиненный общественному управлению под названием «Ура-Тюбинское общественно-хозяйственное управление» с местопребыванием в Ура-Тюбе. Из селений, где жило оседлое население, было образовано семь аксакальств: Ура-Тюбинское, куда входило 2986 дворов, Басмандинское (327 дворов), Дальянское (788 дворов), Шахристанское (482 двора), Хавасское (318 дворов), Ганчинское (725 дворов) и Саватское (424 двора). Обязанности арык-аксакалов были возложены на аксакалов. Им было назначено жалованье от 120 до 600 руб. в год (смотря по числу населения). Каждый аксакал имел при себе рассыльных, содержавшихся за его счет (исключая Ура-Тюбе), где при аксакале было восемь рассыльных с жалованьем от 80 до 100 руб. в год.

При организации кочевого населения комиссия отделила киргизов от узбеков, так как места кочевки и жительства у них были разные. Выборщики этих двух аксакальств избрали одного представителя в Ура-Тюбинское общественно-хозяйственное управление. В Ходжентском уезде для кочующих киргизов было образовано 4 аула, каждый из которых получил название по стойбищу: Бишкентский, Исманийский № 1, Исманийский № 2 и Шахристанский. Последний вошел в состав Ура-Тюбинского района. Во главе аулов стояли старшины, имевшие права аксакалов. У кочевников-узбеков за основу были тоже взяты их зимние стойбища, и в каждый аул объединялись представители одного рода. По этому принципу было образовано три аула: Карапчинский (264 юрты), Туркский (104) и Парча-Юзский (158). Род марка вследствие его малочисленности был соединен с родом парча-юз. Аульные

старшины получали жалованье от 80 до 320 руб. в год. Они в отличие от аксакалов не имели рассыльных.

Из полукочевых узбеков было организовано два аксакальства — Чакирское и Наугандинское, имевшие соответственно 309 и 178 юрт. Полуоседлых узбеков, разбросанных среди оседлого населения, комиссия присоединила к оседлым аксакальствам; к Ганчинскому — Гуль-Кишлак в составе 19 юрт из рода карапчи; к Шахристанскому — кишлаки Паши и Кайрма с 63 и 56 юртовладельцами из рода парча-юз; к Хавасскому — кишлак Ит-Булак с 12 семьями из рода карапчи. Всего в районе было образовано 9 смешанных аксакальств, заселенных оседлыми и полуоседлыми жителями, и 4 аула кочевников. Судебная власть, согласно инструкции, создавалась параллельно с организацией аксакальств. Казия избирали все выборщики, избранные для выбора аксакала. Сход выборщиков представлял казию право получать отдельное вознаграждение: за приложение печати — по 20 коп., за венчание каждой невесты — по рублю и за раздел наследства — один процент его стоимости. Сход избирал муфтия при казии, который, как и казий, получал дополнительно за отдельные юридические услуги; за выбор подходящей статьи закона — 40 коп. за снятие копии дела — 10 коп. и т. п. За сходом оставалось право в дальнейшем определять суммы, уплачиваемые муфтию за ту или иную работу.

Должность старшего казия упразднилась. Для оседлого населения был избран один казий, для кочевых и полукочевых узбеков — один бий. Для четырех аулов кочевых киргизов было избрано два бия — один для Бишкентского аула, второй — для трех остальных. Бий и муфтии получали здесь за решение того ли иного дела примерно такую же плату, как и у оседлых жителей. Кочевым узбекам разрешили, по их просьбе, обращаться к ура-тюбинскому казию. Тем не менее, был избран один бий для разрешения мелких дел. У полуоседлых жителей организация суда была такая же, как у кочевников. Биев избирали так же, как казиев.

На сходе для выбора аксакалов был избран председатель Ура-Тюбинского общественно-хозяйственного управления — по два члена управления от города и пригородных кишлаков и семь — от периферийных (от каждого из семи оседлых и полуоседлых аксакальств).³²⁹ Общественно-хозяйственное управление главным образом занималось раскладкой податей по аксакальствам и аулам, учетом доходов по городу и аксакальствам, составлением смет на расходы. Все это утверждалось уездным начальником.

Бывшее Ура-Тюбинское владение считалось районом, во главе которого стоял старший помощник начальника Ходжентского уезда, назначаемый из русских офицеров. Помощником же его был представитель местного населения, именовавшийся младшим помощником уездного начальника. Район входил в состав Ходжентского уезда, а последний подчинялся (до 1887 г.) Сыр-Дарьинской области.

Как мы видим, разделение района на аксакальства и аулы не сводилось к обычному территориальному делению, а проводилось якобы с учетом этнографических особенностей населения. Фактически все дело заключалось в том, что с кочевников и оседлых жителей взимались подати разные и район делили так, чтобы было удобнее их собирать.³³⁰

В последующие годы царские власти ввели ряд изменений в местном управлении. С 1887 г. Ходжентский уезд и вместе с ним Ура-Тюбинский район перешел в состав вновь образованной Самаркандской области. С этого момента в районе для управления местным населением была введена должность участкового пристава, который утверждался генерал-губернатором по представлению областного правления и имел такие же права и обязанности, как становой пристав в России.³³¹

Прежние аксакальства были преобразованы в волостные управления, подчиненные участковому приставу. На основе инструкции, утвержденной генерал-губернатором 17 сентября 1888 г., волостное управление состояло из волостного съезда и волостного управителя. Съезд составлялся из сельских и волостных должностных лиц, замещаемых по выбору (волостной правитель, сельский или аульный старшина, помощники старшины), и выборщиков, избираемых сельскими сходами по одному от каждых пятидесяти домохозяев (согласно статье 85 Положения об управлении Туркестанским краем).³³² В выборе должностных лиц, назначении им содержания и раскладке кибиточной подати участвовали только выборщики. Волости делились на сельские и аульные общества, возглавляемые старшинами. Ура-Тюбинский состоял из четырех волостей: Ганчинской с тремя сельскими обществами; Ура-Тюбинской с двумя сельскими обществами; Дальнянской с двумя сельскими и двумя аульными обществами; Саватской с тремя сельскими и двумя аульными обществами. Количество волостей Ура-Тюбинского участка менялось каждый раз, когда областное управление считало это нужным. Так, в 1894—1895 г. в участок входила Ирджарская волость с четырьмя аульными обществами. В 1895 — три русских поселка — Надеждин-

ский (с населением в 165 человек), Романовский (67 жителей) и Николаевский (328 жителей).³³³ В 1897 — поселки Обетованный (83 жителя) и Волюнск (128 жителей).³³⁴ В 1898 г. отделилась Саватская волость, из которой был образован Саватский участок с центром на станции Черняево.

Изменения произошли и в составе общественно-хозяйственного управления. Теперь каждое аксакальство не выбирало своего представителя, как это было прежде: царское правительство по-видимому, сочло такой порядок слишком демократичным; поэтому в общественно-хозяйственном управлении с 1887 г. состояло три человека — двое русских и один представитель коренного населения. Кроме членов управления, избиралось три кандидата. Изменились также функции и название этого учреждения: оно было названо городским обществом и ведало только делами городского хозяйства и благоустройства.³³⁵

Изменилось положение и в судебной власти. Казийским судам было присвоено наименование «народных». Теперь они имелись в каждой волости и ауле. Кроме того, в Ура-Тюбе был городской суд. Он имел трех муфтиев, остальные суды — по одному.

Вопреки прежним порядкам, в Ура-Тюбинском участке была учреждена должность арык-аксакала, заведовавшего всей водной системой. В конце XIX и начале XX в. этот пост стали занимать русские специалисты. Должность аксакала была сохранена только в Ура-Тюбе, который был разделен на две части — Ахунанскую и Ходжа-Фахриддинскую. Каждая имела своего аксакала, подчиненного старшему аксакалу города. При волостных управителях и старшем городском аксакале имелись мирзы и джигиты (своего рода полицейские). Последних у старшего аксакала было 12.

Изменения в административном делении и в местном управлении производились и позже. Все они были явно реакционными, бюрократизирующими управление. Кроме того, поскольку штат местного управления содержался за счет сборов с населения, то увеличение его ложилось тяжелым бременем на население, увеличивая его расходы. Большинство волостных управителей и старшие аксакалы освобождались от податей. Суммы, причитавшиеся с их хозяйства, раскладывались на всех остальных членов общества. Таким образом, последние платили не только жалованье местным должностным лицам, но и причитавшиеся с них подати.³³⁶

Многие волостные управители, старшины, аксакалы и даже пятидесятники считали себя полновластными хозяевами

на всей территории и при попустительстве царских властей делали буквально все, что хотели: собирали подати больше положенного, налагали незаконные штрафы, применяли телесные наказания. Участковый пристав, уездный начальник Самаркандское областное управление и даже сам генерал-губернатор Туркестана получали бесчисленные жалобы на бесчинства должностных лиц. Например, 5 января 1900 г. житель кишлака Росроут Ганчинской волости Мир Ота Мухаммед Рабиев подал участковому приставу жалобу на басмандинского сельского старшину, который побил его и одну женщину и оштрафовал нескольких жителей без всякой причины (в том числе и эту женщину).³³⁷

Во время проведения выборов аксакала и волостных управителей должностные лица и представители имущего класса нередко нарушали порядок выборов, стараясь, при помощи подкупа и других незаконных действий, протасовать удобные им кандидатуры. В рапорте начальника Ходжентского уезда от 20 февраля 1897 г. указывается, что поступила жалоба от 104 жителей Дальянской волости Ура-Тюбинского участка на своего волостного управителя, который без всяких выборов назначил старшину аула Турк.³³⁸ В архивах Узбекской и Таджикской ССР имеется масса дел, содержащих подобные жалобы. Так, в 1890 г. поступила жалоба от жителя Карапчинского аула Саватской волости Уразбая о том, что старший аксакал Ура-Тюбе Салимбай Атаджанбаев ударил его на базаре.³³⁹ В 1901 г. 13 (из 20) пятидесятников Ахунанской части Ура-Тюбе прислали туркестанскому генерал-губернатору жалобу на того же Салимбая Атаджанбаева, замеченного в неблагоприятных действиях во время выборов кандидата на должность городского старшины. Из канцелярии генерал-губернатора военному губернатору Самаркандской области было послано письмо, в котором говорилось, что генерал-губернатор лично «изволил заметить, что это уже не первая жалоба на Салимбая».³⁴⁰ Тем не менее, Атаджанбаев оставался безнаказанным, продолжая занимать свой пост. Тот же генерал-губернатор неоднократно награждал его орденами и почетными халатами за усердие, проявленное во время выполнения им служебных обязанностей, за отсутствие недоимок и т. п.

Если власти не вмешивались в выборы, это было не выгодно для правительства: иногда выбор падал на людей, не удобных ему. Поэтому уездный начальник и участковый пристав стали вмешиваться в это дело, заранее указывая выборщикам кандидатуры на те или иные должности.

Волостной управитель, аксакалы, старшины и прочие были агентами царского правительства на местах, помогая ему эксплуатировать трудящихся. Награждая медалями и всякими ценностями должностных лиц местной администрации, самодержавие «создало класс» почетных туземцев, «не всегда принадлежавших к числу лучших представителей своего народа».³⁴¹ Под покровительством царских властей эти люди постепенно, за счет эксплуатации народа, превратились в богатых землевладельцев, купцов и предпринимателей. По словам старожилов, вышеупомянутый Атаджанбаев владел всеми орошаемыми землями кишлака Суфи-Ариф и арендовал за бесценок все земли, принадлежавшие бывшему хакиму. Кроме того, по сведениям 1886 г., ему принадлежало в хлебном ряду 15 лавок и один навес (место для торговли), и он взимал определенную сумму с торговцев,³⁴² продававших там свои товары. Почти столько лавок и много земли было у братьев и сыновей Салимбая.

Народ не мог примириться с таким положением. Убедившись, что царские власти не хотят наказывать таких людей, группа неизвестных лиц публично пыталась убить Салимбая, как это было с его братом Халимбаем.

Несмотря на все свои пороки, управление Ура-Тюбинским участком в колониальный период, по сравнению с эпохой хакимов, было прогрессивным. Это был шаг вперед по пути развития от феодальных порядков к буржуазным. Новая система выборов местной администрации и суда на трехгодичный период уничтожила наследственную власть хакимов, казиев и баев. В то же время, путем постепенного усовершенствования местной администрации, царские власти все более централизовали управление районами и кишлаками. В лице волостных, аксакалов и других должностных лиц и их покровителя — царизма «видели своего злейшего врага как трудящиеся России, так и угнетенные народы Средней Азии».³⁴³

§ 3. ВЛИЯНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ

Изменения в сельском хозяйстве

После присоединения Средней Азии к России все земли оседлого населения (амляковые, хараджные и мильковые) были зачислены в государственные с сохранением за земледельцами права наследственно-подворного владения. Усадебные участки, принадлежащие городским и сельским жителям,

считались их собственностью. Земли кочевников, как летовки, так и зимовки, признавались государственными, представленными кочевниками в общественное пользование на основании существовавшего у них обычая. Вакуфные земли всех видов в XIX в. еще сохранялись. В Ура-Тюбинском районе все земли, ранее принадлежавшие хакиму, перешли в собственность государства. Те из них, которые находились далеко от города, были проданы с торгов. Остальные (примерно 100 тапапов) каждые три года отдавались в аренду желающим. Крупные землевладельцы до присоединения Средней Азии к России сдавали свои земли издольщикам в аренду. Теперь, на основании новых правил, эти земли переходили в наследственное пользование арендаторов. Такой акт был продиктован, разумеется, не заботой о бедняках, а стремлением подорвать экономическую мощь и снизить общественный вес феодальной аристократии. Организаторами сопротивления царским войскам при их продвижении в Среднюю Азию обычно были именно феодалы, и от них можно было ожидать и в дальнейшем враждебных действий против царских властей, ограничивших их во многих областях жизни.

После присоединения края к России царские власти сначала не интересовались земельными фондами Средней Азии. Основные силы царизма были направлены на укрепление политического положения как на приобретенной территории, так и за рубежом — для оправдания своих действий в Средней Азии. На политику царского правительства в первые годы присоединения в какой-то мере оказали влияние реформы 60-х годов в России, и в частности, отмена крепостного права.

Земли крупных землевладельцев по-прежнему отдавались в аренду издольщикам — малоземельным и безземельным крестьянам, именуемым обычно в отчетах властей чернорабочими. По сведениям 1872 г., в Ура-Тюбе и Ура-Тюбинском аксакальстве всех владельцев числилось 746, из них «чернорабочих» — 367, т. е. почти половина. По всему району земледельцев насчитывалось 3490, в том числе 1016 «чернорабочих»³⁴⁴ (следовательно, безземельные дехкане составляли более 29% населения района). По отдельным кишлакам этот процент был еще выше. Например, в кишлаке Калачаи Гулизард было 10 землевладельцев и 10 безземельных; в кишлаке Суркат—14 землевладельцев и 13 безземельных; в кишлаке Тапкак—18 землевладельцев и 25 безземельных. Как и прежде, издольщики получали половину или четверть урожая — в зависимости от наличия у них инвентаря. В рапорте заведующего Ура-Тюбинским районом от 18 августа 1881 г. говорится:

«Доход получается от вакфов через отдачу оных в аренду за 1/4 часть посева, а сады по 3 рубля за тапап».³⁴⁵

В конце прошлого века с ростом товарно-денежных отношений в кишлаках начинается классовая дифференциация: с одной стороны, возрастает число безземельных хозяйств, с другой, происходит известный рост крупного землевладения. Например, по сведениям 1877 г., в Ура-Тюбинском районе насчитывалось 3198 земледельцев и 1434 «чернорабочих» (45%).³⁴⁶ Через четыре года землевладельцев было 4017, а безземельных 2131—уже 53%³⁴⁷.

Статистические данные о числе хозяйств накануне и в период революции 1905—1907 гг. по волостям и в целом по району (без г. Ура-Тюбе) приводятся в табл. 1.³⁴⁸

Таблица 1

Волости	Число хозяйств	Число безземельных	Отношение к общему числу хозяйств %
Ура-Тюбинская	1381	1036	75
Ганчинская	4339	920	21,2
Дальнянская	2743	440	16
Шахристанская	2406	450	19
Итого	10869	2846	26,1

Приведенные в табл. 1 цифры, сообщаемые в материалах ревизии сенатора К. К. Палена, свидетельствуют о том, что в Ура-Тюбинском районе за 25 лет число земледельческого населения увеличилось более чем вдвое. Причину небольшого увеличения безземельных, по сравнению с 70—80 годами, следует объяснить освоением новых земель (в основном, богарных). Однако, последнее было доступно не всем и не во всех волостях: порой не хватало и орудий труда, и рабочих рук. Поэтому в Ура-Тюбинской волости безземельных дехжан стало больше.

Для значительной части населения Ура-Тюбе основным занятием было земледелие и виноградарство. Приводимые ниже цифры являются ярким свидетельством роста числа безземельных хозяйств, с одной стороны, и сосредоточения больших земельных площадей в руках немногочисленных богачей, с другой. По сведениям 1877 г. в Ура-Тюбе насчитывалось 130 землевладельцев и 550 «чернорабочих».³⁴⁹ Очевидно, сую-

да не включены виноградары из числа горожан. В начале XX в.³⁵⁰ жило 180 человек, владевших 1918 танапами полей и виноградников. Из них 63 (35%) имели 1587 танапов, а 117—331, или всего 17,7% земли. Кроме того, все первые имели от одной до пяти торговых лавок. Некоторые богачи имели от 30 до 68 танапов каждый. У 927 горожан владели только виноградниками и у ста из них были торговые или ремесленные лавки. Большинство этих людей (793) жило в Ахунанской части города и только 134—в Ходжа-Фахриддинской. Анализ цифрового материала о виноградарях раскрывает яркую картину неравномерного распределения виноградников среди горожан, показывает процесс дифференции виноградарей в результате влияния капиталистических производственных отношений.

Из общего числа виноградарей виноградниками до двух танапов владели 562 человека, или более 60,6% (причем у половины из них было меньше танапа на каждого). От 2 до 8 танапов имели 336 человек (более 36,2%). От 8 до 64 танапов — 29 человек, или около 3%. Общая площадь виноградников у последних равнялась 374 танапам. Следовательно, основную массу виноградарей составляли бедняки, которым их урожай давал средства только для расходов семьи, содержания и обработки виноградника. Треть виноградарей владела 2 танапами виноградников; а небольшая часть, имевшая более 3 танапа, могла сбывать на рынке излишек своей продукции. Остальные 29 человек были крупными виноградарями. За счет разорявшихся мелких собственников они увеличивали площадь земли и эксплуатировали бедных виноградарей, представляя им кабальные кредиты. Богачи могли использовать наемную рабочую силу, применять удобрения и вытеснять своих конкурентов. По словам очевидца, если прежде богачом называли того, кто имел 10—15 тыс. руб., то теперь (в начале XX в.) такими стали называть тех, кто имел «по крайней мере, до полмиллиона».³⁵¹

Все это свидетельствует о том, что в Средней Азии складывались и получали дальнейшее развитие капиталистические производственные отношения.

29 виноградарей вместе с 63 крупными землевладельцами, эксплуатировали и городских, и сельских бедняков. Они были основными союзниками и опорой царской власти при осуществлении колониальной политики.

Из архивных материалов выясняется, что из 2625 глав хозяйств, включенных в список, у 1161 (44,2%) не имелось ни земли, ни лавок. Это был класс общества, трудом которого

обогащалась кучка эксплуататоров. И представители этого класса не могли мириться с угнетением. В процессе трудовой деятельности в колониальных условиях у них развивалось классовое самосознание, и они вступали на путь активной борьбы за свои права.

К числу крупного землевладения следует отнести и вакуфные земли, дававшие огромные доходы. В 1899 г. мечети Ура-Тюбе, Ганчинской, Ура-Тюбинской, Дальнянской волостей получили 1806 руб. 60 коп. и 2999 пудов зерна. Только одна мечеть в местности Азизляр Саватской волости получила 160 пудов пшеницы и ячменя. Пять медресе в Ура-Тюбе «заработали» 558 руб. и 6397 пудов зерна.³⁵² Доходы от вакуфного имущества расходовались не по назначению. Со слов ревизора Куна, проверявшего вакуфные имущества, этими доходами мутавалли распоряжались «произвольно, преследуя личные корыстные цели; ...в медресах почти отсутствуют учащиеся, и доходами пользуются лишь немногие, проживающие в них, часто и вовсе не занимающиеся, или окончившие учение, а также и те, которые оставили медресу и живут по домам, являясь лишь за получением доходов».³⁵³

Крестьян, обрабатывавших вакуфные земли, притесняли и государство и мутавалли. Кроме известной доли урожая, вносимой в пользу вакуфных учреждений, они платили и государственные налоги. Об этом свидетельствует жалоба жителя кишлака Суркат Мулла Азиза Мирза Саибова, поданная в Самаркандское областное управление в 1905 г. Он писал, что обрабатываемая им земля принадлежит вакуфу медресе Кок-Гумбес в Ура-Тюбе, что он вместе с государственными налогами платил часть дохода муллам этой медресе и что сейчас он не в силах уплатить требуемых налогов.³⁵⁴

Иногда крестьяне, обрабатывавшие вакуфные земли, отказывались вносить долю урожая в пользу вакуфных учреждений. В том же году в областное управление поступила жалоба от мударриса и мутаваллиев медресе Рустам-бека на то, что жители кишлаков Итарчи, Муджун, Ходжа-Кишлак и Анбаргаз не хотят платить долю урожая, захватили вакуфные земли; жалобщики просили принять по отношению к этим дехканам административные меры.³⁵⁵

В последней четверти прошлого века происходила специализация земледельческих районов Средней Азии в области производства сельскохозяйственных продуктов для продажи. Чтобы обеспечить фабрики и заводы европейской России сырьем, особенно хлопком, царское правительство стремилось к расширению хлопковых полей. На многих орошаемых зем-

лях, ранее засеваемых хлебами, теперь стали сеять хлопок. Это привело к увеличению посева зерновых культур на богарных землях и в районах, где из-за климатических условий не мог созреть хлопок. К таким районам относился и Ура-Тюбинский, преимущественно зерновой и скотоводческий. Если в 1872 г. здесь был посеян 45981 пуд пшеницы и 22589 пудов ячменя и снято 217983 пуда пшеницы и 97772 пуда ячменя,³⁵⁶ то в 1895 г. пшеницы было посеяно 75991 пуд и снято 480 080 пудов, а ячменя посеяно 44 727 пудов и снято 300 045.³⁵⁷

Развитие товарно-денежных отношений, усилившееся с проникновением русского капитала, вело к разрушению патриархально-феодалных отношений в земледелии и скотоводстве. В конце XIX столетия шел процесс дальнейшей дифференциации скотоводов. В крупных хозяйствах сосредоточились большие стада. По сведениям 1872 г., кочевники четырех аулов Ура-Тюбинского района имели, кроме небольшого количества другого скота, 31 тысячу овец.³⁵⁸ Мы имеем данные об этих аулах³⁵⁹ на 1878 г. (см. табл. 2).

Таблица 2

Аулы	Число кибыток	Общее число жителей	В том числе			Имеется скота			
			духовных лиц	ремесленников	торговцев скотом	верблюдов	лошадей	крупного скота	баранов
Карапчи	321	1418	13	132	17	671	605	76	38960
Парча-Юз	197	949	11	63	5	435	645	426	29750
Турк	144	605	9	59	3	152	340	250	16200
Шахристан	87	429	5	49	—	58	195	227	1211
Всего	749	3401	38	303	25	1316	1785	979	86121

Табл. 2 показывает, что скотоводство постепенно теряет свой прежний натурально-потребительский характер и развивается по линии увеличения товарных видов скота. Происходит специализация скотоводства, в котором выделяется пастбищно-овцеводческое хозяйство с разведением курдючных и каракулевых овец (по остальным видам скота больших изменений не было). Развитию овцеводства способствовала, с одной стороны, концентрация большого количества скота в руках крупных скотоводов, особенно в трех первых аулах, с другой, усиливавшееся разорение рядовых кочевников, кото-

рые стали заниматься ремеслом, земледелием, служить пастухами у богатей.

Пристав Ура-Тюбинского участка в рапорте от 4 августа 1892 г. указывает, что кочевники Дальнянской и Саватской волостей «в числе четырех аулов занимаются большей частью скотоводством, часть земледелием, выжиганием угля и, поташа, а также отхожим промыслом». Пристав дальше пишет, что из 291 юртовладельца волости исключительно скотоводством занимаются 200, земледелием — 60, а остальные выжигают уголь, вывозят дрова с гор и т. п. Из 403 юртовладельцев Саватской волости живут постоянно на одном месте 103. 70 из них занимаются земледелием, 33 — «поденными работами у более зажиточных людей, нанимаются в пастухи и занимаются выжиганием поташа, чем и ссыскивают себе пропитание». Земледелием занимались кочевники, не имевшие средств на пропитание скота.³⁶⁰ Из сказанного следует, что в районе постепенно происходило оседание кочевников. Оно началось с бедняков, не имевших совсем или имевших мало скота. Эти люди все больше и больше занимались земледелием. В 1872 году в Парча-Юзском ауле было посеяно 100 пудов пшеницы, 80 ячменя и 10 клевера, в Шахристанском — 50 пудов пшеницы и 40 ячменя.³⁶¹ Жители других аулов земледелием не занимались. В 1878 г. в связи с увеличением числа скота в Парча-Юзском ауле здесь перестали заниматься земледелием. В Карапчинском и Туркском аулах, где скота тоже стало больше, посеяли только 118 пудов пшеницы и 73 пуда ячменя. В Шахристанском ауле, где количество скота, наоборот, уменьшилось, земледелие стало почти единственным занятием прежних кочевников-скотоводов. Здесь в 1878 г. поселяли 420 пудов пшеницы, 306 ячменя и 7 клевера, собрав соответственно — 2498, 1672 и 350 пудов.³⁶²

После присоединения Ура-Тюбинского района к России начали разводить новые породы скота, в частности, тонкорунных овец, существование которых ранее здесь не отмечалось. По данным 1895 г., в Дальнянской волости их насчитывалось 2136 голов, в Ганчинской — 187.³⁶³

В связи с увеличением посевных площадей и количества скота сокращались пастбища. И скотоводы, чтобы сохранить животных зимой, стали заготавливать корма, что раньше редко практиковалось. Процесс заготовки кормов был облегчен с появлением русской косы, которую скотоводы степных районов позаимствовали у русских крестьян, живших в Туркестанском крае.

В Ура-Тюбинском районе сеяли и хлопок. В 1888 г. урожай его составил 549 пудов,³⁶⁴ в 1895—1434.³⁶⁵ Засаваемый здесь хлопок был из местных сортов и, по словам ура-тюбинского участкового пристава, мог удовлетворять только нужды населения района. Семена американского хлопка появились в эмирате еще в 1859 г. и в 1860 были посеяны. Но местные жители не поняли значения этого новшества и заокеанский гость не получил широкого применения. На территории Ганчинской волости, например, этот хлопок появился только в 1897 г. Им было засеяно 70 десятин земли.

Так же как хлопок, другие сельскохозяйственные культуры — клевер, табак и зигирь (местный лен), просо — удовлетворяли лишь внутренние потребности района. Предметом вывоза служили пшеница, ячмень, продукты скотоводства и садоводства. В отчете ура-тюбинского участкового пристава за 1884 г. сказано, что садоводство и огородничество все более развиваются.³⁶⁶ По сведениям 1878 г., под садами и огородами в районе было занято 676 десятин,³⁶⁷ в 1884—1782,³⁶⁸ а в 1895 г. только под виноградниками насчитывалось 792 десятины.³⁶⁹

На развитие специализированных сельскохозяйственных районов, увеличение посевных площадей и числа скота оказал влияние рост населения, в особенности городских жителей, которые предъявляли большой спрос на продукты питания и сельскохозяйственное сырье. В 1876 г. в Ура-Тюбинском районе насчитывалось 30 235 жителей, из которых в городе жило 7688.³⁷⁰ В 1888 г. городских жителей было 10 026,³⁷¹ а к концу XIX в.—20 837.³⁷² По сведениям 1873 г., увеличение населения по всему району в среднем составляло более 1500 человек в год.³⁷³

Царское правительство было заинтересовано в развитии шелководства в Туркестанском крае. Но местный шелк ценился на европейских биржах значительно ниже другого: он не имел требуемой тонкости и эластичности, был груб, сух, ломок и покупался исключительно лишь для выделки дешевых материй. Поэтому в Среднюю Азию стали ввозить новый сорт грены. Были также приняты меры для борьбы с болезнями червей. Постепенно шелководы приняли новый метод ухода за червями. Все это улучшило качество местного шелка и сыграло положительную роль в деле дальнейшего развития шелководства в Средней Азии. Через год после присоединения Ходжента к России некий Медведев применил новый способ запаривания коконов. Раньше коконы расстилались на солнце. Но зимой его бывает мало, и это ограничивало работу шел-

ководов. Медведев, вместо растилки на солнце, стал подвергать коконы действию пара. Благодаря этому, сухих коконов получалось больше, а главное — такой способ облегчал размотку шелка. Появились даже пособия по шелководству на местных языках. Но, хотя эта отрасль развивалась в Ходжентском уезде быстрыми темпами, в Ура-Тюбинском районе, в силу ранее указанных причин, развиваться по-настоящему оно не могло. По сведениям 1888 г., шелковичных червей разводили в районе всего 37 человек.³⁷⁴

Большого прогресса в применении сельскохозяйственных орудий у крестьян Средней Азии во второй половине XIX в. не наблюдается. Это объясняется тем, что сами русские крестьяне не владели усовершенствованными орудиями, которые по качеству отличались бы от тех, которыми пользовались коренные жители. Кое-какие сдвиги, впрочем, были. Так, военный губернатор Самаркандской области в отчете за 1901 г. писал, что для области было выписано из России различных земледельческих орудий на сумму до 3287 рублей.³⁷⁵

Огромное значение для сельского хозяйства Средней Азии имели опыты, производимые здесь русскими специалистами. Опытные станции имелись во всех областях Туркестанского генерал-губернаторства. Например, один опыт показал, что возможен поздний посев ячменя на поливных землях после уничтожения первых всходов саранчой; урожай на таких землях будет хороший. Этот метод стали применять все среднеазиатские крестьяне, ежегодно терпевшие большие убытки от налетов саранчи.

Опыты производились не только на специальных станциях, но и отдельными любителями, в частности русскими крестьянами, которые разводили различные сорта плодовых деревьев и винограда. Через русских в Средней Азии появились такие сорта яблок, как Золотой грин, Бойко, превосходное яблоко Семиренко, выведенное замечательным украинским садоводом-любителем, Кандиль и многие другие. Местные жители освоили культуру груши сортов Дюшес, Оливье де-серр и других, почти вытеснивших с рынка местные сорта грубые, невкусные, хотя и очень сочные. Такие сорта яблок, груш новые усовершенствованные сорта абрикосов, персиков и слив «завоевали себе солидный рынок в европейской России».³⁷⁶ В 1886 г. в Туркестанском крае был введен и распространен огневой способ сушки плодов, сыгравший важную роль в садоводстве.

Русские принесли в Среднюю Азию культуру картофеля, капусты, сельдерея, помидоров, клубники, смородины и ма-

лины. Самые ранние сведения о посадке картофеля в Ура-Тюбинском районе мы имеем за 1877 г.: было засеяно 4 четверти картофеля и собрано 25 четвертей.³⁷³ В конце XIX в. картофель, клубника, смородина и малина уже вошли в пищевое довольствие коренных жителей. Остальные культуры возделывались для продажи в городах с европейским населением. Местные жители стали сеять для продажи и ранний редис. Для этого были изготовлены своего рода парники без стекол — специальные ящики, которые в теплые дни выносились во двор, а в холодные стояли в комнате.

Интересными оказались наблюдения над дикорастущей рожью, сделанные Н. А. Северцовым. Он первым предложил ее широкое культивирование в Средней Азии.³⁷⁸ В Самарканде были сделаны пробные посевы семян китайской крапивы (рамы) и алжирского ковыля³⁷⁹ и рекомендованы специальные сорта трав для укрепления сыпучих песков.

До присоединения Средней Азии к России местные жители сажали коноплю несколькими кустиками исключительно для получения анаши (гашиша). У русских же крестьян они научились изготавливать из конопли веревочный материал высокого качества.

В конце прошлого века в Средней Азии стало развиваться пчеловодство. Началось это с Катта-Курганского уезда. Пионером по разведению пчеловодства в Ходженте был помощник уездного начальника П. С. Скварский. В 1900 г. он выписал с джизакской тюремной пасеки семью пчел кавказской породы. Но его пасека просуществовала только до конца осени. В 1903 г. жена доктора Пеньковского привезла в Ходжент из Катта-Кургана восемь ульев пчел той же породы.³⁸⁰ Впоследствии многие крестьяне и ремесленники Средней Азии стали интересоваться пчеловодством, особенно после того, как были выписаны из Италии пчелы без жала. Появились книжки по пчеловодству на местных языках. Они издавались, главным образом, в Самарканде. Так, были изданы в переводах известные труды профессора Бутлерова «Пчела и ее жизнь», «Уход за пчелами по методу Шарля Дадана» и проч.³⁸¹

Таким образом, русские помогли ввести новые породы скота, новые орудия труда, новые сельскохозяйственные культуры, что способствовало некоторому улучшению экономического положения и быта местного населения. Это было также одной из прогрессивных сторон присоединения Средней Азии к России.

Состояние ремесла

В первые годы после присоединения наблюдается некоторое оживление в ремесленной промышленности. У ремесленников появляется масса новых покупателей — русские солдаты, офицеры и интеллигенция.

По сведениям на 1 января 1871 г., царское правительство содержало в Средней Азии 27 254 солдат и офицера.³⁸² Для обеспечения войск необходимым обмундированием не хватало транспорта. Кроме того, перевозка грузов в эти края из-за отсутствия железных дорог обходилась очень дорого. Поэтому командование войсками в Средней Азии вынуждено было частично удовлетворять их нужды предметами, вырабатываемыми местными ремесленниками. Были образованы комиссии по исследованию «качества и удобства предметов ремесла для войсковых надобностей». Предметы, необходимые для войск, были определены в законодательном порядке и заготовка их поручена интендантам. На потребление армии шла продукция из хлопка, шерсти, кож и разная металлическая посуда. Замшевая кожа шла на шаровары, кожаные чембары местной выделки, для носки во время походов и вне службы. Мягкая кожа шла на сапоги. Из хлопчатобумажных тканей употребляли ткани или мату № 1, взамен офицерского госпитального холста, № 2 взамен солдатского рубашечного холста, № 3 — взамен солдатского подкладочного холста и т. д. Всего шло шесть сортов тканей. Из металлических изделий для госпиталей стали употреблять решетчатые фонари, ночники, миски, тарелки, кружки, солонки, чернильницы с песочницами, кастрюли. Из шерстяных изделий солдаты и офицеры пользовались тканью из верблюжьей шерсти, из которой местные жители шили чекмени (армячину). «Все казаки стали носить однообразные рубахи-косоворотки с плечевыми погонами, т. е. армячина в этом случае заменила полотно гимнастической рубахи».³⁸³ Такой материал отлично предохранял от солнца и не пропускал пыли. А самое главное, такой рубахи хватало на два—два с половиной года. Даже офицеры стали шить себе из армячины походные костюмы. Русские войска позаимствовали у местных кочевников войлочную палатку-шатер, удобную во всех отношениях, особенно во время похода. Два человека могли сложить ее во выюки за десять минут. Для укрепления палаток к кольям использовали бечевки, приготовляемые из хлопка или шерсти. Войска стали пользоваться арбами. Грузы перевозили и хранили в капах — мешках местного производства из грубой шерсти. В 1870 г. ташкентский

магазин приобрел на 2637 руб 31 коп таких капов для хранения муки, крупы и сухарей.³⁸⁴ Солдаты стали пользоваться торбами и хурджинами, очень удобными во время верховой езды.

В русской армии не доставало шанцевых инструментов, и солдаты стали пользоваться кетменем. В Туркестанском крае было мало русских кузнецов, поэтому они брали очень дорого за подковку лошадей и другие работы. Солдаты и офицеры стали обращаться к местным кузнецам.

Употребление русскими войсками предметов местного производства привело к большим изменениям в ремесленном деле. Солдаты делали заказы ремесленникам по своему вкусу и потребностям. Например, раньше ремесленники производили ткань шириной только в шесть вершков. Подрядчики, поставлявшие хлопчатобумажные ткани для армии, потребовали увеличить ширину до восьми вершков. По требованию солдат, ремесленники стали густо просаливать продаваемую кожу. Если раньше у подков местного производства шляпка гвоздей стиралась чрезвычайно быстро, то теперь кузнецы стали делать подковы и подковывать лошадей по русскому образцу, благодаря чему этот недостаток был ликвидирован.

Все эти нововведения не только улучшали качество ремесленной продукции, но также вели к нарушению цехового устава, тормозившего развитие ремесла. Продукция его вышла из границ, указанных в ремесленных трактатах (регламентациях).

Использование войсками палаток из кошмы, шерстяных изделий, торб, хурджинов, веревок, плетенки и т. п. способствовало развитию домашнего (в частности, среди женщин) ремесла у оседлых и кочевых народов. Для солдатских казарм требовалось большое количество дров, которые поставляли бедные кочевники, например, киргизов Шахристанского аула.

Ремесленники не только стали производить свою продукцию, подражая русским образцам. Через русских они научились делать вещи по образцам, принадлежащим другим народам. Русские купцы, зная потребности войск, расположенных в Средней Азии, начали завозить сюда много товаров, необходимых для армии, по очень высоким ценам. Сабля в России стоила 3—4 рубля, а в Средней Азии купцы продавали ее за 7—9. Привозились сабли разных образцов. Некоторые из них были неудобными при езде. Кроме того, у офицеров оказалось разнокалиберное оружие, что было некрасиво и неудобно во время парадов. Поэтому местным ремесленникам дали заказ на сабли кавказского образца «Туземные мастера довольно

удовлетворительно исполняли заказы: делали сносные ножи, покрытые местным шагреном и довольно недурную отделку чернью по серебру.

После первых опытов туземной работы между офицерами стали все более и более распространяться сабли кавказской формы».³⁸⁵

Знакомство с предметами ремесла русского и других народов расширяло кругозор местных ремесленников, увеличивало ассортимент их продукции и оживляло производство. Стараюсь удовлетворить вкусы новых потребителей, ремесленники постепенно переняли и ввели в употребление много новых инструментов. У плотников появились стальные инструменты, которых до сих пор не было. Эти мастера стали также употреблять верстаки и буравчики русского образца. Ткачи начали пользоваться железными цилиндрическими челноками с конусами на концах (челноки привозили из европейской России). В красильнях вместо дорогостоящих растительных красок пошли в ход искусственные краски, вдвое увеличивавшие производительность труда.

Новые орудия производства намного облегчили труд ремесленников и улучшили качество их продукции. Мастера не только меняли вид и качество вещей, но и стали выпускать такие предметы, которых ранее не знали. Гончары начали делать «ярко и пестро раскрашенные вазы для цветов, блюда для фруктов, суповые миски и нечто напоминающее по форме и окраске большие китайские вазы.

Под влиянием спроса со стороны русских потребителей, чугунные изделия с каждым годом видимо улучшаются: их делают теперь чище, тоньше и прочнее. Изготовление таких предметов, как колосники, кухонные плиты с 3—5 комфорками, маховики для машин и части для очистительных джинов, указывает на усовершенствование техники туземных литейщиков».³⁸⁶

Восприятие новых инструментов и усовершенствование продукции ремесла было выгодно ремесленникам, и они это хорошо сознавали. «При посещении моем в г. Ура-Тюбе гончарной мастерской, принадлежащей двум братьям, один из них Магомед Якуб Уста Шадиев высказал мне, что он желал бы поехать поучиться ремеслу в Европейской России, сознавая превосходство получаемых оттуда изделий над вырабатываемыми ими, но что он не может этого сделать за неимением средств на поездку».³⁸⁷

Одной из причин быстрого усовершенствования продукции ремесла была экономическая нужда ремесленников и конку-

ренция, происходившая в конце XIX в. между колонией и метрополией. Русские купцы и фабриканты стали в большом количестве ввозить в Среднюю Азию продукцию фабрик и заводов из центральной России и заграницы. Этот ввоз и конкуренция особенно увеличились с проведением железной дороги в Среднюю Азию. Вследствие дешевизны фабрично-заводской продукции ремесленники не выдерживали конкурентной борьбы, сокращали объем своего производства и, разорялись. По сведениям 1871 г., в Ура-Тюбинском районе было 25 кузниц, 18 красилен и 18 гончарных мастерских.³⁸⁸ В 1897 г. их осталось соответственно 18, 10 и 5.³⁸⁹

Как мы видим, конкуренция особенно чувствительно отразилась на гончарном промысле. «По отзывам кустарей, промысел их падает в настоящее время, так как в домашнем обиходе туземцев все более стала появляться дешевая посуда — чугунная, железная, медная, деревянная и гончарная, привозимая из Европейской России».³⁹⁰ По сведениям того же автора, дневной заработок гончаров в 1895—1896 г. составлял 35 копеек, а у остальных ремесленников — столько же, а то и меньше,³⁹¹ т. е. ремесленники зарабатывали за день не больше, чем рабочие. Многие ремесленники, не выдержав конкуренции, бросали свои мастерские и превращались в рабочих, увеличивая число пролетариев.

О разорении большого числа ремесленников, а также мелких торговцев свидетельствует сокращение в Ура-Тюбе числа лавок, как ремесленных, так и торговых. По сведениям 1886 г., в городе насчитывалось 1010 лавок. 424 человека имели по одной лавке. Это, в основном, были ремесленники, которым лавка служила и местом работы, и местом сбыта продукции. У 122 человек было по 2 лавки. Остальными 342 лавками владели 74 человека (причем у одного их было 30).³⁹² К 1905—1906 г. в Ура-Тюбе имелось только 742 лавки. Следовательно, за 20 лет число их сократилось на 268, или на 26,5%. Из них по одной лавке было у 250 человек (сокращение на 41%), по 2—у 60 (сокращение больше чем наполовину).³⁹³ Остальные лавки находились в руках небольшого числа людей, которые испытывали конкуренцию дешевой фабрично-заводской продукции России. Ремесленники с небольшим капиталом, которого часто не хватало на простое воспроизводство рабочей силы и восстановление процессов производства, не могли конкурировать с промышленными предприятиями.

Те, у кого было больше двух лавок, несомненно, эксплуатировали чужой труд. Обычно лавка сдавалась в аренду по договору, согласно которому арендатор обязан был отдавать

хозяину половину годового дохода. При нарушении этого условия действие договора прекращалось, и лавка передавалась другому на тех же условиях. Арендовали лавки бедные ремесленники, которым негде было работать и продавать свою продукцию, или мелкие торговцы. Разорение ремесленников и превращение их в пролетариев означало освобождение непосредственного производителя от средств производства и превращение рабочей силы в товар, т. е. процесс превращения феодального общества в капиталистическое.

До 90-х годов ввоз капитала из метрополии в Среднюю Азию почти не наблюдался. Дело ограничивалось скупкой сырья у местных купцов и продажей (по большей части) готовых предметов. Промышленность, которую самодержавие старалось развивать в Средней Азии, носила колониальный характер, была преимущественно легкой. Например, из 14 фабрично-заводских предприятий, существовавших в Ходжентском уезде, 8 перерабатывали продукты животноводства, 5—растительные продукты, и одно занималось добычей угля. Годовая производительность всех предприятий в 1895 г. составляла 324 626 руб., из которых на долю первых двух видов приходилось 316 626 руб.³⁹⁴

Царские власти смотрели на Ура-Тюбинский район, помимо всего прочего, как на базу по производству вина. В 1895 г. от сильных и частых дождей здесь сгнило много винограда. И все же с 792 десятин его было собрано 84 897 пудов. Свежий виноград стоил от 30 до 45 копеек пуд, сушеный — от 90 коп. до 1 руб. 20 коп. В том же году в Ура-Тюбе вступил в строй винодельческий завод Е. С. Степанова, получавший по 1800 ведер вина в год. На местном рынке ведро вина стоило 3 руб. 80 коп.³⁹⁵ Следовательно, годовой доход заводчика составлял 6 840 руб.

В связи с установившимися тесными экономическими связями Средней Азии с Россией и ростом торговли, среди коренного населения появляются люди, владеющие большими капиталами. Складывается национальный капитал и национальная промышленность. В области промышленного производства этот капитал сталкивается с серьезной конкуренцией русского и иностранного капитала. Поэтому главное свое применение он находит в сфере товарного обращения и ростовщических операциях. Еще в начале 70-х годов в Ура-Тюбе был построен кожевенный завод с 25 чанами, принадлежавший местному богачу Киргизбаю. По сведениям 1874 г., на заводе работало 44 рабочих. За год было выработано 12 300 кож на 8300 руб.³⁹⁶ В следующем году завод имел 29 чанов и выработал 12 600 кож на 9600 руб.³⁹⁷

В связи со строительством служебных помещений, частных домов, особенно в русской части города, казарм для солдат и т. д., возникла необходимость в кирпиче. В 1882 г. в Ура-Тюбе один из местных баев построил кирпичный завод. В начале он был маломощным, но, как говорилось в годовом отчете заведующего районом, намечалось в дальнейшем расширить это предприятие.³⁹⁸

В конце XIX в. местные богачи-купцы стали владеть и мануфактурной промышленностью. По сведениям 1889 г., в Ура-Тюбе существовали две мануфактуры, принадлежавшие Шамирзо Каримову и Муминбаю Раджабову.³⁹⁹ Это были крупные торговцы, превратившиеся впоследствии в промышленников-капиталистов. Эти торговцы и промышленники вместе с русскими и иностранными капиталистами эксплуатировали свой собственный народ, особенно рабочих, которые получали мизерную заработную плату. По сведениям 1895 г., при найме рабочих на заводы, к мастерам и феодалам-землеладельцам ставки были следующие; на всем содержании нанятеля — в день 20 копеек, в год от 72 до 100 руб.; на своем содержании — в день 35 копеек, в год от 80 до 100 руб.⁴⁰⁰ Рабочий на свой дневной заработок мог купить лишь от одного до полутора килограммов пшеницы или от полутора до трех килограммов ячменя, которых не хватало на пропитание семьи.⁴⁰¹

Так, в Средней Азии стал появляться местный пролетариат, сыгравший определенную роль в революционном движении начала XX в. Вместе с ремесленной и легкой промышленностью, вопреки желанию российских капиталистов, начала создаваться более современная промышленность. Чтобы не ввозить сырец, стали строить хлопкоочистительные заводы. Начала складываться и горнодобывающая промышленность. Разрушались отжившие феодальные порядки, вырастал капиталистический уклад. Все это, вместе с изменениями в оружии производства и нарушением цеховой регламентации, было одной из прогрессивных сторон присоединения Средней Азии к России.

Развитие торговли

После присоединения Ура-Тюбинского района к России наблюдается быстрое развитие торговли, чему всячески способствовали царские власти. Поэтому сборы с торгового капитала возрастали не в такой мере, как налоги. Главную роль в росте торговли сыграли установление экономических связей Средней Азии с Россией, увеличение размеров ввоза и

вывоза товаров, улучшение условий связи с метрополией и между отдельными областями Средней Азии, увеличение численности населения и городов. По проекту Положения, 1867 г. с торговцев, как и прежде, взимался зякет в размере сороковой части их капитала. По сведениям 1870 г., в ура-тюбинском районе числилось 25 оптовых торговцев, каждый из которых имел от 160 до 2200 руб. капитала (всего на 12730 руб.), шестеро мелочных торговцев с капиталом от 160 до 200 руб. (всего на 1000 руб.); семеро торговцев-индийцев (в документе их называют лавочными торговцами) с капиталом от 220 до 600 руб., всего 108 на 2460. Кроме них, были торговцы различными предметами (табл. 3).

Таблица 3

	Число торговцев	Капитала у каждого от и до (в руб.)	Всего на сумму (в руб.)
Овощи	3	160 - 300	660
Ячмень	3	160—300	620
Мясо	2	160	320
Крупы	3	160—200	560
Чай	4	160—240	720
Подкладочный материал	2	160—500	660
Кожевенные товары	2	160	320
Готовое платье	4	160—200	720
Ситец	14	160—800	5190
Обмен денег	4	160—200	680
Всего	41		10450 ⁴⁰²

79 оптовых, мелочных и лавочных торговцев имели капитал в 26640 руб. С них было взыскано в этом году 244 руб. внутреннего зякета, т. е. примерно по одному рублю с каждого 110. Такой порядок сохранялся до 1875 г. По указу царя от 3 мая 1874 г., с 1 января 1875 г. в Туркестанском крае был отменен зякетный сбор с русских и местных торговцев. Как временная мера, сроком на четыре года вводилось положение о пошлинах (от 9 февраля 1865 г.)⁴⁰³ На его основе, купцам стали выдавать документы на право торговли. Города по объему торговли были разделены на классы. Ура-Тюбе был отнесен к пятому классу. В 1875 г. здесь были выданы следующие торговые свидетельства. Свидетельств второй гильдии пятого класса — 9, на сумму 225 руб. (серебром). С этих куп-

цов было получено 49 руб. 50 коп. государственных повинностей, 32 руб. 40 коп. губернских земских повинностей. Один билет был выдан на лавки пятого класса первой гильдии, на 10 руб.; второй гильдии—19, на 95 руб. Свидетельств на мелочную торговлю пятого класса с полной пошлиной — 6, на 48 руб., с половинной пошлиной—1, на 4 руб. Билетов на лавки мелочного торгоа пятого класса было выдано 32 на 64 руб.; свидетельств на мещанские промыслы — 2, на 5 руб.; свидетельств на разный торг—20, на 120 руб.; приказчиьх свидетельств первого класса—13, на 260 руб., второго класса—8, на 40 руб. Всего было выдано 111 торговых документов на сумму 952 руб. 90 коп.

Через девять лет таких свидетельств было выдано значительно больше, что свидетельствует о росте торговли и торгового капитала в районе. В годовом отчете заведующего Ура-Тюбинским районом за 1884 год сообщается, что торговых документов было выдано:

Годовых свидетельств 2-й гильдии	— 15,
Мелочного торгоа с полной пошлиной	— 54,
Мелочного торгоа с половинной пошлиной	— 30,
На торг разносный	— 18,
На торг развозной	— 1,
На приказчиков 1-го класса	— 22,
То же 2-го класса	— 98,
Билетов 2-й гильдии	— 37,
Билетов мелочного торгоа	— 842.

Как видим, торговых документов в 1884 г. было выдано 1117, или более чем в десять раз по сравнению с 1875 г.

Ремесленников, торговавших своей продукцией, также заставляли получать подобные документы. В том же отчете говорится, что на «мещанские промыслы было выдано 67 торговых свидетельств и на промыслы 3-го разряда—47». ⁴⁰⁴

Взимание пошлин с торговых промыслов продолжалось гораздо дольше, чем это предписывалось царским указом. В 1899 г. торговля и промыслы были обложены не пошлинами, а государственным промысловым налогом. На основе этого, в Ура-Тюбинском участке казначейством и податным инспектором было «продано промысловых документов на 7523 руб. 70 коп., Ура-Тюбинским участковым приставом на 5450 руб. 25 коп., что составит 12 973 руб. 95 коп.». ⁴⁰⁵ Это на 5216,8% превышало внутренний зякет, взысканный в 1870 г., что является ярким показателем быстрого роста торговли в районе после присоединения его к России.

О развитии торговли также свидетельствует и увеличение ее оборота по городу. По сведениям 1878 г., торговый оборот

Ура-Тюбе составлял: по привозу 102 000 руб., по вывозу—96 000. В 1885 г. общая сумма по тому и другому виду равнялась 222 310 руб. ⁴⁰⁷ Сумма привоза превышала сумму вывоза. Этот дефицит, очевидно, покрывался за счет заработков населения за пределами района.

Открытие в крупных населенных пунктах новых базаров и увеличение числа караван-сараев тоже свидетельствует о росте торговли и все увеличивающихся потребностях населения. Такие базары в Ура-Тюбинском районе в конце XIX в. были открыты в селениях Шахристан, Чаканд и Хавас. По сведениям 1888 г., караван-сараев в Ахунанской части Ура-Тюбе имелось 6, в Ходжа-Фахриддинском—10; в Ганчинской волости в кишлаках Ходжа-Таир, Тугуз—Чилиак и в Саватской волости в кишлаках Сават, Логин и Хавас—по одному. Всего в районе был 21 караван-сарай. ⁴⁰⁸

Ассортимент товаров, привозимых в Ура-Тюбе из разных городов Средней Азии и России, оставался, в основном, тем же. Но все больше в оборот поступали чай, сахар, соль, железные изделия, фарфоровая и медная посуда. В 1884 г. из Ферганской области, в частности, из Коканда в Ура-Тюбе прибыло 4 каравана из 15 верблюдов и 15 арб, с грузом 720 пудов, который оценивался в 9813 руб. 90 коп. Из Сыр-Дарьинской области, в частности, из Ташкента пришло 6 караванов из 1150 верблюдов и 50 арб, доставивших 4000 пудов груза, стоимостью в 17000 руб. 60 коп. Из Зеравшанского отдела, в частности из Самарканда, поступило 18 караванов, насчитывавших 49 верблюдов, 55 лошадей и 2 арбы и доставивших 1326 груза на 34282 руб. Кроме того, оттуда же прибыло баранов, рогатого скота и лошадей на 150 000 руб. ⁴⁰⁹

В том же году из Ура-Тюбе только в Ташкент и Ходжент было вывезено 12 караванов изюма, пшеницы и ячменя. Из них четыре каравана на 400 верблюдах вывезли в Ташкент 6400 пуд. изюма на 6400 руб.; а в Ходжент — 8 (4— на 50 верблюдах и 100 арбах с 4000 пуд. пшеницы на 1600 руб. и 4— на 50 верблюдах и 40 арбах с 2240 пуд. ячменя на 560 руб. ⁴¹⁰ А уже в 1885 г. из Ура-Тюбинского района только в Сыр-Дарьинскую область, в том числе в Ташкент, было отправлено 14 караванов в 455 верблюдов и 210 арб. Они доставили туда 4800 пуд. изюма, 6000—пшеницы и 2500—ячменя, всего на 9950 руб. (с перевозкой). ⁴¹¹

Огромным толчком к развитию торговли послужило проведение в Средней Азии железной дороги. В 1897 г. военный губернатор Самаркандской области писал, что железная дорога повлияла «на торговлю г. г. Ходжент и Ура-Тюбе, куда многочисленный пришлый железнодорожный люд прибывает

за надобностями, — увеличились доходы постоянных дворов, открылись новые харчевни и т. п.».⁴¹² Железная дорога проходила не через сам Ура-Тюбе, а через ближнее селение Хавас, где была построена станция Черняево. Ура-Тюбинский район пользовался также услугами железной дороги через станцию Хилково. «В районе влияния этой станции находится заштатный город Ходжентского уезда Ура-Тюбе, расположенный в 30 вер. к югу от линии железной дороги».⁴¹³ По сведениям 1900 г., только со станции Черняево отправлено было 13 104 пассажира и прибыло сюда 13 200. Грузов пришло 124 930 пудов, отправлено—377311 (изюма—78005, сушеных фруктов—76766, хлопка—102120, шелка и коконов 1354 пуда),⁴¹⁴ т. е. вывоз с территории района превышал ввоз более чем втрое.

Значительный удельный вес во внешней торговле Ура-Тюбинского района занимали продукты скотоводства. По сведениям 1903 г., количество сырых животных продуктов, осмотренных Самаркандским и Ура-Тюбинским пунктовыми врачами и отправленных в другие города России и за границу, было следующее: кишок—8557 пуд., невыделанных кож—56 466 штук, овчин 373 545 штук, мерлушек—91 304 штук, шерсти овечьей и конского волоса 9850 пудов.⁴¹⁵ Вышеприведенные данные свидетельствуют о все увеличивавшемся объеме товарооборота между метрополией и колонией. Из ассортимента вывозимых и привозимых товаров видно, что Средняя Азия, в том числе и Ура-Тюбинский район, сохранялась царизмом в качестве источника сырья и рынка сбыта. Ее продуктами обеспечивались фабрики и заводы и обогащались фабриканты и заводчики России.

Налоговая политика царизма

В первые годы после присоединения Средней Азии к России, согласно положению 1867 г., оседлое население платило харадж в размере 1/10 и танап в размере 1/6 доли урожая. Такой порядок существовал не везде. В 1867 г. во время пребывания в Ура-Тюбе туркестанского генерал-губернатора жители обращались к нему с различными жалобами. Одна из них сообщала, что харадж взимается вдвое больше положенного: не десятая, а пятая часть урожая. Управляющий населением района объяснил генерал-губернатору, что такой порядок был предписан ему военным губернатором бывшей туркестанской области.⁴¹⁶

Были и другие случаи, когда один и тот же налог взимали с населения дважды. Десять семей кочевников-киргизов жаловались военному губернатору, что хотя во время кочевки в

Зааминском районе с них уже был взыскан налог, когда они перекочевали в Шахристанский район, их вторично заставили уплатить его.⁴¹⁷ Происходило это потому, что царская администрация сразу не установила надлежащего порядка в местном управлении, в частности—единого порядка сбора налогов. Вследствие неоднократных жалоб населения, царские власти вынуждены были уравнивать Ура-Тюбинский район с другими районами в уплате хараджа и его стали взимать в размере 1/10 части урожая. Танапная подать, на основе рапорта начальника Ходжентского уезда от 7 июля 1868 г., взималась с садов по 1 руб. 40 коп., с клевера—по 70 коп. за танап.⁴¹⁸

Харадж взимался деньгами или натурой. Деньгами в 1868 г. по Ура-Тюбинскому району было собрано 8 076 руб. 14 коп., танапа—7245 руб. 36 коп.⁴¹⁹ Натурального хараджа в 1870 г. поступило: кунжута—10 пудов, гороха—12, хлопка—596 пудов 16 фунтов, махсара—575 пудов 19 фунтов, кашки (род ваты)—143 пуда 20 фунтов, моркови—483 пуда 20 фунтов, лука—54 пуда 36 фунтов, пшеницы—14 519 пудов 12 фунтов, ячменя—7 574 пуда 36 фунтов; проса—1765 пудов 38 фунтов, кунака—641 пуд 38 фунтов и табака—2 пуда 12 фунтов.⁴²⁰ В последующие годы, после перевода хараджа и танапа в поземельную подать, их взимали большей частью не натурой, а деньгами.

В 1870 г. харадж и танап были заменены окладной поземельной податью. При этом генерал-губернатор исходил, во-первых, из того, что такой сбор ведет к многочисленным и неудобным злоупотреблениям; во-вторых (и это главное), он обходился слишком дорого для царских властей. 1869 г. был весьма урожайным, поэтому сумма хараджа и танапа за него была принята как оклад по волостям. Внутри волостей и кишлаков поземельная подать на каждое хозяйство распределялась самими волостными управителями и старшинами. Но от изменения названия налога его сумма не изменялась. Как и прежде, поземельная подать превышала десятую часть урожая, благодаря злоупотреблениям сборщиков, не оправдавших эту законную норму налога действительными его поступлениями. О недостатках новой системы получения подати сам генерал-губернатор Кауфман писал: Новоустроенная система окладной поземельной подати уже не имела той справедливости, которая лежит в основании хараджной системы. Раскладка внутри волостей и аулов не всегда производится правильно, многие малоземельные местности не могут идти и развиваться в отношении земледелия одинаково с местно-

стями, богатыми землей и поэтому уплачивают пропорционально более их». ⁴²¹

С кочевого населения взималась кибиточная подать в размере 2 руб. 25 коп. с каждой кибитки. Кочевников, ввиду их постоянного передвижения, трудно было привлечь к исполнению общественных повинностей (ремонта и строительства мостов, дорог, арыков); поэтому к вышеупомянутой сумме прибавили по 50 коп. с кибитки—как земский сбор. Оседлые жители общественные повинности выполняли преимущественно натурой. Кроме того, они платили и земский сбор, взимание которого мотивировалось тем, что различные строительно-дорожные сооружения нельзя выполнить только натуральной повинностью населения, так как они требуют непосильных для него технических приемов. К таким работам относили строительство домиков на почтовых трактах, помещений для областного управления и генерал-губернатора, отопление и освещение этих зданий, строительство тюрем и этапных помещений, а также мостов, шоссе, плотин. Исходя из этого и оседлое, и кочевое население было обложено дополнительным земским сбором. Размер его по Сыр-Дарьинской области доходил до 75 коп. с дома и юрты и назывался дорожной повинностью. Впоследствии размер этого сбора достиг рубля, а в 1880 г. поднялся до 1 руб. 25 коп. При обложении такой податью администрация учитывала только количество домов и юрт, не обращая внимания на материальное положение их хозяев, что, конечно, вызывало недовольство. Даже Кауфман писал, что земская повинность пользуется «особой непопулярностью у населения мусульманского, которое весьма трудно мирится с налогами, имеющими характер личных и напоминающими ему унижительные предания даней, налагавшихся на поработанный некогда край его азиатскими завоевателями». ⁴²²

В 1869 г. дорожной повинности жителей Ура-Тюбинского района было собрано с 6537 домов 4902 руб. 75 коп., с четырех аулов, в которых насчитывался 581 юртовладелец—449 руб. 25 коп. Лишь в 1873 г. обнаружили, что дворов оседлого населения в действительности гораздо меньше: не 6537, а 5912. Потому начальник Ходжентского уезда в своем рапорте от 31 марта 1873 г. писал: «В 1871 г. при уплате дорожной повинности жители Ура-Тюбе платили не по 75 коп., а по 1 руб. 30 коп.». ⁴²³

Если в одном доме жили две семьи или больше и каждая имела свой отдельный очаг, сборщики взимали дорожную повинность не с дома, как предписывало положение, а с каждой

семьи. Хотя в 1881 г. областное правление и канцелярия генерал-губернатора, чтобы уменьшить путаницу и злоупотребления со стороны местной администрации, дополнительно издали распоряжение о взимании этой подати именно с дома, а не с семьи, из-за бесконтрольности такие злоупотребления продолжались. ⁴²⁴

В 1873 г. с кочевников взыскали 2040 руб. 50 коп. кибиточной подати, 556 руб. 50 коп. дорожной повинности. С оседлого населения получили поземельной подати 29718 руб. 15 коп.—почти вдвое больше, чем в 1868 г., и дорожной повинности 4434 руб. ⁴²⁵

В рапорте начальника Ходжентского уезда от 6 марта 1875 г. говорится, что по уезду подати в 1873 г. против 1870 увеличились на 15% и что городское и сельское население Ура-Тюбинского хозяйственного управления страдает от недостатка воды. Годы, когда воды бывает больше обычного, служат для жителей «только средством покрыть долги недоимки неурожайных городов». ⁴²⁶ Таким годом был 1870. Если до сентября 7 пудов пшеницы стоили 3 руб. 80 коп., то к концу этого месяца, впоследствии плохого урожая, за такую цену можно было купить только 3 пуда 20 фунтов пшеницы. ⁴²⁷

В упомянутом рапорте уездного начальника говорится, что на каждый дом падает по 8 руб. $\frac{1}{4}$ коп. подати и что увеличение этой цифры будет «мерю, весьма обременительную для населения». ⁴²⁸

В 1878 г. царские власти хотели увеличить земские повинности на 10%. Начальник уезда в рапорте от 22 февраля 1878 г. доносил: «Вследствие бесснежных морозов много озимых хлебов в этом году вымерзло, поэтому увеличение земской повинности на 10% будет весьма обременительным для населения». ⁴²⁹ Несмотря на эти предупреждения, земские сборы были увеличены. В 1893 г. Министерство финансов писало туркестанскому генерал-губернатору: «Размер земского обложения должен уже зависеть от суммы расходов, необходимых на покрытие земских потребностей». ⁴³⁰ Это означало, что царская администрация будет взимать земских повинностей столько, сколько ей будет угодно.

Постепенно возрастал и размер поземельной подати. В 1877 г. она была увеличена в Ходжентском районе на 10%, а в Джизакском и Ура-Тюбинском районах, ввиду малого количества воды в этих местах,—на 8%. В этом году по Ура-Тюбинскому району было собрано 32 689 руб. 96 коп. поземельной подати. ⁴³¹

В 1893 г. подати были взысканы в размерах, указанных в табл. 4.

Из табл. 4 видно, что за двадцать лет поземельная подать увеличилась более чем на 21 %, кибиточная—почти на 38, земская (дорожная) повинность — на 114,2. Между тем, число дворов за этот период увеличилось не более чем на 29 %. А если сравнить поземельную подать с суммой 1868 г., то окажется, что она стала больше на 135 % с лишним.

Таблица 4

Город или волость	Оклад поземельного сбора	Кибиточной подати	Земской подати
г. Ура-Тюбе	2243 руб. 43 коп.	—	2336 руб. 25 коп.
Волости			
Ура-Тюбинская	7974 „ 20 „	—	1800 „
Дальнянская	8116 „ 50 „	1176 руб.	2230 „
Саватская	7699 „ 65 „	1636 „	2446 „ 25 коп.
Ганчинская	10028 „ 55 „	—	1877 „ 50 „
Всего по Ура-Тюбинскому участку	36063 руб. 03 коп.	2812 руб.	10690 руб. ⁴³²

Из рапорта начальника Ходжентского уезда от 5 апреля 1893 г. видно, что поземельный налог в этом году, по сравнению с предыдущим, по Ходжентскому району увеличился на 20, а по Ура-Тюбинскому на 10 %.⁴³³ По словам самого Кауфмана, «по отдельным видам налогов, наибольшее возрастание имел сбор поземельный».⁴³⁴ Если сравнить сумму налогов, поступивших в 1873 г., с налогами 1899, то мы увидим, что кибиточная подать увеличилась почти на 66, поземельная—на 22 и дорожная — на 402,6 %⁴³⁵.

Кроме дорожной повинности, оседлое население привлекалось на так называемые дорожные натуральные повинности. В начале 1899 г. на строительство дороги от границ Джизакского уезда через Ура-Тюбе, Нау, Ходжент, Мирза-Рабат и Джанбулак до границ Ташкентского уезда Ура-Тюбинский участок выставил около 4000 рабочих (см. табл. 5).

Стоимость работы только пеших рабочих определялась в 3330 руб. Население еще должно было доставить 138 досок, 64 бревна и 70 фунтов гвоздей.⁴³⁶ Песок и гальку возили за три версты. На ремонте дороги от станции Черняево до Ура-Тюбе протяженностью в 35 км ежегодно работало до тысячи человек.⁴³⁷ Начальник Ходжентского уезда в сентябре 1899 г. составил ведомость, согласно которой натуральная дорожная повинность по Ура-Тюбинскому участку определялась в следующих цифрах: «рабочих пеших 6851 человек на сумму

4109 руб. 40 коп., рабочих конных 360 человек на сумму 720 руб. и материалов на сумму 76 руб. 05 коп.»⁴³⁸ Такое количество людей и материалов выставлялось ежегодно.

Нередко урожаи в Туркестане, особенно зерновых культур, вследствие отсутствия профилактических мер, были обречены на уничтожение сельскохозяйственными вредителями, чаще всего саранчой. На борьбу с ней ежегодно мобилизовались тысячи рабочих. В 1883 г. при появлении саранчи в Ура-Тюбинском и Джизакском районах было мобилизовано по одному человеку от каждого двух домов.⁴³⁹ С одной стороны, такие мероприятия властей имели положительные стороны, ибо предпринимались в интересах крестьян. С другой, все расходы по уничтожению саранчи несли сами местные жители. По сведениям 1901 г., стоимость повинностей по истреблению саранчи составила по 17 руб. 28 коп. на каждое домохозяйство.⁴⁴⁰ При чем работа эта не шла за счет натуральных дорожных повинностей. Поэтому, хотя население и понимало ее пользу, оно оставалось недовольным.

Таблица 5

Город или волость	Рабочие	
	пешие	конные
г. Ура-Тюбе	600	15
Волости		
Ура-Тюбинская	800	25
Дальнянская	900	50
Саватская	800	40
Ганчинская	600	15
Итого	3700	145

В 1879 г. опять был поднят вопрос об уплате части поземельной подати не деньгами, а натурой. Царское правительство хотело этим удешевить приобретение казной провианта для войск и покупку хлеба из первых рук — у крестьян, а не через купцов, все время повышавших цены. Это было невыгодно для населения. Во-первых, потому, что урожай не всегда одинаков. Во-вторых, крестьяне продавали зерно на базаре в неочищенном виде, тогда как для государственного сбора надо было хорошо его очистить, что требовало дополнительной затраты труда. В-третьих, государство установило на хлеб определенную таксу, тогда как цена его на базаре всегда колебалась, и крестьянин мог продать свой хлеб дороже установленной государственной таксы.

Вопрос о введении взносов податей натурой в Туркестанском генерал-губернаторстве был поставлен на обсуждение начальников уездов и их помощников по районам. Видя, что население встречает недоброжелательно это нововведение, царское правительство разрешило вопрос только в 1882 г., в несколько компромиссном порядке. В рапорте заведующего Ура-Тюбинским районом от 19 сентября 1882 г. говорится, что аксакалы согласились поставлять хлеб натурой взамен подати, но только в ура-тюбинский магазин и в размере, указанном в ведомостях, т. е. 705 четвертей муки и 74 четверти крупы по следующим ценам за четверть: пшеницы—5 руб. 90 коп., муки—6 руб., рисовых круп—8.⁴⁴¹ Из этого рапорта видно, что крестьяне сдавали хлеб и крупу не в государственные склады, а в магазин, и цены назначались по согласованию обеих сторон.

Кроме перечисленных налогов, население платило ежегодные сборы на содержание местной администрации (жалованье аксакалам, аульным старшинам, джигитам, писарям, переводчикам, рассыльным и на общественные нужды, лечение местного населения, приобретение канцелярских принадлежностей, строительство домов, для уездных административных учреждений и казенных квартир, содержание сторожей). По сведениям 1876 г., на такие расходы по Ура-Тюбинскому общественно-хозяйственному управлению было собрано 12 104 руб.⁴⁴² Это составляло почти половину всех податей, уплачиваемых населением. Из этой суммы на жалованье аксакалам и аульным старшинам причиталось 3650 руб.; пешим и конным джигитам при аксакалах, хозяйственном управлении, при начальнике уезда и его старших и младших помощниках—3504. Остальное получали мирзы, переводчики, курбаши Ура-Тюбе. Из общей суммы собранных средств на лечение местного населения отпускалось всего 150 руб. на год, тогда как один курбаши получал 200, переводчик—600. По сведениям 1875 г., по расчетам самого уездного начальника, расходов на местную администрацию и общественные нужды на каждый двор приходилось по 2 руб. 69 $\frac{3}{4}$ коп.⁴⁴³ Царское правительство постоянно поощряло должностных лиц из местной администрации, особенно когда подати и сборы поступали без недоимок. Их награждали деньгами, собираемыми с населения. Для такой цели к общей сумме сбора прибавляли от 5 до 10%.⁴⁴⁴

Из Ура-Тюбе и других крупных населенных пунктов в царскую казну поступали и другие доходы. По сведениям 1874 г., сбора с весов и с продаваемого скота на Ура-Тюбинском ба-

заре было получено 4739 руб., зякета с проходящих караванов—408, внутреннего зякета (сбора с торговцев)—310 руб. 50 коп., за казенно-обочные статьи—398 руб. 15 коп.⁴⁴⁵ Это были так называемые городские доходы.

В 1878 г. был введен однопроцентный оценочный сбор с недвижимого имущества в городах. В 1895 г. городские доходы Ура-Тюбе составляли 9107 руб. 31 коп.⁴⁴⁶ Со строительством Среднеазиатской железной дороги обороты торговли увеличились, следовательно, возросли и городские доходы. В 1900 г. их сумма составила 33 800 руб. 48 коп.,⁴⁴⁷ т. е. за пять лет она возросла более чем на 271%.

Из общей суммы, поступившей в 1900 г. было израсходовано на содержание городского управления (участковому представу за заведование городским хозяйством, на канцелярские расходы по ведению дел городского хозяйства, на содержание городского техника (1090 руб. 52 коп.); на содержание полиции—5587 руб.; на благоустройство города (починка мостов, очистка и освещение улиц)—435; на устройство полицейского дома 7170 руб. 90 коп.; на разные мелкие постройки и на санитарную часть (содержание приемного покоя и повивальной бабки)—311 руб. 85 коп.; переводчиков и покупку медикаментов—1573 руб. 80 коп.; на содержание русско-туземной школы и вечерних курсов при ней—1295 руб. и на разные другие расходы—3044 руб. 87 коп. На 1 января 1901 г. городских сумм оставалось 2314 руб. 94 коп. и на хранении в сберегательной кассе государственного банка — 10886 руб. 45 коп.⁴⁴⁸ Из этого распределения видно, что самые крупные средства отпускались на полицию. Кроме расходов на ее содержание, для полиции выстроили помещение за 7170 руб. 90 коп.,—тогда как на ремонт школы было отпущено 68 руб. 69 коп., приемного покоя—30 руб. 27 коп. и на приобретение необходимых приемному покою медикаментов 200 руб.

Для продолжения военных действий в Туркмении и на Памире и для строительства Закаспийской железной дороги нужны были деньги. Правительство стремилось покрыть часть этих расходов за счет среднеазиатских доходов. Поэтому оно и искало способов обложить население Средней Азии новыми налогами. В 1875 г. в Туркестанском крае был введен в действие устав о гербовом сборе.⁴⁴⁹

В дневнике военного губернатора Самаркандской области графа Ростовцева 25 декабря 1896 г. записано, что в память коронации императора 14 мая в Ходжентском уезде был установлен ежегодный сбор по пять копеек со двора на устройство в Туркестанском крае колонии для прокаженных.⁴⁵⁰

В конце 1899 г. царское правительство решило обложить государственными налогами все камышовые заросли и выгоны, которых в Ура-Тюбинском районе насчитывалось 172 500 танапов. Составили расчет, по которому каждый танап таких земель может дать населению пять копеек дохода и всех таких доходов по участку будет 21925 руб. Поэтому решили обложить каждый танап такой земли полукопеечным налогом.⁴⁵¹ Этот вопрос вносился на обсуждение государственного совета, и обложение этим налогом должно было начаться с 1900 г.

Большие доходы приносило ура-тюбинское лесничество. За 1901 г. от продажи леса поступило 6482 руб. 73 коп. и за так называемое нарушение лесного устава взыскано штрафов 2584 руб. 57 коп.⁴⁵²

Нуждаясь в деньгах для проведения каких-либо работ или мероприятий, генерал-губернатор мог отдать приказ о сборе нужных для таких целей средств с населения. Под названием почтового и подводного сбора в 1867 г. в Ура-Тюбинском районе было собрано 3788 руб. 22 коп.⁴⁵³

В 1880 г. главный штаб царской армии, по предложению полковника Куропаткина, поднял вопрос о введении военного налога взамен отбывания воинской повинности, от которой все население Средней Азии было освобождено. В то время в Туркестанском крае насчитывалось 2550 тыс. взрослых мужчин местных национальностей. При обязательной воинской повинности население должно было поставлять с тысячи жителей пятерых рекрутов, то-есть всего 12 500 новобранцев. При расчете размера военного налога за каждого рекрута в 250 руб. общая сумма налога предполагалась в 3125 тысяч.⁴⁵⁴ Рапортом от 5 мая 1880 г. старший помощник начальника Ходжентского уезда по Ура-Тюбинскому району доложил следующие соображения о введении военного налога. В 1879 г. приблизительная цифра мужского населения по району составляла 16 166 человек, и, по расчетам генерал-губернатора, район должен был внести 20 тыс. руб. воинского налога, что составляет половину суммы всех налогов, собираемых по району с оседлых и кочевых жителей. По мнению помощника такая мера была преждевременной: население, «ошеломленное таким большим налогом, невольно пошатнется и выбросит из памяти своей все то, что укладывалось в уме его о добром начале новой эры его существования».⁴⁵⁵ Получив подобные же письма своих представителей и из других районов, царское правительство не осмелилось ввести воинский налог.

В конце 1899 г. министр финансов опять поднял этот вопрос. Теперь был составлен несколько иной расчет. За каждого рекрута надо было платить не по 250 руб., а 80 с оседлого и по 40 с кочевого жителя. По цифрам генерал-губернатора, военный налог с населения из такого расчета составил бы 13% всех уплачиваемых в казну налогов. В июле 1900 г. туркестанский генерал-губернатор Духовский писал, что он в принципе разделяет мнение о введении воинского налога по новым расчетам, но считает необходимым «не торопиться... в виду довольно сильно напряженных платежных сил местного населения и беспокойного состояния его умов».⁴⁵⁶ Чтобы обосновать свои предложения, он привел факты, показывающие, насколько население Средней Азии было задавлено налогами. Духовский писал, что за тридцать лет управления краем царскими властями подати в нем неоднократно увеличивались «и дошли до нынешнего своего, весьма значительного, размера. Например, кочевники края, вместо 2 руб. 75 коп., которые они платили в первые годы, ныне, в 1899 г., вносят в казну 4 руб. кибиточной подати, 1 руб. 50 коп. земского сбора и значительную сумму на содержание своего общественного управления. Оседлое население края, вместо 10% налога, который оно должно было платить прежним мусульманским властям, большей частью натурой, своими сельскими произведениями, ныне платит поземельного налога, хоть тоже в 10% дохода с десятины, но с дохода валового, а не чистого, и при том непременно деньгами, а не натурой по раскладке между своими сельскими обществами. Кроме поземельного налога, уплачивается еще земский сбор и сбор на содержание общественного управления. Самая раскладка налога между обществами иногда вызывала недовольство среди населения...»⁴⁵⁷ По составленному туркестанским генерал-губернатором расчету «земли в Туркестанском крае обложены податью в размере, какого нет ни в одной части империи, и в два-три раза более, чем земли во внутренних губерниях. В то время когда платежи государственного и земского сбора в губерниях приходятся на десятину в 1 руб. 10 коп.—1 руб. 31 коп., в Туркестанских областях платежи достигают от 2 руб. 23 коп. до 3 руб. 61 коп. В случае установления военного налога подати еще возрастут на 10—15%, смотря по категориям населения».⁴⁵⁸ Боясь народного возмущения, царское правительство так и не ввело тогда военный налог с населения Средней Азии.

Наряду с ростом налогов, поднимались базарные цены, особенно на хлеб. В январе 1893 г. на базаре в Ура-Тюбе, по сообщению пристава Ура-Тюбинского участка, батман пшеницы

стоил от 14 до 16 руб., ячменя—9; в октябре стоимость батмана пшеницы была уже от 25 до 28, ячменя — 16 руб. 80 коп.

Царские власти запретили ура-тюбинцам вывозить дрова из арчовых зарослей. Поэтому повысились цены и на дрова. Сажень дров, вместо 9 руб. летом (что было тоже очень дорого), в январе 1893 г. стоила до 14 руб. Как писал пристав в одном из своих донесений, «понижение цен на хлеб и дрова в ближайшее время не ожидалось, и городское население находилось в тяжелом состоянии». ⁴⁵⁹ Многие бедняки голодали. На запрос областного правления о том, чем питается население во время голода, ганчинский волостной управитель ответил, что едят смесь ячменя с просом, саватский—смесь хлеба с испанаком и ширишаком (виды трав), ура-тюбинский — смесь испанака и ширишака в толченом виде с хлебом. ⁴⁶⁰

Бедняки, особенно горожане, вынуждены были заниматься отхожим промыслом. В приложении к отчету по Ура-Тюбинскому району за 1880 г. говорится, что из Ура-Тюбе ежегодно уходит на заработки в другие местности около 500 человек. ⁴⁶¹

Помимо гнета царских властей население подвергалось эксплуатации со стороны «своих» кулаков. Одной из причин дороговизны хлеба на базаре было то, что кулаки закупили огромное количество хлеба в запас для продажи по более высоким ценам. В рапорте пристава Ура-Тюбинского участка от 22 февраля 1893 г. говорится, что пятеро кулаков хранили в своих амбарах 8 100 пудов пшеницы. ⁴⁶²

Другой причиной дороговизны были злоупотребления весовых и других сборщиков. Поэтому крестьяне перестали возить хлеб на базар и продавали его на току местным кулакам.

Начальник Ходжентского уезда писал 29 июня 1880 г. в областное правление, что во время объезда аксакальств обнаружил в ряде их факты взимания незаконных сборов: «за место (тагджой), занимаемое приезжими на базаре, за каждый базарный день взимали от 2 до 6 коп. Кроме того, весового сбора брали с продавцов по одной копейке с пуда (по контрактам) и в то же время с покупателей по горсти и более купленной муки или зерна, а от нежелающих уплатить хлеб взимался насильно». ⁴⁶³ Он добавляет, что получил от местных жителей десятки заявлений о таких злоупотреблениях. О злоупотреблениях базарных сборщиков и бойкоте их крестьянами свидетельствует, например, заявление арендатора городских весов Муллы Самия. Он ежемесячно платил 301 руб. 70 коп. аренды. Так как хлеб не возили на базар, а продавали по киш-

лакам, его доход не покрывал уплачиваемую сумму аренды, и он просил уменьшить ее. ⁴⁶⁴

Чрезмерное повышение налогов, притеснения и злоупотребления со стороны царских властей, местной администрации и кулаков были основными причинами народных восстаний в Средней Азии. Это было, в частности, главной причиной волнений, происходивших в 1875 г. в Ура-Тюбинском районе.

Массовые народные движения в колониальный период

Главной причиной народного волнения в колониальный период, как было сказано, послужила тяжелая эксплуатация, чрезмерное повышение налогов, произвол и бесчинства местной администрации в управляемых районах. Начальник Ходжентского уезда в своем рапорте от 9 мая 1875 г. на имя военного губернатора Сыр-Дарьинской области пишет, что народные возмущения в Ура-Тюбинском районе возникают «при каждом выборе, сборах податей, нарядах на какую-нибудь общественную повинность. Масса людей, лично даже и не принимавших участие во всех этих делах, по своей безземельности и неимению постоянного рода занятий, но тем не менее служащих как материал для целей той или другой партии, производит сборища народа, шум и драки». ⁴⁶⁵ Народные волнения в Ура-Тюбе и окрестных кишлаках после присоединения района к России происходили неоднократно. В том же рапорте говорится: «Неоднократно уже бывшие в г. Ура-Тюбе беспорядки..., всегда сопровождавшиеся многочисленными скоплениями народа, вынуждают меня обратиться к Вашему превосходительству с всепокорнейшею просьбою о примерном наказании или даже удалении из общества лиц, всегда служащих к наведению беспорядков этих». ⁴⁶⁶

В 1873 г. произошло волнение в кишлаке Паши. У нас нет материалов о ходе этого события. Но из рапорта старшего помощника уездного начальника в Ура-Тюбе от 8 августа 1873 г. известно, что на подавление этого выступления был послан взвод солдат, что руководители были арестованы и месяц содержались под стражей. ⁴⁶⁷ Крупное волнение в Ура-Тюбинском районе произошло 1 мая 1875 г. Поводом послужил приезд в Ура-Тюбе военного губернатора Сыр-Дарьинской области. Распространился слух, будто к нему можно будет обратиться по любому вопросу. Из многих кишлаков в город начал стекаться народ. Дехкане жаловались губернатору на чрезмерное повышение налогов вообще и в особенности—ок-

лада 1874 г. и требовали определить общую сумму налогов, которую следует получить с населения Ура-Тюбинского района. Губернатор дал какую-то записку жителю Карапчинского аула Иса-мирахуру, который, не умея читать, показал ее грамотному человеку. Оказалось, что в записке названа сумма налогов—53 000 руб. Первого мая, по зову Иса-мирахура и некоторых других лиц, на городской площади Намазга, где обычно происходили празднества и гуляния, собралось до четырех тысяч человек. Иса-мирахур произнес следующую речь: «Губернатор объявил нам, что с нас следует собрать податей 53 000 руб., в этом дал мне записку, которую я никому не отдам; председатель (Ура-Тюбинского хозяйственного управления) Мулла Абдурахман собрал с нас денег гораздо больше. Если я говорю вам неправду, то отрежьте мне голову, а лишние собранные деньги следует нам отобрать от Муллы Абдурахмана и разделить; так сказал губернатор. Давайте проверять, сколько собрано лишних денег, которые мы должны разделить. Если же председатель не отдаст нам, то мы возьмем силою».⁴⁶⁸ Собравшиеся стали обсуждать, как вернуть свои деньги и как поступить с Муллой Абдурахманом. Между тем, из уездного управления прибыл старший помощник начальника уезда граф Девьер. По его словам, «беспорядки» день ото дня все усиливались. Девьер пытался уговорами и обещаниями успокоить взволнованный народ, собрав для этого третьего мая 500 человек. Но они решительно заявили: «Мы не разойдемся до тех пор, пока сами не разделаемся с председателем и никакого начальства вовсе знать не хотим, а знаем только губернатора, который дал нам записку».⁴⁶⁹

Как писал начальник уезда, «в данный момент малейшее колебание дало бы повод к ослаблению административной власти». Поэтому восемь руководителей выступления были тут же арестованы. Тогда собравшиеся начали кричать: «Если арестовали 8 человек, то нужно арестовать всех нас, но их одних мы никуда не пустим, в чем мы перед богом молились и дали клятву».⁴⁷⁰ Девьер решил применить силу и приказал джигитам разогнать толпу. Но это оказалось им не под силу. Тогда на помощь джигитам прибыли войска из Ура-Тюбинского гарнизона. Только совместными усилиями им удалось разогнать народ. Вот имена восьми смельчаков, арестованных в этот день: Иса-мирахур из Карапчинского аула, Мирза Юсуф, Надир Мухаммед и Хасан из Ура-Тюбе, Мухаммед Аман Аvez Мухаммедов из кишлака Ганчи, Баба Калян из кишлака Чарбак, Давут из кишлака Суфи-Ариф и Мухаммед Насыр из кишлака Махали Саят. Всем им было от 40 до 55 лет.⁴⁷¹

После событий 3 мая народ выбрал своих представителей, которые поехали в Ташкент. Там они встретились с неким Федором Зауером, который от их имени написал прошение военному губернатору Сыр-Дарьинской области. В прошении говорилось, что по Ура-Тюбинскому району вместо 53 680 руб. 55 коп., указанных в записке губернатора, было собрано 80 000, что «граф Девьер арестовал несколько человек и отправил их в Ходжент, причем, кое-кого из них без суда и следствия наказали розгами».⁴⁷² Дальше сообщалось, что Мулла Абдурахман подсылал к Иса-мирахуру разных людей с предложением продать записку губернатора за 10 000 коканов. В заключение ура-тюбинцы просили назначить следствие о незаконных сборах и освободить арестованных. Зауер дважды писал такие прошения, посоветовав ура-тюбинцам собрать все налоговые квитанции. Оказалось, что он и до этого был в курсе всех событий. В своем письме к военному губернатору Зауер писал, что представители ура-тюбинского общества неоднократно приезжали к нему «за советами по делу относительно излишне собранных с их общества податей».⁴⁷³

23 июня Зауер приехал в Ура-Тюбе, заявив старшему помощнику уездного начальника поручику Забусову, что цель его приезда двойная: во-первых, собственные коммерческие дела, во-вторых, сбор данных о незаконно взысканных налогах. На самом же деле он стал готовить ура-тюбинцев к новому выступлению. Уездный начальник барон Нольде 26 июня писал ташкентскому градоначальнику «Зауер, являсь в Ура-Тюбе, начал волновать народ» и просил учредить за ним полицейский надзор.⁴⁷⁴ О том же говорилось в рапорте Нольде, посланном 27 июня военному губернатору: «Начались сборища и угрошения его — Зауера. Усматривая в подобных действиях Зауера прямой вред для населения, вред, могущий вызвать печальные последствия,—я приказал поручику Забусову арестовать Зауера и препроводить его за полицейским надзором в Ходжент».⁴⁷⁵

Из Ходжента Зауера отправили в Ташкент, обвинив его в том, будто в Ура-Тюбе он заявил, что приехал сюда от имени военного губернатора и чиновника особых поручений при генерал-губернаторе. В своем письме Зауер опровергает эти обвинения и говорит, что если бы у него имелись такие полномочия, он воспользовался бы ими «в пользу людей, которые вручили мне свою участь, дабы я мог руководить их своими советами».⁴⁷⁶ Далее он просит, чтобы ему разрешили вернуться в Ура-Тюбе и чтобы областное управление наказало поручика Забусова за незаконный его, Зауера, арест. В ответ на это об-

ластное управление 10 июля направило градоначальнику Ташкента письмо, где говорилось, что Зауеру «не может быть разрешено пребывание в Ходженте и Ура-Тюбе, впредь до окончания назначенного следствия о беспорядках в Ура-Тюбе». ⁴⁷⁷

Неоднократные просьбы Зауера о разрешении ему вернуться в Ура-Тюбе оставались без последствий. Но ему удалось установить с ура-тюбинцами связь через их земляка Шамси Мухаммеда, жившего в Ташкенте, якобы находившегося в услужении у Зауера. Последний передал, что налоговые квитанции, собранные у жителей и некоторых аксакалов, надо тщательно хранить и никому не отдавать. Такое указание последовало потому, что при аресте Мухаммед Насыра у него отобрали квитанцию, свидетельствующую о том, что Мулла Абдурахман получил с населения 46 000 тенег налога. И когда у доверенных лиц потребовали возвратить все документы якобы для проверки, они ответили, что все находится у Зауера. Последний заявил, что документов он пока не получал, но если военный губернатор разрешит ему побывать в Ура-Тюбе, то все соберет и представит. Как писал в своем рапорте старший помощник начальника уезда, «уполномоченные от общества люди на требование от них доказательств об излишнем сборе податей, ничего не представляют и уклоняются от этого». ⁴⁷⁸

Все это время волнения в Ура-Тюбинском районе продолжались. Наиболее передовые и смелые люди разъясняли народу, что нельзя верить уговорам и идти на компромиссы. Младший помощник уездного начальника в Ура-Тюбе Мурад-бек 10 июня доносил, что в кишлаке Лакат аксакал Абдул Али собрал в мечети 5—6 «беспокойных лиц» и объявил, что всякое соглашение — пустяки. Явившись туда, Мурад-бек несколько раз ударил оратора и разогнал собравшихся. Тогда Абдул Али собрал 8—9 человек и ночью убежал с ними в Ташкент. Догнать их не удалось. Мурад-бек писал, что «пока они не будут наказаны, нельзя надеяться на спокойствие жителей». ⁴⁷⁹

Царские власти вынуждены были начать следствие по делу о волнениях в Ура-Тюбинском районе. Ведение дела было поручено ходжентскому уездному судье. Военный губернатор Сыр-Дарьинской области генерал Головачев писал ему, что надо произвести «в самом непродолжительном времени формальное следствие, которое по окончании представить ко мне на рассмотрение». ⁴⁸⁰ Кроме того, в Ура-Тюбе для расследования происходящего был командирован начальник Курамин-

ского уезда полковник Гугос. О том, что следствие было формальным в буквальном смысле слова и проводилось с целью оправдания виновных, свидетельствует донесение поручика Забусова от 17 июля 1875 г. уездному начальнику: «Ходжентский уездный судья, по производимому им следствию об излишнем сборе податей с жителей Ура-Тюбинского района и о произведенных вследствие этого беспорядках... требует от меня доставления к нему, для допроса, жителей г. Ура-Тюбе из почетных, достаточных и неприкосновенных к сему делу лиц, а также и исправных плательщиков податей и других сведений». ⁴⁸¹ Интересно отметить, что во время допроса присутствовали и главный виновник, председатель хозяйственного управления Мулла Абдурахман, и старший помощник уездного начальника Забусов.

Произведя проверку, начальник Кураминского уезда сообщил в областное управление, что очень многие плательщики податей квитанций не брали, поэтому судить об общей сумме собранного невозможно; что раскладка податей по аксакальствам была неправильной: не указывалось ни количество взимаемого, ни наименование налога. ⁴⁸² Из протокола допроса, устроенного уездным судьей 9 июля следует, что в 1874 г. производился излишний сбор поземельной подати, а в 1875—кбиточной. ⁴⁸³ Из протокола допроса уполномоченных населения от 13 июля выясняется, что хотя председатель хозяйственного управления давал приказ о сборе податей с определенного участка члену управления или аксакалу, — непосредственно занимались сбором пятидесятники. Члены управления и аксакалы никогда не показывали пятидесятникам приказов, получаемых от председателя. Пятидесятники, собирая с плательщиков подати, почти никогда не выдавали им расписок или квитанций. Собранные деньги полагалось сдавать под расписку аксакалу или члену управления, а те должны были — тоже под расписку — передавать деньги председателю. Но и из донесения начальника Кураминского уезда, и из вышеприведенных фактов ясно, что все правила тут нарушались и должностные лица, пользуясь бесконтрольностью, собирали с населения столько денег, сколько им хотелось. А поскольку у обираемых людей не было почти никаких документов, доказать, что с них брали лишнее, они не могли.

Ходжентский уездный суд, допросив арестованных, доверенных общества, членов хозяйственного управления, десять солдат и одного офицера, участвовавшего в разгоне возмущавшегося народа, и некоторых других лиц, решил удовлетвориться ведомостями, представленными тем же председателем

хозяйственного управления Муллой Абдурахманом. В ведомостях же, разумеется, налоги были показаны согласно раскладке уездного начальника. Уполномоченные от Ура-Тюбинского общества отказались подписать эти ведомости. Тем не менее, судья принял эти документы как подлинные и на этом основании 8 февраля 1876 г. вынес решение о том, что «никакого лишнего сбора не было произведено».⁴⁸⁴

Таким образом, народное выступление не имело успеха. Виновники злоупотреблений и произвола остались на своих местах, а потерпевшие, которые хотели восстановить правду, оказались за решеткой. Кроме восьми человек, арестованных 3 мая арестовали еще десять за то, что они ездили в Ташкент с жалобой. Когда события только разворачивались, Забусов, чтобы выиграть время, уговаривал представителей народа не обращаться к губернатору, обещая, что он самолично во всем разберется и сообщит губернатору. Однако, он не только не выполнил обещания, а наоборот, после неоднократных требований проверить жалобу, ответил, что если жалобщики не помирятся с председателем управления, то арестованные будут сосланы в Сибирь, а все недовольные действиями Муллы Абдурахмана — наказаны розгами.⁴⁸⁵

Эти угрозы не могли не оказать влияния на дальнейший ход события. Мулле Абдурахману и другим виновникам происшедшего удалось, при помощи угроз и подкупа, привлечь на свою сторону аксакалов и пятидесятников, которые вначале были на стороне народа. И если 14 мая аксакалы и пятидесятники написали прошение от имени пострадавших, требуя решительных мер против Муллы Абдурахмана, то в прошении от 13 июня они заявили, что полковник Гугос разъяснил им назначение излишка собранных налогов, что они не знали о включении этих сумм в записку, выданную военным губернатором, а теперь, мол, убедившись, что хозяйственное управление «не взыскало лишнего и каждая цифра имела свое назначение».⁴⁸⁶

Из сказанного выше видно, что лозунгами волнений 1—2 мая 1875 г. были упорядочение взимания налога с населения, проведение расследования об излишнем сборе, смена членов хозяйственного управления и наказание его председателя Муллы Абдурахмана за незаконные действия. Впоследствии прибавилось требование об освобождении арестованных; об этом просили и начальник Кураминского уезда, и младший помощник уездного начальника, и аксакалы. Руководители областного управления, боясь народного волнения, вынуждены были освободить арестованных. Это решение было приня-

то также под влиянием развернувшихся в Кокандском ханстве событий, на которые туркестанский генерал-губернатор обратил свое основное внимание.

Движущей силой волнений 1—2 мая были городские ремесленники и крестьяне из кишлаков. Главнейшими причинами поражения выступления были, наряду с реакционной политикой духовенства и изменой вначале примыкавших к народу некоторых аксакалов и богатых людей, отсутствие подготовленных руководителей. Организаторы выступления сразу же были арестованы. Зауер находился в Ташкенте. Об этом свидетельствует донесение старшего помощника уездного начальника от 7 мая: «В настоящее время в городе спокойно, хотя народ еще не весь разъехался по кишлакам, но в толпы не собираются, не имея у себя человека, который мог бы дать им совет и стоять храбро перед начальством».⁴⁸⁷

Федор Зауер приехал в Ура-Тюбе месяца через полтора после майских событий. Об этом человеке мы имеем очень скудные сведения. По словам ташкентского градоначальника, Зауер жил в Ташкенте с 1873 г., не имея никаких определенных занятий. Деньги получал от отца, который, по его словам, был купцом в Петербурге.⁴⁸⁸ Национальность Зауера не установлена, но во время следствия его называли русским. Подробное изучение личности Зауера мы оставим для дальнейшего исследования.

Выступление 1875 г. носило стихийный характер. Оно не было как следует подготовлено. «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли».⁴⁸⁹

Волнения происходили в то время, когда в Ура-Тюбе, как и во всей Средней Азии, еще не сложился пролетариат, который мог бы руководить восстанием крестьян и ремесленников. Не было тут руководства и со стороны русского пролетариата. И в этом заключалась одна из главных причин поражения выступления 1875 г. Но тем не менее оно имело большое значение не только для жителей ура-тюбинского района, но и для всей Средней Азии. Самодержавие испугалось народного гнева и приступило к реорганизации (хотя и в худшую сторону централизации) управленческого аппарата на местах. Впоследствии всем плательщикам налогов стали выдавать квитанции с указанием в них суммы поступления.

Вскоре после описанных событий некоторые лица из управленческого аппарата Ходжентского уезда были уволены,

кое-кого даже предали суду и сослали в Сибирь. В числе других преступлений их обвинили в «вымогательстве с населения, подлогах по службе, присвоении и растрате казенных, общественных и городских сумм».⁴⁹⁰ Поручик Забусов был переведен на работу в Ферганскую область, и четыре года спустя генерал-губернатору пришлось согласиться на производство формального следствия над ним.⁴⁹¹ В разоблачении этих преступников большую роль сыграло народное выступление 1875 г., заставившее правительство заняться действительной проверкой управленческого аппарата на местах.

* * *

В конце XIX в. в России развернулось массовое революционное движение русского пролетариата. Россия стала передовым отрядом революционного движения в Европе. Это не могло не оказать влияния на окраины страны, в частности на Среднюю Азию, куда ссылались «неблагонадежные». Здесь отбывали ссылку друг Карла Маркса, первый переводчик «Капитала» на русский язык Г. А. Лопатин, народовольцы Д. Л. Иванов и П. И. Хомутов и другие. К концу прошлого столетия русское население в городах Средней Азии достигло значительного процента за счет людей, прибывавших из России или остававшихся после демобилизации из армии. К 1900 г. в Ура-Тюбе жило 180 с лишним европейцев (включая и управленческий аппарат участкового пристава).⁴⁹² На территории Средней Азии образовались русские поселки. Коренные жители всегда общались с русскими и видели, что царское правительство одинаково эксплуатирует всех своих подданных. Русские трудящиеся наказывались по тем же законам, которые действовали в Средней Азии, и сидели в тюрьмах вместе с коренным населением. «Неблагонадежные» представители местных национальностей высылались на Кавказ, в Сибирь и другие отдаленные места, где они еще ближе знакомились с русскими передовыми людьми.

Проведение в Средней Азии железной дороги имело, наряду с экономическим, и политическое значение. На строительстве и эксплуатации дороги трудилось много рабочих, прибывших из европейской России и Закавказья. Русские рабочие показывали коренному населению пример борьбы с царскими чиновниками. Самаркандский полицмейстер в 1896 г. доносил военному губернатору, что 2 июня рабочие контрагента Керонавского, не сойдясь с ним в расчетах, «производили беспорядки». Трое рабочих были арестованы и по-

лицмейстер просил, чтобы, на основании секретного циркуляра Министерства внутренних дел, их этапным порядком отправили на родину (в Виленскую губернию).⁴⁹³

Для повышения революционной сознательности народа имело значение также соседство с русскими поселками на территории Средней Азии, среди жителей которых в конце минувшего века стали распространяться передовые демократические и марксистские идеи. Начальник Ходжентского уезда в своем рапорте от 20 марта 1900 г. писал, что николаевский участковый пристав получил сведения о распространении крестьянином Конно-Гвардейского поселка Уваром Ермоленко слухов, «имевших характер государственного преступления». Произведенное расследование показало, что священник села Сретенского слышал будто Ермоленко предсказал, что нынешний государь умрет, воцарится Михаил Александрович, который долго тоже не процарствует, а его убьют и тогда не будет ни государя, ни духовенства, а будет республика.⁴⁹⁴ Это известие так напугало царскую администрацию, что уездный начальник учредил за Ермоленко полицейский надзор. А чтобы доказать абсурдность его слов, власти вынесли решение о том, что Ермоленко страдает галлюцинациями и поему надо отправить его в психиатрическую лечебницу.⁴⁹⁵

Под воздействием русской революционной мысли коренные жители все чаще и решительнее выступали против царских порядков. Об этом свидетельствовало все увеличивавшееся количество арестов среди населения. В течение 1900 г. в Ура-Тюбинском участке было арестовано 308 человек.⁴⁹⁶

Как было сказано, все леса считались собственностью казны и никто без особого на то разрешения не мог рубить дрова и пасти скот. Это было большой бедой для жителей кишлаков, расположенных в предгорьях Туркестанского хребта, где находились лесные массивы Ура-Тюбинского района. В июне 1899 г., следуя приказам начальства, пять лесничих и один джигит забрали скот жителей кишлака Аучи, пасшийся на лесной поляне. Дехкане решили отбить свой скот. Произошла стычка, в результате которой двое лесничих были ранены камнями. По крестьянам открыли ружейный огонь. Один человек был убит и один ранен.⁴⁹⁷ Это событие встревожило царскую администрацию и генерал-губернатор Туркестана 21 июня отдал самаркандскому военному губернатору телеграфное указание о том, чтобы «охотничьи команды не оставались без действия».⁴⁹⁸ В предгорные кишлаки направилась охотничья команда 16 Туркестанского линейно-кадрового батальона, которая демонстративно прошла по всем ущельям. Этим коло-

ниальная администрация хотела напугать народ, показав могущество царской власти.

События в Аучи вскоре стали известны за пределами района. Сам факт отправки войск в горные кишлаки говорил о том, что волнения возмущенного населения не прекратились. Жители требовали наказания виновников и предотвращения подобных действий, приводящих к человеческим жертвам. Угрозы властей не помогали. Генерал-губернатор вынужден был начать следствие по делу об убийстве в Аучи. Из материалов дознаний чиновника особых поручений Наливкина выяснились следующие факты, свидетельствующие о вопиющих беззакониях в лесном хозяйстве:

«1. За прокорм арестуемого объездчиками скота, с разрешения лесничего Гайдук взималось 25 коп. с головы мелкого и 50 коп. с головы крупного скота в сутки. Кроме того, с хозяев же скота по одному рублю в сутки взимается для 4—5 человек особых караульчиков для охраны арестуемых животных. Вопрос о чрезмерно высоких нормах платы за прокорм арестуемого скота не привлекал внимание царской администрации, которая несомненно, знала о них.

2. Арестованный за самовольную пастбу на казенных землях скот, с ведома лесничего умышленно надолго задерживался объездчиками даже и в случаях известности хозяев, несомненно, с корыстной целью получения возможно большего количества денег за прокорм и содержание этого скота.

3. Движимые чувством алчности объездчики арестовывали иногда скот, пасущийся не на казенной земле, а находящийся в пользовании населения.

4. Весьма компрометирующим лесничего Гайдук обстоятельством представляется факт представления им Бабакалян Узбекбаеву прав монополии на содержание и охрану арестованного скота, пригонявшего в г. Ура-Тюбе впредь до того случая, когда значительная часть арестованного скота, скудно кормившегося Бабакаляном, падала на обратном пути в горы, частью от опухолей вымени голодных маток, а частью от изнурения. Причем, владельцы павших животных, заплатив за них штраф и кормовые деньги, сверх того лишались еще и самого скота.

5. Объездчики и Бабакалян на прокорм скота в действительности не расходовали тех денег, которые за это получали. Это было известно и лесничему Гаидуку.

6. Лесничий Гайдук, получая казенный штраф, квитанции не выдавал. Он об этом деле никаких объяснений представить

не мог. Выдал мне собственноручно написанную им справку о том, что по этому случаю ни протокола, ни квитанции не имеется.

7. Лесничий Гайдук многократно лично получал от туземцев деньги за прокорм скота для передачи их объездчикам или Бабакалян без ведения какой-либо отчетности.

8. В результате таких отношений к делу оказалось, что лишь по случаям, констатированным расследованием, с мая по ноябрь месяцы за прокорм арестованного скота население уплатило более 2000 руб. Причем, в действительности на продовольствие была израсходована лишь незначительная часть этой суммы.

9. Гайдук и подведомственные ему объездчики злоупотребляли правом ношения оружия и т. д. и т. п.»⁴⁹⁹

Из материалов следствия видно, что Наливкин вел расследование объективно. Лесничий Гайдук, который даже не явился на следствие, чувствовал себя полным хозяином и творил все, что ему было угодно. Такие действия были неслучайными и нередкими: всему этому способствовала господствовавшая государственная и общественная система. В России немало было служащих, подобных Гаидуку, которого чиновник управления земледелия и государственных имуществ назвал вором «и затем представил письменное объяснение причин этого».⁵⁰⁰ Не удивительно, что лесничий отделался легким испугом: ему объявили выговор, освободили от заведования ура-тюбинской лесной дачей и откомандировали в распоряжение вышеназванного управления. И если Гайдук являлся представителем колониальных властей, то Бабакалян был представителем зажиточных слоев местного населения, установивших тесные связи с первыми для эксплуатации народа. И у тех, и у других были общие интересы и единые цели — обогащение за счет местного населения любыми средствами. Это яркий пример такой совместной эксплуатации трудящихся, поддерживаемой правительством при помощи армии.

Однако в Средней Азии проживали и русские, которые не только не были опорой царской власти, а, наоборот, подрывали ее устои. Передовые представители коренного населения начали устанавливать связи именно с такими людьми. Так, в 1900—1901 году была взята под надзор жена начальника съемочного отделения катта-курганской поземельно-податной комиссии — Е. Н. Хмельницкая.

В декабре 1900 г. пензенский губернатор писал военному губернатору Самаркандской области, что Хмельницкая вмес-

те с дочерью и сестрой 21 ноября прибыла в Краснослободск, а 12 декабря выехала в Тифлис, где учится в гимназии ее сын, что оттуда она направилась в Ташкент, а затем собирается в Самарканд и Катта-Курган, где по долгу службы бывает ее муж.⁵⁰¹ Далее говорилось, что в Ташкенте к Хмельницкой примкнул ура-тюбинский житель Ма-Юсуф Пармонакулов, ранее служивший у великого князя Николая Константиновича в Ташкенте. Из сообщения канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства от 13 апреля 1901 г. явствует, что Хмельницкая вместе с дочерью и Пармонакуловым из Ташкента была выслана «на временное, впредь до особого распоряжения, жительство в Тифлис».⁵⁰² Причины преследования Хмельницкой нам неизвестны. Но, по всей вероятности, и ее, и Пармонакулова считали неблагонадежными.

Итак, в конце XIX в. народы Средней Азии, под влиянием революционного движения в России и на окраинах, влились в общую борьбу против колониального режима, против царизма и его ставленников. Это тоже было одной из прогрессивных сторон присоединения Средней Азии к России.

Доверие ура-тюбинцев к Зауеру, которому они вручили свою судьбу, высылка Пармонакулова вместе с Хмельницкой и другие тому подобные факты свидетельствуют о дружбе, установившейся между коренными жителями и русскими пришельцами... Это подтверждается и записью в отчете ура-тюбинского участкового пристава за 1884 г.: «Туземное население весьма дружественно относится к русскому».⁵⁰³

Тесная дружба таджиков, узбеков и других народов Средней Азии с русским народом установилась еще в прошлом столетии и крепла с каждым годом. В полной же мере дружба народов бывшей царской России расцвела только после победы Октябрьской революции.

Изменения в культурной жизни

Присоединив Среднюю Азию к России, царизм не вмешивался в дела мусульманской религии. Во избежание всяких неприятностей, власти старались не затрагивать устоев народной жизни, построенных на шариате. И в первое время после присоединения это повышало авторитет русской администрации в глазах всех слоев населения и в какой-то мере подрывало авторитет местного духовенства, которое вело антирусскую агитацию. О признательности местных жителей за сохранение русскими религии ислама свидетельствуют сле-

дующие слова, сказанные одним таджиком в начале 70-х годов: «Вы, русские, сильнее нас и если бы приказали нам переменить веру, то мы должны были бы исполнить ваше приказание... Но вы оставили нам нашу веру, и за это мы вам благодарны».⁵⁰⁴

Единственной мерой, проводимой царскими властями в области религии, было упразднение должности раиса, который очень притеснял народ, вынуждая его ходить на молитву в мечеть, совершать ритуальные омовения, соблюдать пост и т. д. По словам самих мулл, когда существовала должность раиса, в мечеть ходило 15—20 прихожан из 30. С упразднением этой должности «из такого же числа прихожан являются в мечеть на молитву 5 или много-много 10, и то исключительно старики».⁵⁰⁵ С уничтожением духовно-полицейской власти раиса люди частично освободились от религиозного угнетения и получили свободу исполнения некоторых предписаний шариата.

В деятельности мактабов и медресе после присоединения ничего не изменилось. Правительство не заботилось об образовании местного населения, не стремилось развивать и увеличивать число учебных заведений. По-прежнему мактабы содержались за счет приношения учеников, а медресе—за счет вакуфных доходов. Программа обучения тоже оставалась прежней.

По сведениям 1871 г., в четырех медресе Ура-Тюбе было 152 ученика и 12 учителей, а в 19 мактабах — 325 учеников и 20 учителей.⁵⁰⁶ К концу XIX в. медресе стало больше, а учащихся и преподавателей меньше. Например, в 1899 г. в пяти ура-тюбинских медресе занималось 95 учеников и работало 12 учителей. Причиной тому, очевидно, было открытие русских школ, куда поступали сыновья купцов, должностных лиц местной администрации и других состоятельных людей. Что же касается мактабов, то росло и число этих школ, и количество учащихся в них. Открывались женские мактабы, о наличии которых источники до этого никаких сведений не сообщали. В том же году мужских мактабов по району (исключая Саватскую волость, вышедшую из его состава в 1898 г.), насчитывалось 116 с 1296 учениками и 116 учителями. Женских мактабов имелось 19. В них было 116 учениц и 19 учительниц. В Ура-Тюбе существовала еще так называемая кори-хана, где занималось 15 учащихся и работало 12 учителей.⁵⁰⁷ Увеличение числа школ и учеников происходило главным образом за счет роста населения.⁵⁰⁸

Начальник Ходжентского уезда и управляющие районом почти во всех своих отчетах пишут о бесполезности, сухости и бесплодности обучения как в мактабах, так и в медресе. Эти пороки мусульманской школы постепенно стали понимать и местные жители и среди них появились люди, желающие отдать своих детей в русские школы. В отчете заведующего Ура-Тюбинским районом за 1882 г. говорится: «Есть повод предполагать, что с устройством в Ура-Тюбе русской школы найдутся желающие обучаться в оной и хороший пример и почин даст возможность школе не быть без дела».⁵⁰⁹

Первая русская школа в Ходжентском уезде была открыта в 1867 г. на средства, пожертвованные генералом Романовским (100 руб.). В 1871 г. там училось 25 мальчиков и 4 девочки.⁵¹⁰ Но, как явствует из годового отчета уездного начальника, из-за отсутствия помещения школа была закрыта 28 мая того же года. По требованию населения, вопрос об открытии такой школы опять был поднят в 1886 г. Заведующий Ура-Тюбинским районом в своем рапорте от 18 ноября писал, что к нему поступают просьбы об открытии русской школы и что желательно «ускорить разрешение означенного вопроса, тем более, что настоящее время самое подходящее к тому и по настроению общества и по годовому контингенту учеников, в числе которых ожидаются и туземцы».⁵¹¹ В ответ на это 1 декабря из Сыр-Дарьинского областного управления уездному начальнику было послано письмо, гласившее, что вопрос об открытии русско-туземной школы в Ура-Тюбе остается открытым, так как не достает учителей.⁵¹²

Между тем, царские власти в Туркестане все более ощущали нужду в грамотных людях. Не хватало писарей и переводчиков. Местным торговым людям нужно было научиться русскому языку и грамоте. И вот 4 июля 1888 г. главный инспектор училищ Туркестанского края принял решение — правда, не об открытии новых школ, а о переводе двух русско-туземных школ из Ташкентского уезда в Ура-Тюбе и Ходжент.⁵¹³ Туркестанский генерал-губернатор распорядился перевести одну из школ не в Ходжент, а в город Туркестан. Занятия в школе, переведенной в Ура-Тюбе, должны были начаться 1 октября. Пристав Ура-Тюбинского участка 24 августа писал: «В данное время в г. Ура-Тюбе, по заявлению родителей, можно рассчитывать на первоначальное поступление в русско-туземную школу 17 учеников..., при большем же знакомстве туземцев с благою целью сего учреждения, можно надеяться, что число учащихся значительно увеличит-

ся».⁵¹⁴ Тем не менее, пристав представил список не на 17, а на 15 учеников (в возрасте от 7 до 17 лет). Пятеро из них были сыновьями аксакалов и волостных управителей, трое — детьми торговцев, по одному — сыновьями пятидесятника, мунтаваллия и джигита при приставе, двое — просто детьми городских жителей. Среди кандидатов было двое русских — сын запасного унтер-офицера и дочь фельдшера. Получив список, генерал-губернатор запретил последней заниматься в этой школе, а русскому мальчику разрешил с оговоркой, что его «можно допустить к обучению с детьми туземцев, но с особым попечением о русских детях со стороны русского учителя». Вначале в школу был назначен всего один учитель (русский). Все расходы по устройству и дальнейшему содержанию школы генерал-губернатор отнес за счет местных доходов, согласно утвержденной им смете. На содержание личного состава ассигновалось 720 руб. в год, на учебные пособия, отопление, наем прислуги и другие нужды — 275.

Надежды пристава на увеличение числа желающих учиться в русско-туземной школе оправдались. 17 декабря 1888 г. он стал просить уездного начальника об открытии вечерних курсов при ней.⁵¹⁵ Генерал-губернатор разрешил открыть такие курсы для взрослых из коренного населения с условием, что расходы (360 руб. в год), будут отнесены за счет городских сумм.⁵¹⁶ 26 января 1889 г. курсы открылись. Там было восемь слушателей.⁵¹⁷

Хотя желающих учиться было много, число учащихся росло медленно. Причиной тому было незнакомство местного населения с новой системой обучения и антирусская агитация мусульманского духовенства. В декабре 1890 г. в русско-туземной школе занималось 17 местных мальчиков (из них четверо русских), а на вечерних курсах — 14 взрослых представителей местных национальностей.⁵¹⁸ В 1900 г. в школе прибавилось семеро сыновей коренных жителей. На вечерних курсах к 1 января 1901 г. училось 20 человек. Рост числа учащихся замедляла и колониальная политика царского правительства, не заинтересованного ни в просвещении местного населения, ни в улучшении системы народного образования.

Русско-туземная школа состояла из трех отделений (классов). Учебный год начинался 1 августа и кончался 1 июля. Впоследствии, кроме русского учителя, был нанят мулла, преподававший шариат. Школа не имела никакой помощи от правительства. Контроль за ней был слабый. Программа обучения не отвечала потребностям народа, она была состав-

лена без учета возрастных особенностей учеников. Поэтому школьники не могли за три года усвоить даже те знания, которые предусматривала эта небогатая программа. По сведениям 1900 г., школа выпустила 10 человек, из которых только двое удовлетворительно владели русским языком и грамотой. Из 20 взрослых, занимавшихся на курсах, удовлетворительно знали русский язык и грамоту лишь пятеро, а из 22, выбывших до окончания курса, — трое.⁵¹⁹ Главный инспектор училищ в Туркестанском крае 26 июня 1893 г. писал военному губернатору Самаркандской области, что во время ревизии ходжентского приходского училища обнаружено, что на существующих при нем курсах «занятия русским языком со взрослыми туземцами идут неисправно и безуспешно. Туземцы, числящиеся на курсах, заявили мне, что при всем желании знать русский язык, они не могут научиться ему, вследствие крайне слабых занятий при русской школе, учитель которой не знает сартовского языка».⁵²⁰

Несмотря на десятилетнее существование русско-туземной школы в Ура-Тюбе, район не мог обеспечить себя писарями и переводчиками. Пристав Ура-Тюбинского участка писал 10 декабря 1898 г. «В настоящее время в участке нет мирз, которые могли бы занять должности писарей и таких людей придется пригласить из других мест: Ташкента, Перовска и др.».⁵²¹ В следующем своем рапорте в том же году пристав пишет, что русско-туземную школу в Ура-Тюбе окончил один человек, но он недостаточно хорошо грамотен, чтобы мог занимать в уездном управлении должность переводчика.⁵²² Такое положение наблюдалось повсеместно во всем Туркестанском генерал-губернаторстве. М. Вирский писал о школах Самаркандской области: «Ни одна из русско-туземных школ и школ чисто русских в области не выпустила из своих стен ни одного туземца, умевшего правильно читать, не говоря — писать по-русски, несмотря на то, что многие из них проводят в подобного рода школах 5—6 лет».⁵²³

Учителя и сами понимали все недостатки системы обучения, и наиболее передовые из них делали все, чтобы ее улучшить (в частности, вносили много нового в методику преподавания). В 1893 г. по инициативе русского учителя был поставлен вопрос об открытии при ура-тюбинской школе слесарной мастерской. Но власти не поддерживали хороший почин, мотивировав свой отказ тем, что... сам учитель не знает мастерства.⁵²⁴

Число желающих учиться в русской школе с каждым годом увеличивалось не только за счет городских жителей, но и за счет сельских. Бывший пристав Ура-Тюбинского участка Н. С. Лыкошкин, побывавший почти во всех кишлаках и аулах Ходжентского уезда, писал: «Я был поражен совершенно искренним и сильным желанием многих юношей изучать русский язык, разговорную речь и грамоту».⁵²⁵

В 1904 г. в Ура-Тюбе открылось и приходское училище. По данным 1905 г., всего в уезде (в Ходженте и Ура-Тюбе) имелось три приходских училища, в которых занималось 109 человек; две русско-туземных школы с 66 учениками и вечерние курсы при школах с 104 слушателями.⁵²⁶

В 1906 г. был поставлен вопрос об открытии при одной из школ интерната на 25 мест. Царские власти не хотели брать на себя его обеспечение. Тогда учителя решили силами учеников устроить сад и огород, с тем чтобы «через своих питомцев, распространить приемы правильного садоводства; помимо этого разведение огорода служило бы материальной поддержкой интерната, давая возможность для довольствия воспитанников иметь свои овощи».⁵²⁷ Но и этому благородному намерению не суждено было осуществиться: власти не желали выделить земельный участок.

Несмотря на недостатки обучения, вопреки колониальной политике царской администрации, под разными предлогами тормозившие развитие школ, особенно светского образования среди коренного населения, школы и курсы имели большое значение для распространения русского языка и передовых методов обучения среди местных жителей. Овладеть русским языком стремились счень многие, особенно молодежь. Старики рассказывают, что были случаи, когда дети, против воли родителей, покидали мусульманскую школу и поступали в русскую. Большую положительную роль играло совместное обучение детей коренного населения с русскими. Вообще изучать русский язык людей заставляла сама жизнь. На базаре при купле и продаже, при обращении к местным начальникам и т. д., для всего этого требовался определенный словарный запас. Совершенно необходимо было хоть как-то знать русский язык местным мастерам, которые строили дома для русских. Постепенно в таджикском и узбекском языках появились новые слова, заимствованные из русского (самовар, галоши и многие другие). Знакомство с русским языком приводило к взаимному обогащению народов, берущих друг у друга в труде и быту все, что было практичным и примени-

мым. На одном из общих собраний членов ташкентского отделения Общества востоковедения был поставлен вопрос «о распространении знания русского языка среди туземцев Туркестанского края и туземных наречий среди русского, в особенности, служилого люда».⁵²⁸

Под влиянием русских изменился облик городов; вырастали новые кварталы с европейскими домами, прямыми широкими мощеными улицами, которые коренное население называло русскими кварталами. Перестраивались старые улицы. Ура-тюбинские улицы, носящие сегодня имена М. В. Фрунзе и Н. К. Крупской, были вымощены еще в те далекие годы. Появились дома, крытые железом, с окнами на улицу. Вначале они предназначались не для жилья, а для приема гостей и строили их только зажиточные люди. Но это было лишь началом больших преобразований в городской жизни. Перестраивались и торговые лавки на базарах, в них появились застекленные окна и двери русского образца. Сначала это делали одни крупные торговцы да парикмахеры. Постепенно некоторые, на первый взгляд незаметные, преобразования произошли в архитектуре домов всех слоев населения. Местные строители, работая под руководством русских инженеров и мастеров, воспринимали у них новые приемы работы, пополнили свой инвентарь новыми инструментами. И строя жилища для своих земляков, они применяли все это на практике. В домах бедных и средних слоев населения тоже появились оконные рамы, правда, не застекленные, а заклеенные промасленной бумагой.

Городские улицы и площади стали озеленяться. В 1880 г. в Ура-Тюбе на посадке деревьев работало 193 рабочих и 2 быка. В городском бюджете появилась должность садовника. На озеленение и на содержание садовника в том году было израсходовано 215 руб.⁵²⁹

Произошли известные изменения и в быту. В конце XIX в. в домах появились лампы, самовары и швейные машины (правда, два последних предмета были доступны только состоятельным людям). Жители городов и некоторых крупных кишлаков (и мужчины, и женщины) становились профессиональными портными (мошиначи) и принимали заказы на шитье и кройку. Швейная машина namного облегчила труд женщины, обшивавшей свою семью.

В богатых семействах дома стали строить с полом и потолком, появились шкафы, столы и стулья. Все эти предметы изготавливались применительно к местным вкусам. Напри-

мер, столы делались с короткими ножками, чтобы ими можно было пользоваться, сидя на полу. Подвергалась значительному изменению и одежда. Городские мужчины под широкими халатами стали носить застегиваемые на пуговицы узкие бешметы с карманами. Из привозной лакированной кожи начали шить мужские и женские сапоги и ичиги. Женщины заменили камзолами мунисаки, которые теперь надевали исключительно в дни траура. Многие мужчины стали носить прическу.

Все эти на первых порах незначительные и доступные лишь состоятельным людям изменения, происходившие под влиянием русского народа, были началом тех великих перемен у всех жителей Средней Азии, которые в полной мере проявились после победы Октября.

В 1875 г. начали проводить телеграфную линию от Ташкента до Самарканда через Ходжент, Ура-Тюбе и Джизак.⁵³⁰ Телеграф, как и железная дорога, имел большое значение для установления более тесных связей с Россией и между областями Средней Азии, а также для повышения культурного уровня населения. По сведениям ура-тюбинской телеграфной станции, работавшей восемь часов в день, за 1884 г. было отправлено 832 телеграммы и принято 875.⁵³¹

Среди русских людей, издавна помогавших коренным жителям Средней Азии во всех областях жизни, надо особо отметить русских медиков, которые лечили местное население, нередко рискуя собственной жизнью. В 1872 г. в Ура-Тюбе и окрестных кишлаках вспыхнула эпидемия холеры. Для борьбы со страшной болезнью сюда прибыл русский фельдшер. В то время во всем Ходжентском уезде был только один врач. Он писал в своем отчете, что население «с полным доверием относится к врачебной помощи; как бы ни было лекарство не вкусным, они принимают его охотно».⁵³²

В отчете уездного врача за 1884 г. говорится, что количество больных, обращающихся к русским врачам, из года в год увеличивается. Это свидетельствует о постепенном возрастании доверия к русскому врачебному искусству.⁵³³ А поскольку здесь работали доктора обоого пола, то к русским врачам обращались и женщины. По сведениям врача С. И. Пахомовой, в Ходженте 29 ноября 1886 г. открылась амбулаторная лечебница для местных женщин и детей. С этого времени по 1 января 1894 г. здесь было принято 10 926 женщин и 7 714 детей, посетивших амбулаторию соответственно 23394 и 17061 раз. Приходили в лечебницу не только горожанки, но и жительницы окрестных кишлаков.⁵³⁴

Русские врачи стали бороться с оспой, эпидемии которой бывали в Средней Азии довольно часто. Они стали делать противооспенные прививки местному населению. Медиков было мало и они не успевали сделать прививки всему населению; к тому же это мероприятие встретило серьезный протест духовенства; в 1872 г. в Ходженте даже произошел «оспенный бунт». Тогда врачи и фельдшера стали обучать технике оспопрививания коренных жителей, которых стали называть «чикекчи» (по-узбекски). Такие специалисты постепенно появились во всех городах и крупных кишлаках.

Медицинскую помощь местному населению русские врачи оказывали по собственной инициативе, не встречавшей необходимой поддержки со стороны властей. В 1898 г. в Ура-Тюбе существовал один приемный покой, одна аптека, один воинский лазарет на 27 мест, а весь высший и средний персонал был представлен врачом, фельдшером, оспопрививателем и повивальной бабкой.⁵³⁵

Насколько царское правительство не было заинтересовано в медицинском обслуживании коренного населения, можно судить по тому же отчету уездного врача за 1884 г., где сказано, что ура-тюбинский приемный покой «мало удовлетворяет врачебным требованиям, главным образом, по причине своей тесноты».⁵³⁶ С другой стороны, поскольку в приемных покоях больные содержались за свой счет, кровати часто стояли пустыми, врачи не имели возможности регулировать питание больного; «поэтому-то открытие больницы для туземцев, на первое время, хотя бы на 10—15 кроватей, нужно считать в высшей степени полезным и неотложным делом».⁵³⁷ В том же отчете говорится, что правительство «на охранение народного здоровья тратит не многим более 1/12 коп. в год на жителя».⁵³⁸ И если бы, повторяем, не инициатива самих врачей, то на средства, отпускаемые правительством из городских сумм, население не получало бы той помощи, которую им оказали русские медики. Такая гуманность и самоотверженность сыграла большую роль в деле сближения русского народа с народами Средней Азии.

До присоединения к России и в первые годы после него в мактабах и медресе пользовались рукописными книгами, имевшимися в весьма ограниченном количестве. И из-за дороговизны они были не доступными для основной массы населения, особенно для бедняков. «Могучим орудием распространения всякого рода идей в среде среднеазиатских народов явилось занесенное русскими книгопечатание; любопытно и

занимательно, что отпечатанная в Ташкенте в 70-х годах прошлого столетия в количестве 500 экземпляров первая книжка на узбекском языке «Календарь» разошлась в 2 дня».⁵³⁹

Первая литография была открыта в Ташкенте в 1882 г. предпринимателем С. И. Лахтиным. Затем литография возникла в Самарканде, Коканде и Кагане. Печатные книги на местных языках увеличили круг читателей. Появилась возможность для возникновения местных газет и журналов и создания городских библиотек. В постановлении Ура-Тюбинского городского хозяйственного управления от 15 ноября 1908 г. записано, что, основываясь «на желании большей части горожан, высказанном в частных беседах»,⁵⁴⁰ следует открыть в Ура-Тюбе общественную библиотеку. Через год корреспондент газеты «Туркестанские ведомости» писал, что библиотеки еще нет, но на это дело выделяется из городских сумм 100 руб. в год и что пока функционировало читальня. «Ура-тюбинская публика со своей стороны приняла деятельное участие в создании библиотеки; в короткий срок собрано около 700 книг, из них — 200 в переплетах, есть пожертвования деньгами и разными вещами. Поговаривают об устройстве концерта и спектакля, сбор с которых пошел бы в пользу библиотеки».⁵⁴¹ Читальня появилась по инициативе русских жителей и довольно оригинальным способом: подписчики журналов и газет получали их не сразу. Сначала все это поступало в читальню, оставаясь там до следующей почты (она прибывала два раза в неделю). «Таким образом, в читальне, без всякого расхода, собирается до 25 газет и журналов. Тут почти все местные газет, две больших московских, несколько петербургских, 2—3 «толстых» журнала, «Нива», «Сатирикон» и др. Читальня довольно усердно посещается, о чем свидетельствуют записи в «тетрадах для записи посетителей». Посещают читальню и туземцы, для которых имеются три туземных газеты».⁵⁴²

Огромное значение для народов Средней Азии имели работы русских ученых по истории, географии, статистике, географии этого края.⁵⁴³ Если бы не их труды, то изучать сейчас историю народов Средней Азии в прошлом веке было бы много труднее. Особенно это касается экономического состояния народа, которое обычно не находит должного освещения в работах таджикских, узбекских и других местных авторов. Таким образом, несмотря на сильное сопротивление местной феодальной верхушки и реакционного мусульманского духо-

венства, несмотря на реакционную политику царизма, задерживавшего экономическое и культурное развитие своей колонии, под влиянием передовой русской культуры, во второй половине XIX—начале XX в. произошли большие изменения во всех областях жизни среднеазиатских народов. И это тоже было одной из прогрессивных сторон присоединения Средней Азии к России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ура-Тюбинское владение, являясь одной из древнейших областей Средней Азии, имело богатое прошлое и сыграло большую роль в истории таджикского народа. В течение полутора столетий на территории вилаята происходили бурные события. Во второй половине XVIII в. Ура-Тюбинское владение было самостоятельным. Воспользовавшись слабостью недавно образованного Кокандского ханства и послекризисным состоянием Бухарского ханства, Ура-Тюбинские хакимы смогли сохранить экономическую и политическую самостоятельность, сделав вилайет одним из основных противников этих государств, временами нанося каждому из них чувствительные удары. Впоследствии, укрепившись экономически и политически на подвластных территориях, хан и эмир пытались положить конец самостоятельности Ура-Тюбе и разделить между собой его территорию, расположенную в стратегически важном районе, и овладеть его богатствами.

Однако, это оказалось не так просто, и борьба за ликвидацию Ура-Тюбинского владения очень часто превращалась в борьбу между его противниками. Войны за овладение вилайетом продолжались вплоть до присоединения Средней Азии к России. Следовательно, первая половина XIX в. характеризуется потерей абсолютной самостоятельности Ура-Тюбинского владения и превращением его в яблоко раздора между крупнейшими государствами Средней Азии—Кокандского ханства и Бухарского эмирата. Эта борьба принесла неисчислимые и нестерпимые бедствия многострадальному населению Ура-Тюбе. Присоединение Средней Азии к России положило конец этим страданиям, что уже само по себе было прогрессивным явлением.

Вторая половина прошлого столетия характеризуется в истории Ура-Тюбе установлением порядков, коренным образом отличающихся от того, что было прежде. Вилайет превра-

тился в один из районов Туркестанского генерал-губернаторства. Изменились система управления, экономика района получила возможность развиваться сравнительно быстрыми темпами, сложились новые производственные отношения.

Для всех трех периодов истории Ура-Тюбинского владения общим было то, что имущий класс всегда оставался господствующим, сохраняя свое богатство, активно вмешиваясь в управление, диктуя свою волю чиновникам государственного аппарата. Трудящиеся же массы несли основную тяжесть феодальных войн, работали на феодалов и кулаков. Тем не менее, именно народ был основной силой общества, противостоящей политике войн, проводимых хакимами. У народов Средней Азии, в том числе Ура-Тюбинского владения, во второй половине XIX в. появился надежный союзник в лице русского рабочего класса и крестьянства, совместно с которыми они стали представлять грозную силу, противостоящую колониальной политике царизма и произвола местных должностных лиц. В этом — одно из главных прогрессивных последствий присоединения.

В Ура-Тюбинском владении, как и в других феодальных обществах, основой социального порядка являлась собственность на землю духовных и светских феодалов. Сохранились и пережитки дофеодальных формаций: первобытно-общинного строя, например, племенное деление у кочевников и хашар у бедных и средних слоев оседлого населения; рабовладельческого строя — использование труда рабов в отдельных феодальных хозяйствах. Наряду с этим, в недрах феодального строя имелись некоторые признаки капиталистического уклада (эксплуатация наемных рабочих и т. п.). Но в силу ряда особенностей феодального общества Средней Азии, уклад этот развивался крайне медленно. Он стал развиваться сравнительно быстрыми темпами только после присоединения. И это тоже можно считать положительным фактором присоединения Ура-Тюбинского владения к России.

1 Подробно об этой рукописи см. А. Мухтаров. «О некоторых неизвестных источниках по истории Средней Азии XIX в.». Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, № 8, 1958, стр. 97—98.

2 Там же, стр. 98.

3 Там же, стр. 98—99.

4 Подробно об этой рукописи см. Л. Зимин. «Зерцало побед» и его значение для истории Кокандского ханства. Прот. засед. Турк. кружка любит. археол., 1915.

5 Зап. Росс. геогр. о-ва (ЗРГО), кн. III, СПб., 1849.

6 Н. Остроумов. Сарты. Этногр. мат-лы, вып. I, Ташкент, 1890.

7 Г. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, СПб., 1882.

8 Местные авторы в своих произведениях называют Ура-Тюбе и территорию, подчиненную городу, вилаетом. Мы решили придерживаться этого термина.

9 Точной границы между владениями не были. Описанные нами граицы являются в значительной мере условными.

10 П. А. Васильев. Таджикистан. Душанбе, 1947; стр. 40—41.

11 Когда-то насчитывалось 13 сортов винограда.

12 П. А. Васильев. Указ соч., стр. 127.

13 а) Сведения о Ходжентском уезде, Зап. Импер. русск. геогр. о-ва ЗРГО), т. IV, СПб., 1871.

б) Очерки Ходжентского уезда, газ. «Турк. вед.», № 11, 13 и 14, 1872.

в) Статистические сведения о Ходжентском уезде, о городах Ходжент и Ура-Тюбе. «Ежегодн. Мат-лы для статист. Турк. края, вып. I, СПб., 1872. О населении вилаета в 60-х гг. XIX в. сообщают Ю. Южаков (Сарты, или таджики, главное оседлое население Туркестанской области. Наши приобретения в Срезней Азии. Ура-Тюбе и его округ, журн. «Отечеств. зап.», № 7 1867). и генерал К. Кауфман (Проект всеподданнейшего отчета К. П. Кауфмана, СПб., 1885). Сведения сообщенные ими, имеют большие расхождения с данными Кушакевича, которые автор считает более правильными, так как они подтверждаются архивными материалами.

14 «Бабур-намэ», Изд. Н. Ильминского, Казань, 1857.

15 О. И. Смирнова. Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зарафшана. Мат-лы и иссл. по археол. СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 58.

16 Такого мнения, в частности, придерживался академик В. В. Бартольд (Туркестан в эпоху Монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 166).

17 Б. В. Веймарн. Мечеть Кок-Гумбаз в Ура-Тюбе. Новые иссл. по истор. архитект. народов СССР, Изд. Акад. архитект. СССР, № 8, 1947.

18 В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 97—98 (Лучше других изучен период арабского нашествия. См. Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье, Душанбе, 1957).

19 Муини. История Бухары. Рук. без даты, Отд. востоковед. и письм. насл. АН Тадж. ССР (в дальнейшем ОВПН), инв. № 1229, стр. 119, 123.

20 Минг. Ежегодн., мат-лы для статист. Турк. края, вып. III, СПб., 1874, стр. 331.

21 Ходжи Хаким-хан, Мунтахаб-ат-Таворих (Избр. из летописей), рук. Ин-та востоковед. (ИВ) АН Узб. ССР, 1259 (1843) инв. № 592, стр. 205а.

22 В документах, обнаруженных нами в Ура-Тюбе и относящихся к 1773 г., стоит печать Фазыл-бия, а на относящихся к 1782 г. печать Худояр-диванбеги.

23 Муини. Указ. соч., стр. 61.

24 М. В. Карминаги. Тухфаи хони (Ханский подарок), рук. 1213 (1797—98), ОВПН АН Тадж. ССР, инв. № 2271, стр. 622.

25 Таърихи амирони мангитияти Бухоро (История эмиров мангытской Бухары), Ташкент, 1923, стр. 14.

26 Очерки Ходжентского уезда, «Турк. вед.», № 14, за 1872 г.

27 М. В. Карминаги. Указ. соч., стр. 282.

28 Там же, стр. 614—615.

29 В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 60.

30 М. В. Карминаги. Указ. соч., стр. 62.

31 Мирзо-Шамс Бухари родился в 1804 г. и в начале правления эмира Насруллы (1827—1860) бежал в Оренбург, где остался жить навсегда. По просьбе В. В. Григорьева он написал свои воспоминания о событиях в Средней Азии. (В. В. Григорьев. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре, Зап. Мирзы-Шамсы Бухари, Казань, 1861, стр. 100).

32 ЗапРГО, кн. III, СПб., 1849, стр. 192; Мунтахаб-ат таворих, стр. 214.

33 Н. Петровский. Очерки Кокандского ханства. журн. «Вестн. Европы», № X, 1875, стр. 733.

34 Ежегод., вып. I, стр. 48.

35 Подробно об этом см. А. Мухтаров. К истории народных движений в Бухарском ханстве в первой четверти XIX в., Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, № 1 (32), 1963, стр. 34—44.

36 Муини считает его братом Худояр-диванбеги (Таърихи Бухоро, стр. 121).

37 С. Айни и В. Наливкин называют его Бобо-диванбеги. Удивительно, что как Муини, так и Мухаммед Якуб (Гульшан-ал-Мулук), рук. 1353 (1934) ОВПН АН Тадж. ССР, инв. № 2 (63) сообщают, что Бобо-парвоначи был назначен правителем Ура-Тюбе по просьбе Норбути—правителя Коканда. Очевидно, в этот момент отношения между Кокандом и Бухарой не были так обострены, как в последующие годы, и оба государства, боясь самостоятельности Ура-Тюбинского владения, сообща стремились к его ликвидации.

38 М. В. Карминаги. Указ. соч., стр. 625; М. Якубов. Указ. соч., стр. 173. Муини пишет, что пленных было всего 15 и что они были взяты без всякого боя (стр. 64).

39 Н. Петровский. Очерки Кокандского ханства, «Вестн. Европы», 1875, № 3, стр. 734.

40 Л. Зимин. Первые шаги Алимхана на государственном поприще. Прот.... год 17, Ташкент, 1913, стр. 105, 107, 108.

⁴¹ Там же, стр. 79. Хронологию походов Алим-хана на Ура-Тюбе установить не удалось. Первый поход, очевидно, относится к 1800 г. По Наливкину, событие это происходило в 1224 (1809) г., (стр. 83), что не соответствует действительности. Походы Алим-хана против Ура-Тюбе Наливкин относит к периоду до 1232 (1816) г., стр. 101.

Между тем, годом смерти Алим-хана принято считать 1809. Сопоставленные донесения царского агента в Бухаре поручика Субханкулова за 1809—1910 гг. свидетельствуют о том, что Алим-хан был убит весной 1810 г. (Оренбург. обл. архив (ООА), ф. 6, оп. 10, д. 296, л. 161—162).

⁴² М. Якуб. Указ. соч., стр. 174.

⁴³ Там же, стр. 176.

⁴⁴ Муини. Указ. соч., стр. 122.

⁴⁵ М. Н. Мухаммед. Указ. соч., стр. 47.

⁴⁶ Х. Хаким-хан. Указ. соч., стр. 380—381.

⁴⁷ ООА, ф. 6, оп. 10, д. 2291, л. 4.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ По Наливкину, — младший брат.

⁵⁰ «Зерцало побед», л. 40.

⁵¹ ООА, ф. 6, оп. 10, д. 2291, л. 4.

⁵² Подробности см. в указ. соч. В. Наливкина.

⁵³ ООА, ф. 6, оп. 10, д. 2291, л. 161—162.

⁵⁴ Шах-нома, рук. ОВПН, инв. № 1936, 1937, стр. 60. Об измене Махмуд-хана эмиру сообщается в «Зерцале побед». Зимин предполагает, что его автором «был Султан-хан-тюра. По словам Зимина, в этом труде Махмуд-хан ошибочно называл Мухаммед-хан-тюрей. Л. Зимин. «Зерцало побед» и его значение для истории Кокандского ханства, Прот... год 17, Ташкент, 1913, стр. 36.

⁵⁵ Муини. Указ. соч., стр. 123.

⁵⁶ Ф. Назаров. Указ. соч., стр. 7—8.

⁵⁷ «Зерцало побед», л. 42.

⁵⁸ Раджаб-диванбеги был убит кокандским ханом.

⁵⁹ Н. Петровский. Указ. соч., стр. 743.

⁶⁰ По словам Ходжи Хаким-хана, Раджаб-диванбеги (иногда он называет его Раджаб-кушбеги) служил у эмира Хайдара в Бухаре. Вскоре после того как в Коканде стал правитель Омар-хан, Раджаб поссорился с эмиром и убежал в Шахрисябз, а оттуда к Омар-хану. После ура-тюбинских событий тот его убил (Мунтахабат Таворих, стр. 232, 426).

⁶¹ Geis, Nachrichten über Chiwa, Buchara, Chokand, und den nord-westlichen Theil des chinesischen Staates. St. Petersburg, 1839, стр. 76.

⁶² Архив внешней политики России (АВПР), ф. 1—13, д. 4, л. 39.

⁶³ Х. Хаким-хан. Указ. соч., стр. 426, 483а.

⁶⁴ АВПР, ф. 1—13, д. 4, л. 46.

⁶⁵ АВПР, ф. 1—9, д. 5, л. 4.

⁶⁶ ООА, ф. 6, оп. 10, д. 2981, л. 1.

⁶⁷ Х. Хаким-хан. Указ. соч., стр. 526—527.

⁶⁸ Там же, стр. 244а.

⁶⁹ Х. Хаким-хан. Указ. соч., стр. 247а.

⁷⁰ М. Якуб. Указ. соч., стр. 205.

⁷¹ М. В. Карминаги. Указ. соч., стр. 637; Х. Хаким-хан. Указ. соч., стр. 254а; Таърихи Шахрухи, стр. 121. (Автор Гульшан-ал-Мулук сообщает, что с Мухаммед Рахим-аталыком из Шахрисябза прибыло 18 000 человек, что далеко от истины. С такими силами кокандцы едва ли могли бы справиться столь легко).

⁷² АВПР, ф. 1—9, д. 5, л. 4.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, ЗРГО, кн. 111, 1849, стр. 194.

⁷⁵ Царственная книга побед, рук. ОВПН АН Тадж. ССР, инв. № 276.

⁷⁶ Царственная книга побед, стр. 158.

⁷⁷ Там же, стр. 175.

⁷⁸ На последней странице рукописи «Тазкира-и Давлятшохи», хранящейся в Пенджикентском музее, неизвестным лицом отмечено, что занятие Ура-Тюбе, Ходжента до Каракичи-Кума и назначение Султан Махмуд-хана правителем Ходжента происходило в 1257 г. в месяце шабан (18 сентября—16 октября 1841 г.). Занятие эмиром Насруллой Коканда и казнь Мухаммед Али-хана датирована месяцем раби ас-сани 1258 г. (12 мая—9 июня 1842).

⁷⁹ Интересно, что Мулла Нияз Мухаммед считает обоих одним и тем же лицом из потомков Халуки. Нам же более близким к истине кажется мнение, что это разные люди. Мулла Нияз Мухаммед жил в Коканде и знал об этих событиях только понаслышке. Историк эмира Насруллы, как мы видели, считает этих двух лиц происходившими из разных узбекских родов (мангыт и юз) и указывает время правления Исхак-бека, что свидетельствует о точном знании фактов. «Шахрухова история», стр. 182—183.

⁸⁰ АВПР, ф. гл. арх., д. 5, л. 16—20.

⁸¹ ООА, ф. 6, оп. 10, д. 6307, л. 112, д. 6313, л. 68.

⁸² Там же, д. 6313, л. 68.

⁸³ К о м и. Летописи в стихах, ОВПН АН Тадж. ССР, инв. № 446, стр. 169 а.

⁸⁴ Зерцало побед, стр. 133.

⁸⁵ ООА ф. 6, оп. 10, д. 6, л. 39—40.

⁸⁶ А б д у л Г а ф у р. Книга о победах Худояр-хана, рук., 1275 (1858—1859), ИВ АН Узб. ССР, инв. № 598, стр. 45; Шахрухова история, стр. 183.

⁸⁷ Царственная книга побед, стр. 29.

⁸⁸ К о м и. Указ., соч., стр. 388 а.

⁸⁹ ООА ф. 6, оп. 10, д. 6, л. 133—136. Упоминаемый Маньяз, очевидно, был одним из военачальников Рустам-бека.

⁹⁰ ООА, ф. 6, оп. 10, д. 6, л. 223.

⁹¹ АВПР, ф. гл. арх., д. 5, л. 236. В конце рукописного труда Мухаммад Юсуфа Мунши «Мукимханская история», приобретенного нами в Ура-Тюбе и датированного 1252 г. х. (1836—1837), неизвестным лицом год убийства Рустам-бека также назван 1275 (1858—1859).

⁹² ЦГИА Узб. ССР, ф. 5, оп. 1, д. 89, л. 9.

⁹³ Там же, ф. 18, оп. 1, д. 5971, л. 9—10.

⁹⁴ Н. Веселовский. Бадаулет Якуб-бек аталык Кашгарский, Зап. Вост. отд. импер. русск. археол. о-ва (ЗВОА), т. XI, СПб., 1898, стр. 93.

⁹⁵ Р. Наливкин. Указ. соч., стр. 191.

⁹⁶ Зерцало побед, стр. 161—162.

⁹⁷ Там же, стр. 192. О дальнейшей судьбе Барат-бека. Н. Стремоухов пишет: «Барат-бек, бывший ура-тюбинский бек, был после ужасных пыток зарезан перед дворцом (бухарским.—А. М.) за то только, что был разбит кокандцами, которые овладели крепостью Ура-Тюбе. Трое суток его тело лежало на дворцовой площади». Поездка в Бухару (Извлечения из дневника), журн. Русск. вестн., № 6, 1875, стр. 684.

⁹⁸ ЦГИА Узб. ССР, ф. 5, оп. 1, д. 89, л. 9.

После перехода Самарканда к русским Абдулгаффар-бек сдался царским властям. Туркестанский генерал-губернатор в 70-х гг. назначил ему пенсию. По этому поводу была составлена биография Абдулгаффар-бека. Данный факт взят из этой биографии.

⁹⁹ Подробно об этом см. предисловие к кн. «Материалы к истории Ура-Тюбе». (Сб. актов XVII—XIX вв.), составление, перевод и примечания А. Мухтарова, М., 1963.

¹⁰⁰ АВРП, ф. гл. арх., оп. 74, д. 1, л. 3.

¹⁰¹ П. П. Иванов. Казаки и Кокандское ханство. К истории их взаимоотношений в начале XIX в. Зап. ИВ АН СССР, т. VIII. М.—Л., 1939, стр. 109.

¹⁰² Муини. Указ., соч., стр. 92.

¹⁰³ Архив ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, д. 117.

¹⁰⁴ ООА, ф. 6, оп. 10, д. 6, лл. 133—136.

¹⁰⁵ В степи и на небольших возвышенностях имелись сторожевые посты в виде вышек из глины (остатки их сохранились и поныне вблизи кишлака Ругунд и по дороге в Ленинабад, возле р. Ак-Су). Кроме своего основного назначения как таможенных и пограничных пунктов, они служили и наблюдательными пунктами. На вышке все время находился человек. Заметив войска противника, он разжигал костер. Поняв по этому сигналу, что враг близок, крестьяне, работавшие в поле, бросали все и бежали в горы или за стены города. А урожай доставался врагу, который увозил его или сжигал.

¹⁰⁶ Х. Хаким-хан, Указ. соч., стр. 381.

¹⁰⁷ Там же, стр. 426.

¹⁰⁸ Х. Хаким-хан, Указ. соч., стр. 389 (Один ура-тюбинский манравнялся 16 пудам).

¹⁰⁹ В. Наливкин, Указ., соч., стр. 89.

¹¹⁰ М. Н. Мухаммед, Указ., соч., стр. 48. Во время преследования Мухаммед Али-хана эмир Насрулло на три дня остановился с войсками возле крепости Махрам и послал в районы Махрама, Беш-Арыка, Канибадама специальные грабительские отряды. Они награбили столько верблюдов, лошадей, коров и баранов, что их количество не подавалось никакому учету (Зафарнома-и Хисрави, стр. 172).

¹¹¹ Там же, стр. 133.

¹¹² Записано в сентябре 1956 г. со слов сына Аминджановой. жителя Ура-Тюбе.

¹¹³ Записано в мае 1953 г. По словам рассказчика. проса было 40 ма-нов.

¹¹⁴ Н. М-ев. От Ташкента до Катты-Кургана, журн. «Русск. вестн.», т. 86, 1870, стр. 259.

¹¹⁵ М. С. Бекчурин, Туркестанская область, Казань, 1872, стр. 30.

¹¹⁶ Ф. Назаров, Указ. соч., стр. 78.

¹¹⁷ С. Айни, История эмиров мангытской Бухары, Ташкент, 1923, стр. 14.

¹¹⁸ М. Якуб, Указ. соч., стр. 176; М. В. Карминаги, Указ. соч., стр. 24.

¹¹⁹ М. В. Карминаги, Указ. соч., стр. 194—195.

¹²⁰ Там же, стр. 205.

¹²¹ М. С. Бекчурин, Указ. соч., стр. 16. (Бекчурин относит это событие к периоду правления Музаффера, что не соответствует действительности: Рустам-бек был убит Насруллой).

¹²² Мулла Ибадулла и Мулла Мухаммед Шариф, История эмира Хайдара, рук. (XIX в.) ИВ АН Узб. ССР, инв. № 1838, стр. 75.

¹²³ Х. Хаким-хан, Указ. соч., стр. 303-а, 349-а.

¹²⁴ М. Н. Мухаммед, Указ. соч., стр. 49.

¹²⁵ Ежегод. матер.-лы для статист. Турк. края, вып. I, СПб., 1872, стр. 48.

¹²⁶ Царственная книга побед, стр. 97.

¹²⁷ Х. Хаким-хан, Указ. соч., стр. 223 (очевидно, в это количество входили и бухарские войска, которых Ходжи Хаким-хан в своем труде не упоминает).

¹²⁸ Там же, стр. 381.

¹²⁹ С. Айни, Указ. соч., стр. 10. Автор приводит этот случай из истории Муллы Хамули, который, по его словам, был очевидцем этих событий.

¹³⁰ В. Наливкин, Указ. соч., стр. 108.

¹³¹ Там же, стр. 177. Эти слова приводит и автор «Ханского подарка» (стр. 632).

¹³² Царственная книга побед, стр. 289.

¹³³ Там же, стр. 155.

¹³⁴ Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Тр. САГУ, Ташкент, сер. II, вып. 1, 1929, стр. 3.

¹³⁵ «Шах-нома», стр. 52—53.

¹³⁶ М. С. Бекчурин, Указ. соч., стр. 20.

¹³⁷ Там же, стр. 21.

¹³⁸ Материалы по истории Ура-Тюбе, Сб. актов XVII—XIX вв. Составл., перевод и предисл. А. Мухтарова, Под ред. А. А. Семенова и О. Д. Чехович. Изд-во вост. лит.-ры, М., 1963, док. № 35, 38.

¹³⁹ А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях и обязанностей носителей их в средневековой Бухаре, Сов. востоковед. № V, М.—Л., 1948, стр. 148.

¹⁴⁰ Там же, стр. 48.

¹⁴¹ ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2903, л. 88.

¹⁴² ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 19, л. 29.

¹⁴³ Ю. Южаков, Указ., соч., стр. 412.

¹⁴⁴ Там же, стр. 410.

¹⁴⁵ ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 18., л. 15.

¹⁴⁶ Там же, д. 2903, л. 77.

¹⁴⁷ Ю. Южаков, Указ. соч., стр. 410.

¹⁴⁸ Ю. Южаков, Указ. соч., стр. 411.

¹⁴⁹ Мат.-лы по истории Ура-Тюбе, док. № 32.

¹⁵⁰ Мухтасиб — базарный надзиратель в Бухаре.

¹⁵¹ А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях... стр. 141.

¹⁵² Ю. Южаков, Указ. соч., стр. 411.

¹⁵³ Там же, стр. 409. (В этом разделе мы говорим о том, что в начале XIX в. вторым чином после хакима был аксакал; поэтому, нарушив очередность, мы описали его раньше казия и саркора).

¹⁵⁴ Там же, стр. 412.

¹⁵⁵ ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2903, л. 86.

¹⁵⁶ В. В. Григорьев, Указ., соч., стр. 100.

¹⁵⁷ Зерцало побед, стр. 161—162.

¹⁵⁸ М. С. Бекчурин, Указ. соч., стр. 17.

¹⁵⁹ М. Зиновьев. Осада Ура-Тюбе и Джизака. Воспоминание об осенней экспедиции 1866 г. в Туркестанской области, Журн. «Русс. вестн.», № 3, 1868, стр. 161.

¹⁶⁰ Там же, стр. 181.

¹⁶¹ А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях..., стр. 140.

¹⁶² Мат.-лы по истории Ура-Тюбе, док. № 39.

¹⁶³ М. Зиновьев, Указ. соч., стр. 349.

¹⁶⁴ Заметки о производительности Туркестанского края по отношению к войскам, в нем расположенным, Русский Туркестан, Сб., изданный по поводу политехнической выставки, вып. III, Приложение, СПб., 1872, стр. 5.

¹⁶⁵ К этому следует добавить, что за почти 90-летний срок, прошедший со времени присоединения к России, у местных жителей утрачены почти все сведения о порядках и способах землевладения до присоединения.

¹⁶⁶ А. А. Семенов. Очерки поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства.

¹⁶⁷ К. Мирзоев, Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве, Ташкент, 1954.

¹⁶⁸ А. А. Семенов. Очерки поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, стр. 41.

¹⁶⁹ ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 2293, л. 8. По сведениям 1870 г., амляковых земель насчитывалось 11135 танапов (там же). Танап в Ура-Тюбинском вилайете составлял 3600 кв. газов; газ — 14 вершков (там же). По Бекчурину, 1 танап — 400 кв. сажен.

¹⁷⁰ Центр. гос. истор. архив в Ленингр. (ЦИАЛ), ф. 1149, оп. 24, д. 37, л. 75.

¹⁷¹ ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 13245, лл. 6—8.

¹⁷² Очерки Ходжентского уезда, «Турк. вед.», № 13, за 1872 г.

¹⁷³ Ежегод., вып. 1, стр. 54—67.

¹⁷⁴ ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 13245, л. 1.

¹⁷⁵ Там же, л. 14. Чему равняется мера воды, нам установить не удалось (См. Н. П. Петровский. Туземная единица объема воды и способы деления ее, Справ. кн. Самарканд. обл., вып. III, Самарканд, 1897, стр. 198—205).

¹⁷⁶ Там же, л. 1.

¹⁷⁷ Мат-лы по истории Ура-Тюбе, док., № 36.

¹⁷⁸ Там же, док. № 40, 41.

¹⁷⁹ Там же, док. № 44.

¹⁸⁰ Там же, док. № 42.

¹⁸¹ Архив Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, док. № 59—61.

¹⁸² Зерцало побед, стр. 40.

¹⁸³ Очерки Ходжентского уезда. «Турк. вед.», № 13 за 1872 г.

¹⁸⁴ ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 13245 л. 10. Подлинника письма в архиве нет. Перевод на русский язык сделан Бекчуриным.

¹⁸⁵ ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 2293, лл. 8—9.

¹⁸⁶ Там же, д. 5, л. 17.

¹⁸⁷ Там же, д. 2350, лл. 31—32; д. 65, лл. 7—8.

¹⁸⁸ Там же, д. 1309, лл. 16—18.

¹⁸⁹ Там же, д. 65, лл. 7—8.

¹⁹⁰ В. П. Наливкин. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. Ежегодник Ферганской обл., т. 3, Нов. Маргелан, 1904, стр. 10.

¹⁹¹ В. П. Наливкин. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания, стр. 1—56.

¹⁹² Медресе Рустам-бек и Кок-Гумбаз, Турк. сб., т. 89, 1873—1875, стр. 298.

¹⁹³ Ежегод., вып. 1, стр. 57—67 (А. Кушакевич сообщает общую площадь земли, засеваемую различными сельскохозяйственными культурами по кишлакам).

¹⁹⁴ Очерки Ходжентского уезда, «Турк. вед.», № 13 за 1872 г.

¹⁹⁵ ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1245, л. 9.

¹⁹⁶ Ежегод., вып. 1, стр. 54—67.

¹⁹⁷ ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 6, лл. 68—79.

¹⁹⁸ Очерки Ходжентского уезда, «Турк. вед.», № 13, 1872.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Этот вид землепользования практиковался и на землях, засеянных другими культурами, но преимущественно применялся по отношению к виноградникам.

²⁰¹ И. Яворский. Опыт медицинской географии и статистики Туркестана, СПб., 1889, стр. 137.

²⁰² П. С. Усов. Зарафшанский край и Самарканд. Живописная Россия, т. X, СПб., 1885, стр. 273.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ А. Кушакевич. Статистические сведения, стр. 65.

²⁰⁵ Е. Мейендорф. Путешествия из Оренбурга в Бухару, совершенное в 1820 г. Перевод с фр. Е. Бедгера, рук., л. 143.

²⁰⁶ ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 18326, л. 1—2. Начальник Ходжентского уезда писал, что 1 тилля равнялась (бухарская золотая монета) 4 руб. (там же, д. № 32039, л. 161). По курсу, установленному в 1866 г., тилля стоила 4 руб. 76³/₄ коп. (там же, д. № 12740, лл. 5—6).

²⁰⁷ В. С. Батраков. Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства, Тр. САГУ, вып. LXII, кн. 8, Ташкент, 1955, стр. 135.

²⁰⁸ В. П. Наливкин. Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края, Справ. кн. Самарканд. обл., вып. IV, Самарканд, 1897, стр. 222.

²⁰⁹ В. П. Наливкин. Очерк благотворительности..., стр. 223.

²¹⁰ А. Кушакевич. Очерки Ходжентского уезда, «Турк. вед.», № 13, 1872. Его же. Статистические сведения о Ходжентском уезде, о городах Ходжент и Ура-Тюбе. Ежегод., мат-лы для статист., Турк. края, СПб., 1872, вып. 1. Его же. Сведения о Ходжентском уезде, ЗИРГО, т. V, СПб., 1871.

²¹¹ Архив Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, док. № 761, 1918.

²¹² Бутенев. Минеральные богатства Бухарии, «Горный журнал», ч. IV, кн. XI, СПб., 1842, стр. 143—148.

²¹³ А. Кушакевич. Статистические сведения..., стр. 36—47; 50—52.

²¹⁴ Подробное описание орудий труда ремесленников см. Н. А. Кирпичникова. Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области, Справ. кн. Самарканд. обл., вып. V, Самарканд, 1897, стр. 110—162.

²¹⁵ Ю. Южаков. Ура-Тюбе и его округ, журн. «Отечеств. зап.», 1867, № 7, стр. 596.

²¹⁶ М. Из глубины веков, газ. «Правда Востока», № 175 за 1925 г.

²¹⁷ ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 9769, л. 25.

²¹⁸ Ю. Южаков. Ура-Тюбе и его округ, стр. 596.

²¹⁹ М. С. Бекчурин. Указ. соч., стр. 17.

²²⁰ А. Кушакевич. Сведения о Ходжентском уезде, стр. 263.

²²¹ ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 9769, л. 25.

²²² А. Кушакевич. Статистические сведения..., стр. 50.

²²³ Н. А. Кирпичникова. Указ. соч., стр. 126.

²²⁴ Там же, стр. 130.

²²⁵ Там же, стр. 137.

²²⁶ Работал гребенщиком в Бухаре, 70 лет, записано в 1953 г.

²²⁷ Н. А. Кирпичникова, Указ. соч., стр. 144.

²²⁸ А. Кушакевич. Сведения о Ходжентском уезде, стр. 260.

²²⁹ Ю. Южаков. Ура-Тюбе и его округ, стр. 595.

230 В. Григорьев. Указ. соч., стр. 100.
 231 Gens. Указ. соч., стр. 75.
 232 От Ташкента до Гавы, Путевые наброски, газ. «Туркестанские ведомости», № 86 за 1894 г.
 233 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 9769, л. 25.
 234 А. Кушакевич. Сведения о Ходжентском уезде, стр. 260.
 235 Один из кварталов Ура-Тюбе называется Кемугхари (Производство шагреновой кожи).
 236 А. Кушакевич. Сведения о Ходжентском уезде, стр. 259.
 237 Там же, стр. 263.
 238 Е. Мейендорф. Указ. соч., стр. 159.
 239 Очерки Ходжентского уезда, газ. «Туркестанские ведомости», № 23 за 1872 г.
 240 А. Гребенкин. Таджики. «Русск. Турк.», Сб., изданный по случаю политехнической выставки, вып. II, М., 1872, стр. 26.
 241 Ю. Южаков. Ура-Тюбе и его округ, стр. 589.
 242 Gens. Указ. соч., стр. 74.
 243 А. Кушакевич. Статистические сведения, стр. 52.
 244 Ю. Южаков. Ура-Тюбе и его округ, стр. 592. Автор почему-то считает оборот товаров в этих лавках полугодовым.
 245 Там же, стр. 594.
 246 Там же.
 247 Там же, стр. 594.
 248 Г. Ар-ко. Из Пенджикента, газ. «Турк. вед.», № 42, за 1876 г.
 249 А. Гребенкин. Указ. соч., стр. 28.
 250 Ф. Назаров. Указ. соч., стр. 78.
 251 Ю. Южаков. Ура-Тюбе и его округ, стр. 596.
 252 Очерки Ходжентского уезда, «Турк. вед.», № 13 за 1872.
 253 А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. II, СПб., 1898, стр. 511.
 254 Ю. Южаков. Ура-Тюбе и его округ, стр. 596.
 255 Там же, стр. 593.
 256 М. Бекчурин. Указ. соч., стр. 33.
 257 Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, СПб., 1874, стр. 241.
 258 Gens. Указ. соч., стр. 74.
 259 Ю. Южаков. Ура-Тюбе и его округ, стр. 599.
 260 Очерки Ходжентского уезда, газ. «Турк. вед.», № 13 за 1872 г.
 261 А. Гребенкин. Таджики, стр. 29.
 262 В. Разводовский. Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае, журн. «Турк. сельское хоз.», № 7, 1916, стр. 638.
 263 Л. Костенко. Поездка в Самарканд, Турк. сб., № 24, 1869, стр. 147, (Матча и Урмитан присоединены к России в 1870 г.).
 264 Ю. Южаков. Сарты или таджики., стр. 410.
 265 М. С. Бекчурин. Указ. соч., стр. 33.
 266 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 13815, лл. 22—23.
 267 Ю. Южаков. Ура-Тюбе и его округ, стр. 599. Батман—в Ташкенте весит 10,5 пудов, в Бухарском ханстве около 15 пудов (Примеч. автора).
 268 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 9720, л. 20. По курсу, установленному царскими властями в 1866 г., кокандская золотая монета (тиля равнялась 3 руб. 80 коп. серебрянная (кокан) — 18 коп. Следовательно, 90000 коканов составляли 16 200 руб.

269 М. С. Бекчурин. Указ. соч., стр. 34.
 270 Там же.
 271 Д. Романовский. Заметки по среднеазиатскому вопросу, СПб., 1868, стр. 54. (Эмир намеревался в то время отмечать этот праздник с особенной торжественностью среди войск, собранных им в Ура-Тюбе).
 272 Матер. по истории Ура-Тюбе, док. № 36.
 273 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 13245, л. 10.
 274 Ю. Южаков. Ура-Тюбе и его округ, стр. 599.
 275 Проект отчета К. Кауфмана, стр. 399.
 276 Ю. Южаков. Ура-Тюбе и его округ, стр. 410.
 277 Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, стр. 215.
 278 А. Кушакевич. Статистические сведения, стр. 50.
 279 П. Иванов. Очерки..., стр. 189.
 280 А. Гребенкин. Указ., соч., стр. 23.
 281 Там же, стр. 31.
 282 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 7737, л. 1.
 283 А. Кушакевич. Статистические сведения, стр. 52.
 284 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 3770, л. 18.
 285 А. Кушакевич. Статистические сведения, стр. 40—47.
 286 Там же, стр. 52.
 287 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2903, л. 86.
 288 См. А. Мухтаров. Загадки поэта Фано, (тадж.) журн. «Пионер», № 12, 1955, № 5, 1956, № 8, 1957.
 289 Фано. Диван, инв. № 1021, стр. 25.
 290 Кары-Рахматуллах-и бухари (Возех). Подарок любимым с жизнеописанием друзей, Ташкент, 1913, стр. 261.
 291 Газ. «Маориф ва Маданият» от 30 ноября 1962 г.
 292 Мавзолей Хозрат-шо, «Коммунист Таджикистана», № 45, 1939.
 293 М. С. Бекчурин. Указ. соч., стр. 18.
 294 Медресе Рустам-бек и Кок-Гумбез, Турк. сб., т. 89, 1873—75, стр. 289.
 295 М. Зиновьев. Указ. соч., стр. 339.
 296 Д. Романовский. Указ. соч., стр. 66.
 297 Там же.
 298 Там же, стр. 98.
 299 Там же, стр. 242.
 300 Русск. Турк., стр. 138. (Из заметок генерала Романовского следует, что в Ура-Тюбе русским войскам досталось 23 орудия, а по Гребнеру — 38 орудий. Романовский подробно описывает калибр каждого орудия и металл, из которого оно отлито. Поэтому мы принимаем количество, указанное Романовским).
 301 Русск. Турк., стр. 241.
 302 А. Гребнер. Указ. соч., стр. 33.
 303 Д. Романовский. Указ. соч., стр. 231.
 304 М. Зиновьев. Указ. соч., стр. 349.
 305 А. Гребнер. Указ. соч., табл. 1, (стр. 33).
 306 Осада Ура-Тюбе и Джизака, стр. 180.
 307 Д. Романовский. Указ. соч., стр. 110.
 308 С. Айни. Еддошхо, т. I, 1955, стр. 105.
 309 Д. Романовский. Указ. соч., стр. 66.
 310 Там же, стр. 89.
 311 Там же, стр. 27.
 312 М. Зиновьев. Указ. соч., стр. 52.
 313 М. Бекчурин. Указ. соч., стр. 21.

- 314 М. Зиновьев. Указ соч., стр. 323.
- 315 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 19, л. 26.
- 316 Там же, д. 17925, л. 58.
- 317 Д. Романовский. Указ соч., стр. 71.
- 318 Там же, стр. 100.
- 319 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 2, лл. 1—9.
- 320 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 19, лл. 2—3.
- 321 Там же, л. 12.
- 322 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 18, л. 1—2.
- 323 Там же, д. 19, л. 21.
- 324 Изв. из Турк. военного окр., Военный сб. т. LXI. СПб., 1868, стр. 48.
- 325 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2898, лл. 1—2.
- 326 Там же, л. 39.
- 327 Там же, л. 41.
- 328 Там же, д. 2903, лл. 36, 56.
- 329 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2903, лл. 77—79.
- 330 М. Терентьев. Туркестан и туркестанцы, журн. «Вестник Европы», № 9, 1875, стр. 57.
- 331 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 31063, л. 17.
- 332 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 191, л. 3.
- 333 Там же, д. 489, л. 25.
- 334 В последующие годы XIX в. русские поселки опять были отделены от Ура-Тюбинского участка.
- 335 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 104, л. 6.
- 336 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 24, лл. 33—37.
- 337 Там же, д. 667, лл. 7—8.
- 338 Там же, д. 120, л. 2.
- 339 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 957, л. 6.
- 340 Там же, д. 1188, л. 1.
- 341 В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 170—171.
- 342 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 11. о. (по словам старожилов, все лавки, расположенные в мясном ряду, также принадлежали Салимбаю).
- 343 Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении. М., 1955, стр. 425.
- 344 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 6, лл. 68—79.
- 345 Там же, л. 4.
- 346 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 10041, л. 35.
- 347 Там же, д. 3790, лл. 35—44.
- 348 ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 247, л. 109.
- 349 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 10041, л. 35.
- 350 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 984—985. Материалы дела не датированы. В списках после фамилии и имени землевладельцев дается их возраст. Отцу автора этой работы Мухтару Мирахмадову, согласно списку было 29 лет. Он умер в 1928 г. в возрасте 51 года. Следовательно, материалы дела относятся к 1905—1906 гг.
- 351 Н. С. Лыкошин. Полжизни в Туркестане. Очерк быта туземного населения. П., 1916, стр. 15.
- 352 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 611, лл. 29—32.
- 353 В. Вяткин. О вакуфах Самаркандской области, Самарканд, 1912, стр. 96—97.
- 354 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 6320, л. 1.
- 355 Там же, д. 6314, л. 1.
- 356 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 6, лл. 68—79.
- 357 Там же, д. 1540, лл. 216, 219.
- 358 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 79.
- 359 Там же, ф. 17, оп. 1, д. 10056, лл. 110—113.
- 360 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, д. 1351, лл. 18—19.
- 361 Там же, д. 6, л. 79.
- 362 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 10056, лл. 110—113.
- 363 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1540, л. 282.
- 364 Там же, д. 140, л. 104.
- 365 Там же, д. 1540, л. 214.
- 366 Там же, д. 95, л. 60.
- 367 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 10056, л. 189.
- 368 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 86, л. 7.
- 369 Там же, д. 1540, л. 218.
- 370 Там же, д. 1041, лл. 8—18.
- 371 Там же, д. 140, л. 57.
- 372 И. И. Гейер. Путеводитель по Туркестану, Ташкент, 1901, стр. 167.
- 373 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 3150, л. 214.
- 374 ЦГИА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 140, л. 92.
- 375 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 1311, л. 3.
- 376 А. А. Семенов. Роль русского народа в развитии хозяйства и культуры народов Средней Азии до Великой Октябрьской социалистической революции, Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, 1958, вып. 2 (17), стр. 7.
- 377 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 10041, л. 43.
- 378 Р. Л. Золотницкая, Н. А. Северцов — географ и путешественник, М., 1953, стр. 98.
- 379 ЦГИА Узб. ССР, ф. 5, оп. 1, дд. 3549 и 3600.
- 380 А. Моисеев. Пчеловодство в Ходжентском уезде Самаркандской области. Справ. кн. Самарканд. обл. на 1907 г., Самарканд, 1907, стр. 154—157.
- 381 А. А. Семенов. Роль русского народа..., стр. 12.
- 382 Статистические сведения о войсках Туркестанского военного округа, Русск. Турк., вып. III, Приложение, стр. 85.
- 383 Заметки о производительности Туркестанского края по отношению к войскам, в нем расположенным, Русск. Турк., вып. III, Приложение, стр. 23.
- 384 Там же, стр. 66.
- 385 Там же, стр. 81—82.
- 386 Н. А. Кирпичникова. Указ. соч., стр. 120 и 125.
- 387 Там же, стр. 121.
- 388 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 31.
- 389 Там же, д. 1620, лл. 116—117.
- 390 Н. А. Кирпичникова. Указ., соч., стр. 120.
- 391 Там же, стр. 121.
- 392 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1170.
- 393 Там же, ф. 1, оп. 1, дд. 984 и 985.
- 394 Обзор Самаркандской области за 1895 г. (Приложение к всеподданейшему отчету военного губернатора). Самарканд, 1896, стр. 40.
- 395 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1540, л. 218.
- 396 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 18316, л. 6.
- 397 Там же, д. 18379, л. 27.
- 398 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 76, л. 3.
- 399 М. Вирский, Туркестанский коммерческий адрес-календарь 1898 г., Самарканд, 1898, стр. 13.
- 400 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 15400, л. 258.
- 401 Там же, д. 1400, лл. 3—4, 17.

- 402 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 2272, л. 70—74.
 403 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 13476, л. 1.
 404 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 95, л. 61.
 405 Обзор Самаркандск. обл. на 1899 г. (изд. Самарканд, обл. статист. комитета), Самарканд, 1900, стр. 42.
 406 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1047, л. 10.
 407 Там же, д. 93, л. 17.
 408 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 140, л. 57.
 409 Там же, д. 86, лл. 18, 25.
 410 Там же, д. 140, лл. 17, 26.
 411 Там же, д. 93, лл. 18—19.
 412 Обзор Самарканд. обл. за 1897 г., Самарканд, 1898, стр. 41.
 413 А. И. Дмитриев-Мамонов, Путеводитель по Туркестану и Средне-азиатской железной дороге. СПб., 1903, стр. 379.
 414 Там же, стр. 377.
 415 Обзор Самарканд. обл., 1903 г. (Изд. Самарканд. обл. статист. комитета), Самарканд, 1904, стр. 86.
 416 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2884, лл. 1—3.
 417 Там же, д. 32039, л. 79.
 418 Там же, д. 17933, л. 35.
 419 Там же, д. 13815, л. 1.
 420 Там же, д. 32044, лл. 32—34.
 421 Проект всеподданнейшего отчета К. Куфмана, стр. 405.
 422 Там же, стр. 414—415.
 423 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 18134, л. 29.
 424 Там же, д. 13920, л. 6.
 425 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 9, л. 21.
 426 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 12953-в, л. 4.
 427 Там же, д. 9769, д. 3.
 428 Там же, д. 12953-в, л. 4.
 429 Там же, д. 13795, л. 12.
 430 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1388, л. 12.
 431 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 13726, лл. 11, 34.
 432 Там же, д. 1388, лл. 129, 132.
 433 Там же, д. 1388, л. 2.
 434 Проект всеподданнейшего отчета Кауфмана, стр. 380.
 435 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 5964, лл. 1—3.
 436 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 9116, л. 256.
 437 Там же, л. 313.
 438 Там же, л. 367—371.
 439 Там же, д. 700, л. 10.
 440 Обзор Самарканд. обл. за 1901 г., Приложение № 14, Самарканд, 1902.
 441 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1082, л. 27.
 442 Там же, д. 1023, лл. 2—3.
 443 ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 12953-в, л. 5.
 444 Там же, д. 18071, лл. 13—14; д. 17957, л. 20.
 445 Там же, д. 3260, л. 95.
 446 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1501, л. 7.
 447 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 7973, лл. 97—98.
 448 Там же, л. 98/101.
 449 Там же, дд. 13593, 457, лл. 1—2.
 450 Летопись Самарканд. обл., стр. 60.
 451 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1734, л. 27.
 452 Обзор Самарканд. обл. за 1901 г., стр. 50.

- 453 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 24888, л. 3.
 454 Там же, д. 52, л. 1.
 455 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 52, л. 4.
 456 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 1122, л. 2.
 457 Там же, л. 5.
 458 Там же, л. 6.
 459 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1400, лл. 3—4, 17.
 460 Там же, д. 1349, лл. 11, 13, 16.
 461 Там же, д. 706, л. 62.
 462 Там же, лл. 13—14.
 463 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 3761-а, л. 29.
 464 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1400, л. 20.
 465 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 3260, лл. 1—2.
 466 Там же, д. 3260, л. 1.
 467 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 2321, л. 4.
 468 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 3260, л. 15.
 469 Там же, л. 16.
 470 Там же, л. 17.
 471 Там же, д. 3260, лл. 47—51.
 472 Там же, л. 19.
 473 Там же, л. 6.
 474 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 14.
 475 Там же, л. 19.
 476 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 3260, л. 8.
 477 Там же, л. 10.
 478 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 23.
 479 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 3260, л. 29.
 480 Там же, л. 14.
 481 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 23.
 482 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 3260, лл. 33—34.
 483 Там же, л. 42.
 484 Там же, д. 3260, л. 97.
 485 Там же, л. 37.
 486 Там же, л. 21.
 487 Там же, л. 17.
 488 Там же, л. 9.
 489 В. И. Ленин. Соч., т. 5, Изд. 3-е, стр. 311.
 490 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 4028-а, л. 2.
 491 Там же, д. 1237, л. 1.
 492 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 652, л. 12.
 493 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 753, л. 1.
 494 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 935, л. 1.
 495 Там же, л. 5.
 496 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 652, л. 14.
 497 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 855-а, лл. 6, 18.
 498 Там же, ф. 1, оп. 4, д. 394, л. 2.
 499 ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 428, лл. 1—3.
 500 Там же, л. 4.
 501 ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 934, л. 19.
 502 Там же, л. 5.
 503 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 95, л. 59.
 504 А. Гребенкин. Указ. соч., стр. 18.
 505 Там же, стр. 14.
 506 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 9770, л. 24.
 507 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 611, лл. 31—32.

- 508 К 1900 г. в районе насчитывалось 72666 жителей (там же д. 652, л. 26).
- 509 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 76, л. 4.
- 510 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 3005, л. 137.
- 511 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 105, л. 18.
- 512 Там же, л. 22.
- 513 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 7709, л. 14.
- 514 ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 18, д. 7709, л. 21.
- 515 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1213, л. 97.
- 516 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, л. 7709, л. 52.
- 517 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1213, л. 124.
- 518 Там же, д. 283, л. 5.
- 519 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 283, л. 12.
- 520 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 7844, л. 1.
- 521 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 586, л. 6.
- 522 Там же, д. 583, л. 6.
- 523 М. М. Вирский, Самарканд. обл. по переписке 1897 г., Справ. кн. Самарканд. обл., Самарканд, 1906, стр. 344.
- 524 ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1407, л. 2.
- 525 Н. С. Лыкошин. Указ. соч., стр. 228.
- 526 Справ. кн. Самарканд. обл. за 1905 г., вып. VII, Самарканд, 1905, стр. 30.
- 527 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 8081, л. 5—6.
- 528 Н. С. Лыкошин. Указ. соч., стр. 28.
- 529 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 19557, лл. 10—13.
- 530 Там же, д. 1833, л. 1.
- 531 Там же, д. 4110, лл. 69—70.
- 532 Там же, д. 28903, лл. 67—68.
- 533 Там же, д. 4110, л. 272.
- 534 Е. И. Пахомова. Амбулаторные лечебницы для туземных женщин и детей Самаркандской области. Справочная книжка Самаркандской области на 1895 г., Самарканд, 1895, стр. 56—58.
- 535 Справ. кн. Самарканд. обл. на 1898 г., вып. VI, табл. 2, Самарканд, 1899.
- 536 ЦГИА Узб. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 4110, л. 276.
- 537 Там же, л. 277.
- 538 Там же, л. 278.
- 539 А. А. Семенов. Роль русского народа в развитии хозяйственной культуры народов Средней Азии до Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 6.
- 540 ЦГИА Узб. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 8209, л. 2.
- 541 Город Ура-Тюбе, газ. «Туркестанские ведомости», № 226 за 1909 г.
- 542 Там же.
- 543 Подробно см. История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 350—356.

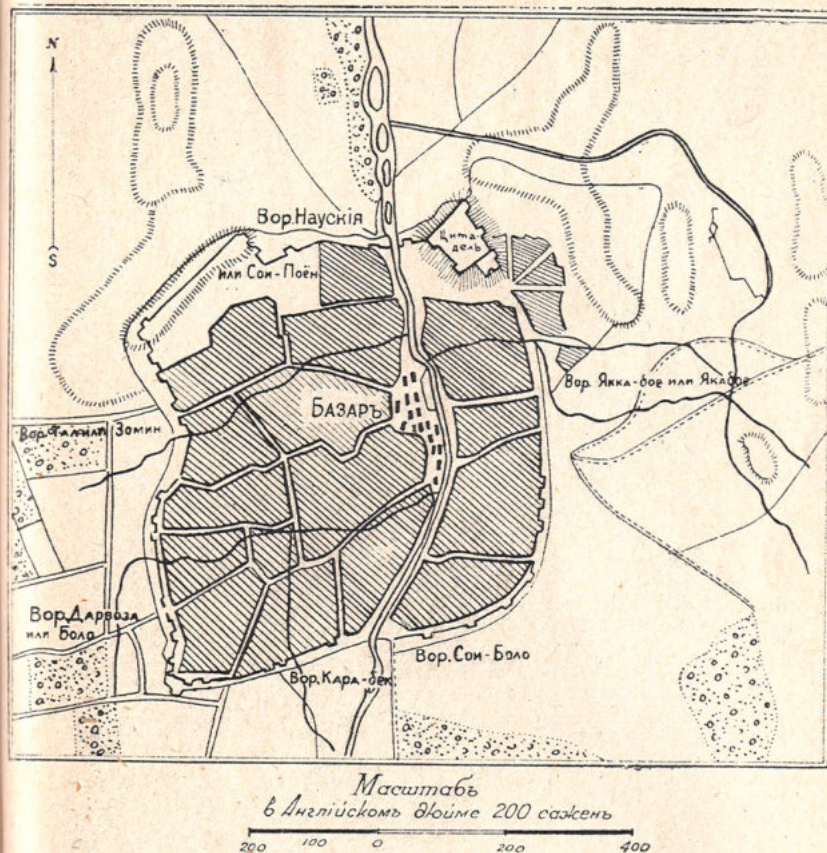

Рис. 1. План города Ура-Тюбе в 1866 г. (Макшеев А. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских войск, СПб., 1890).

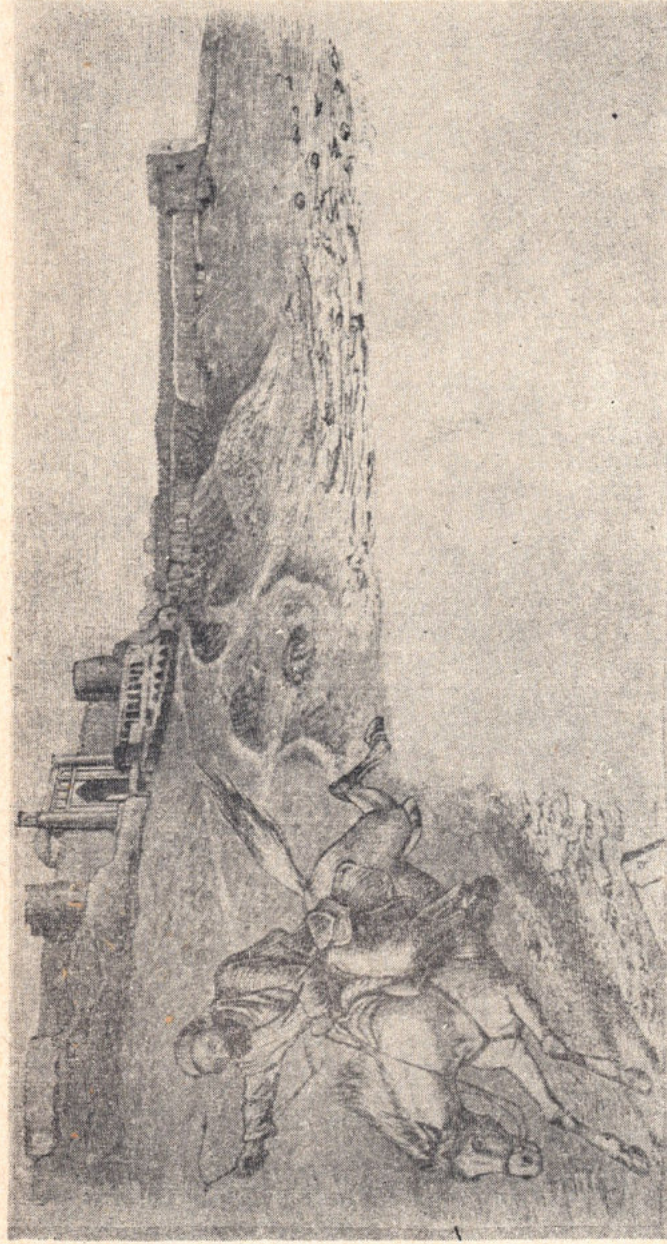

Рис. 2. Цитадель города Ура-Тобе в 60-х годах XIX в. (Пашино. Туркестанский край в 1866 г.).

Рис. 3 Надгробие начала XIX в. из кладбища Кала-Манора
(фото с натуры).

Рис. 4. Вид на город Ура-Тюбе и на возвышенность Калла-Манора в 60-е годы XIX в. (Туркестанский альбом Кауфмана).

Рис. 5. Медресе Рустам-бека. Фото 60-х годов XIX в.
(Туркестанский альбом Кауфмана).

Рис. 6. Починщик битой посуды.
Фото 60-х годов XIX в.
(Туркестанский альбом Кауфмана).

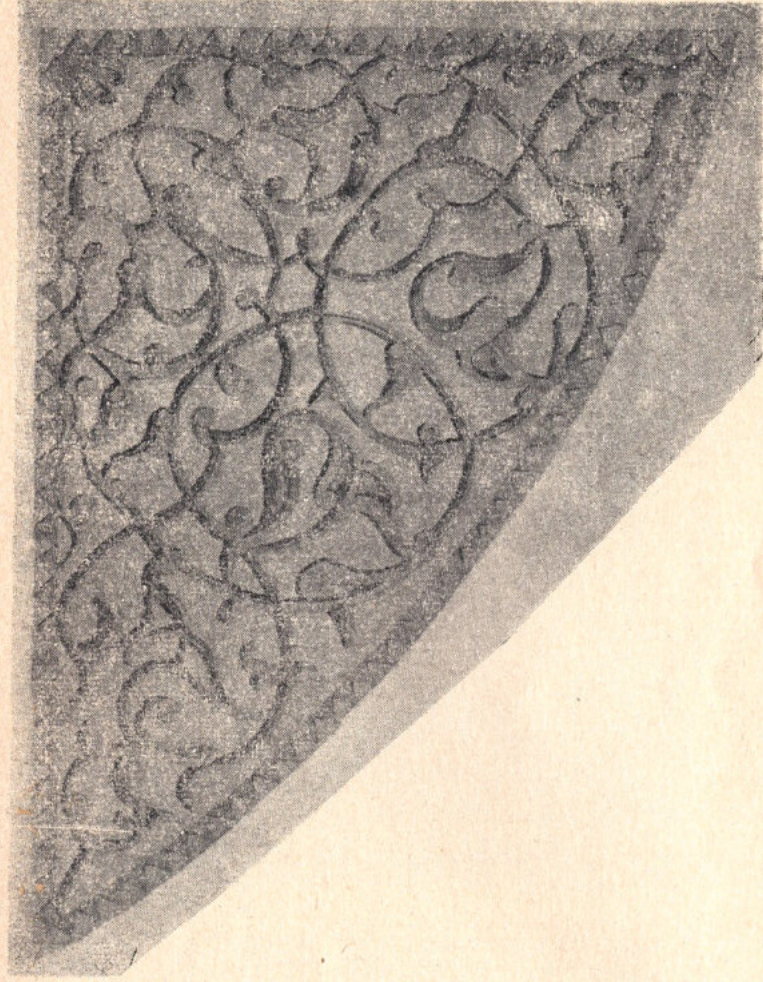

Рис. 7. Резьба по дереву (двери) из мазара Ботаго.

Рис. 8. Резьба по дереву (двери конца XIX в.) из
Мазара Ботаго. Усто (мастер) Абдукарим.

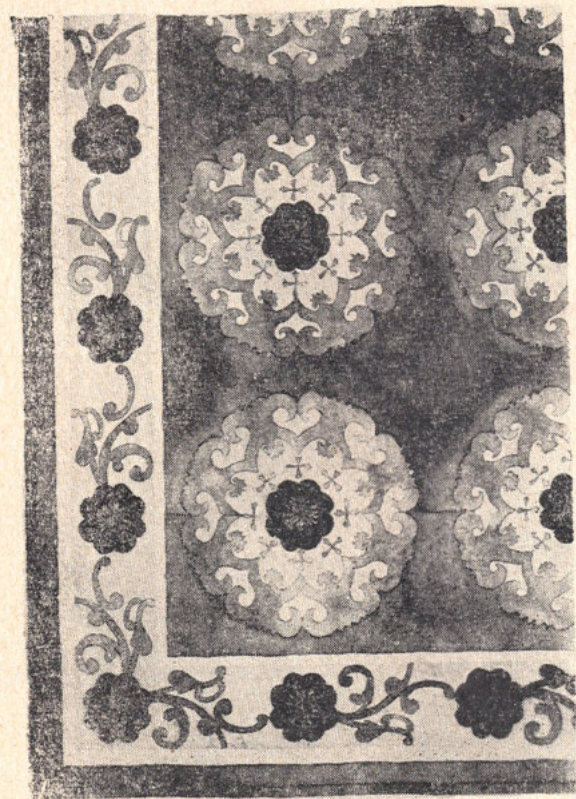

Рис. 9. Сюзане (деталь).

Рис. 10. Руйджо. Начало XX в.

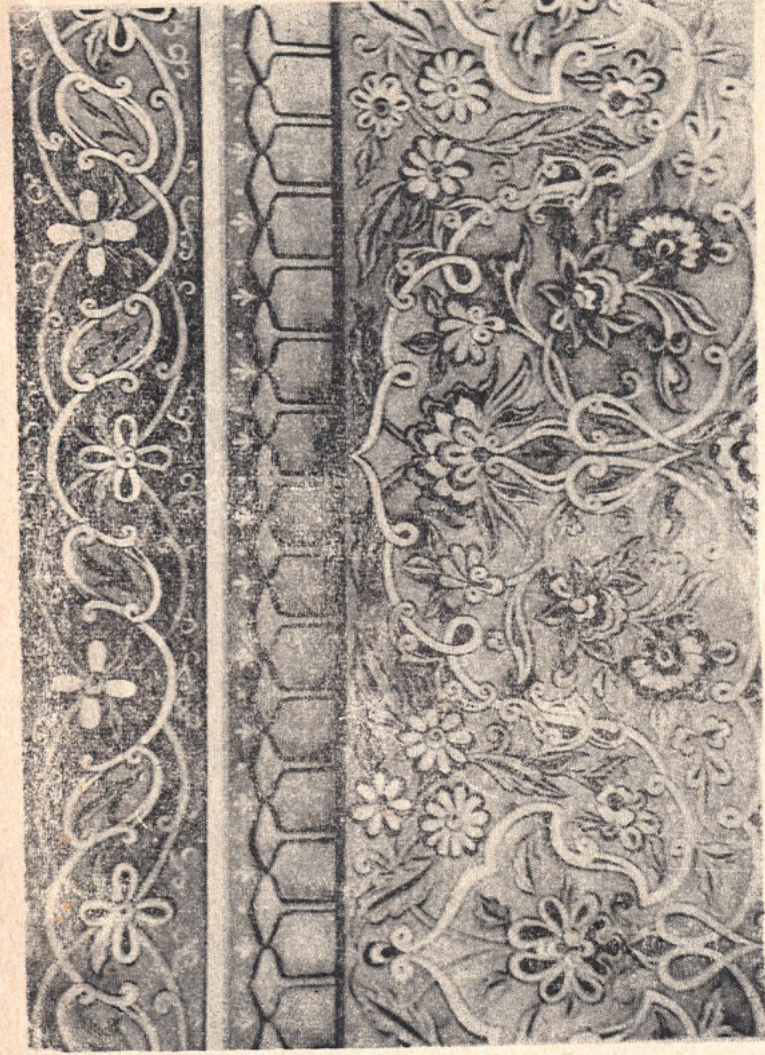

Рис. 11. Роспись по дереву из мечети Хаузи Сагин. (рис. 7—11 взяты из архива
Управления по делам архитектуры при Совете Министров Таджикской ССР, 1946 г.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение	3
--------------------	---

ГЛАВА I

Историко-географический обзор Ура-Тюбинского владения в конце XVIII и в первой половине XIX в.	13
---	----

§ 1. Краткая характеристика природных условий и народона- селения Ура-Тюбинского владения	—
§ 2. Краткие исторические сведения Ура-Тюбинского вилаета до начала XIX в.	16
§ 3. Основные политические события и положение народных масс в Ура-Тюбинском владении до присоединения к Рос- сии	21

ГЛАВА II

Управление Ура-Тюбинского владения и поземельно-податная система в первой половине XIX в. и накануне присоединения вилаета к России	50
---	----

§ 1. Организация управления	—
§ 2. Земельные отношения	57
§ 3. Ремесло и торговля	72
§ 4. Налоговая система	87
§ 5. Культурный уровень населения	93

ГЛАВА III

Ура-Тюбинский район в колониальный период (1866—1900).	101
--	-----

§ 1. Присоединение Ура-Тюбинского владения к России	—
§ 2. Организация управления	107
§ 3. Влияние присоединения на развитие экономики и культу- ры	117
Изменения в сельском хозяйстве	—
Состояние ремесла	127
Развитие торговли	132
Налоговая политика царизма	136
Массовые народные движения в колониальный период	147
Изменения в культурной жизни	158
Заключение	168